

7 69
10905

10905

L. Fuchs

№ 2.

ОБОЗРѢНІЕ
ЯПОНСКАГО АРХИПЕЛАГА

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЕГО СОСТОЯНІИ

СОЧИНЕНІЕ

М. ВЕНЮКОВА

СЪ КАРТОЮ.

1871.

В. Зал
53

ОБОЗРѢНІЕ ЯПОНСКАГО АРХИПЕЛАГА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЯПОНЦЫ ДОМА И ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр
Глава IX Различныя сословія японскаго общества . .	1
X Домашній и общественный бытъ	14
XI Черты нравственности и права	45
XII Японское язычество и теорія праведной жизни	58
XIII Письменность и научныя свѣдѣнія. . . .	71
XIV Хронологія японской исторіи	85

Скороченіи Ю. О. Шлегеля Младшаго, 71.

ОБОЗРѢНІЕ ЯПОНИИ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Различныя сословія японскаго общества.

Давно уже извѣстно, что японское общество имѣетъ аристократическій строй, то есть что въ немъ есть могущественные наследственные высшіе классы и потомъ цѣлый рядъ ступеней нисходящихъ. Это совершенно естественно потому, что Японія искони была государствомъ монархическимъ, а уже Монтескье замѣтилъ, что гдѣ есть монархія, тамъ есть и дворянство, и даже наоборотъ: только тамъ есть монархія, а не деспотія, гдѣ есть самостоятельное дворянство. Японія въ этомъ случаѣ рѣзко отличается отъ Китая, которому обязана многими началами образованности, но который самъ не умѣлъ создать ничего лучшаго, какъ автократію, окруженную чиновничествомъ, т. е. самый тяжкій видъ деспотизма, гдѣ ни честь, ни даже интересы наследственного собственника, не руководятъ уже правителемъ по отношенію къ управляемымъ, и гдѣ двигатель всѣхъ событий внутренней жизни народа есть чиновничье честолюбіе и корысть.— Но хотя аристократическій строй японскаго общества бросается въ глаза и издавна былъ замѣченъ европейцами, однако распредѣленіе народа по сословіямъ всегда возбуждало нѣкоторыя недоумѣнія. Національные законы Гонгенсамы упоминаютъ о четырехъ разрядахъ японскихъ гражданъ; но эта классификація очевидно не обнимаетъ всего населенія. Изъ европейцевъ Зибольдъ и Головинъ считали въ Японіи восемь или даже девять разрядовъ жителей, рѣзко отличныхъ по своимъ правамъ и общественному положенію; но въ 1863 году

Линдау находилъ болѣе удобнымъ соединить ихъ въ три группы, прибавивъ впрочемъ, что въ каждой изъ послѣднихъ есть отѣнки и переходы; а Диксонъ насчиталъ снова восемь, хотя не совпадающихъ съ зибольдовскими. Современныя перемены въ строѣ японскаго общества осложнили еще болѣе изученіе его состава. Поэтому, чтобы дать ясное онятіе о немъ, небезполезно начать съ весьма категорической классификаціи Зибольда, чтобы чрезъ изученіе самыхъ отступленій отъ нея прійти къ положительнымъ выводамъ.

Зибольдъ насчитываетъ восемь сословій: 1) *даймюсы*, т. е. князья или феодальные титулованные владѣльцы (*); 2) *хаттамото* или вассальные дворяне; 3) *акунны* или люди служилые, которыхъ всѣ евронеицы, до послѣдняго времени, считали исключительно военными по причинѣ носимыхъ ими двухъ сабелей; 4) *духовные*, т. е. жрецы и монахи; 5) *лекаря* и писцы; 6) *кунцы*; 7) *ремесленники*, къ которымъ причислены и художники; 8) *поселяне*, рыбаки и поденщики. Въ этихъ сословіяхъ стояли лишены всѣхъ гражданскихъ правъ живодеры или *кожесеники*. Такимъ образомъ въ результатѣ получалось девять общественныхъ ступеней, которыя хотя, за исключеніемъ послѣдней, не составляли замкнутыхъ кастъ, но выходъ изъ которыхъ по закону былъ затруднителенъ и даже, какъ говорятъ, былъ преслѣдуемъ общественнымъ мнѣніемъ. Зибольдъ и другіе писатели приводили примѣры сословныхъ повышеній, но сами приведенные случаи, какъ совершенно исключительные, показывали рѣдкость въ переменахъ наслѣдственныхъ состояній.

Олькокъ, изучая политическія права высшихъ сословій, первый замѣтилъ, что между князьями нужно отличать нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ къ первому, самому высшему, принадлежало едва двадцать домовъ. Этотъ классъ состоялъ изъ большихъ даймюсовъ или *коксю*, которыхъ земли принадлежали имъ въ неотъемлемую родовую собственность и представляли удѣлы весьма значительнаго объема. Коксью были настоящіе государи ихъ владѣній, которыхъ уже писатели XVI вѣка называли королями. Они всегда были лично подчинены одному микадо и весьма независимо держались предъ сіюгунами, хотя обязаны были, наравнѣ съ прочими князьями, проживать пол-

(*) О придворной аристократіи, *кунге*, ни Зибольдъ, ни другіе прежніе авторы ничего не говорили; между тѣмъ она-то одна и была настоящею аристократіею крови.

года въ Іеддо. Мы перечислили ихъ въ главѣ о государственномъ устройствѣ Японіи; прибавимъ здѣсь, что по отношенію къ личной отвѣтственности передъ микадо наравнѣ съ ними стояли еще пять или шесть домовъ не коксью.

Остальные четыре разряда князей, которыхъ общія названія также даны въ главѣ о государственномъ устройствѣ, составляли уже переходъ отъ первоклассныхъ вассаловъ короны къ простымъ помѣщикамъ, съ титулованными фамиліями. Всѣ князья съ доходомъ менѣе 10.000 кокфъ не были даже членами общаго собранія даймюсовъ. Однако на общественной лѣстницѣ они занимали весьма высокую ступень. Каждый князь былъ и есть доселѣ въ глазахъ массы японскаго народа почти священная, заслуживающая величайшаго почета. Сословіе князей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми придворными сановниками, всегда было и до сихъ поръ остается главнымъ двигателемъ политическихъ событій и составляетъ противовѣсъ автокритическому могуществу центральной власти. При сіюгунахъ его оппозиція была можно сказать, постоянною, хотя со времени Іеясу недовольно могущественною; но теперь, когда тайкунатъ уничтоженъ, и притомъ благодаря усиліямъ самихъ князей, значеніе ихъ снова возросло. Только оно измѣнилось въ своемъ существѣ, въ природѣ вліянія и власти. Прежде это были по праву и на дѣлѣ феодальные владѣльцы земель и ихъ населенія; теперь «вся Японія принадлежитъ одному микадо» и князья остались *de jure* только правителями своихъ областей. Конечно, *de facto* пока это не произвело переменъ, ибо общей перестановки удѣловъ и опредѣленія предѣловъ власти князей сдѣлано не было; но не нужно забывать, что въ Японіи теперь по общему, провозглашенному самими же князьями, началу наслѣдственность должностей уничтожена, и слѣдовательно въ близкомъ будущемъ не только личный составъ аристократіи, но и самый сословный характеръ ея должны понести важныя измѣненія.

Съ паденіемъ тайкуната естественно уничтожилось и раздѣленіе князей на классы, созданное Гонгенсамою; пѣтъ теперь *de jure* ни коксью, ни тосамъ, ни гокамонъ и гофудаевъ. Есть одно общее сословіе знати, высшаго дворянства, которое называется *назоку* и къ которому принадлежитъ также аристократія бывшаго двора микадо, состоящая частію даже изъ родственниковъ его. Однако въ народномъ говорѣ и въроятно въ законѣ, остались слѣды дѣленія этой знати на разряды по доходамъ: прежніе члены общаго собранія даймюсовъ,

т. е. тѣ, которые имѣютъ до 10.000 и болѣе кокфъ дохода, называются *тоси*, тѣ, которые менѣе, до 1.000 подтѣ — *часи*, и наконецъ самые бѣдные — *каси*.

Бывшее дворянство *сіогуновъ*, хаттамато, нынѣ также подъ этимъ именемъ не существуетъ, а, составляя по прежнему служилое и землевладѣльческое сословіе, наравнѣ съ бывшими дворянами князей, образуетъ особый классъ людей, обыкновенно называемыхъ *кераи*. Сословіе это сохранило весьма вліятельное положеніе, и изъ него составлена была въ 1869—70 г. «Палата общихъ совѣщаній», столь много содѣйствовавшая социальному и политическому перерожденію Японіи. Къ этому классу людей принадлежатъ передовыя личности страны, между которыми находятъ наиболѣе сочувствія европейскія идеи и знанія. Въ удѣлѣ князя Айдзу дворянство уже не наследственно, а дается лишь за заслуги военные, ученые и литературныя; но въ остальныхъ частяхъ Японіи дѣти дворянъ еще дворяне по праву рожденія. Почти вся провинціальная и значительная часть центральной администраціи находится въ рукахъ этого сословія, которое притомъ довольно богато. Прежде, по свидѣтельству Головинна, у дворянства, какъ и у князей, было господствующимъ майоратное право, и притомъ не по старшинству рожденія, а по избранію, отъ чего, какъ замѣтилъ нашъ мореплаватель, «у японцевъ рѣдко встрѣчались въ дворянскомъ сословіи дураки или негодяи». Теперь двигателемъ къ достиженію возможнаго умственного и нравственнаго развитія стало не одно фамиліальное честолюбіе, а и другія, высшія побужденія: чистая любовь къ знанію и надежда приобрести видное положеніе въ обществѣ независимо отъ рожденія, что, за уничтоженіемъ наследственности должностей, всегда возможно.

Сословіе дворянъ такъ-сказать непосредственно продолжается другимъ, служилымъ *ex-officio* и обыкновенно называемымъ *якунинами*. Якуини, по смыслу слова, значить и солдатъ, и офицеръ и чиновникъ, даже самый высшій, такъ что говорятъ на-примѣръ: Санжіо-дайнагонъ есть важный якуини. Этимъ общимъ названіемъ подводятся подъ одинъ уровень и такъ сказать сближаются между собою всѣ лица, несущія государственную службу, въ какомъ бы званіи ни было. Головини и другіе писатели прежняго времени называли это сословіе военнымъ; но такое опредѣленіе не вполне точно, такъ какъ и гражданскій чиновникъ есть также якуини, также носятъ двѣ са-

бли, въ торжественныхъ случаяхъ лакированную шляпу и пр. Собственно-военные якуинны нынѣ начинаютъ, мало по-малу, выдѣляться своей одеждой на европейскій манеръ, а также образомъ жизни—въ казармахъ, на постахъ, на ученьяхъ, и пр. Люди бѣдные, т. е. простые солдаты, такъ и остаются постоянно въ военномъ нарядѣ съ своими двумя саблями; но кто сколько-нибудь зажиточенъ, тотъ нынѣ службы носитъ общепонское платье. Самые солдаты, за дороговизною головныхъ уборовъ и обуви, продолжаютъ ходить, даже въ караулахъ безъ шляпы и въ баядаляхъ вмѣсто официальныхъ сапогъ и башмаковъ. Сословіе это весьма многочисленно, и такъ-какъ содержаніе его обходилось народу очень дорого, то съ 1869 года послѣдовало уменьшеніе его на 400.000 человекъ, которымъ оставлена только одна сабля. Если однакоже, за всѣмъ тѣмъ, правительство надѣется содержать постоянно до 160.000 войска, составленнаго изъ молодежи этого сословія, между 18 и 30 годами, то нужно думать, что, доселѣ это сословіе заключаетъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, отъ полутора до двухъ милліоновъ душъ. Якуинны, уволенные въ 1869 году отъ обязательной службы, могутъ также поступать въ ряды войска, если пожелаютъ и если найдется вакансія: сабля, оставленная при нихъ, какъ сословное отличіе, открываетъ имъ къ этому дорогу.

Много говорилось въ прежнее время объ уваженіи, которымъ пользуются всѣ военные въ Японіи, до самыхъ простыхъ солдатъ. Наблюдая обычаи страны въ настоящее время, трудно замѣтить это. Конечно, поселяннѣ, а тѣмъ болѣе сельскій рабочій, относится съ нѣкоторымъ почтеніемъ къ сабленосцу; но это болѣе изъ робости передъ властью, (*) чѣмъ изъ уваженія къ сословному превосходству. Городскіе рабочіе, люди самаго низшаго класса, рѣшительно не обращаютъ вниманія на солдатъ, хотя послѣдніе, изъ чувства сословнаго превосходства, не сближаются съ ними, держась постоянно кучками между собою. Если случается встрѣтить якунина, сопровождаемаго простолюдиномъ-некупцомъ, то послѣдній непремѣнно идетъ сзади, и даже купцы всегда вѣжливо сдержанны въ разговорахъ съ людьми военнаго званія. Солдаты въ праздное отъ службы время любятъ расхаживать по лавкамъ, чтобы покупать, а еще болѣе

(*) По законамъ Гонгенсамы благородный самъ можетъ безотлагательно наказать простолюдина за оказанное ему неуваженіе.

разсматривать разные бездѣлки: ихъ встрѣчаютъ привѣтливо. Между собою они вѣжливы, какъ впрочемъ всѣ японцы до земледѣльцевъ и рыбаковъ. Будучи всѣ довольно грамотны, чтобы читать романы и другія книги, далеко не всегда доступныя простолюдианамъ, они съ жаромъ предаются этому занятію у себя въ казармахъ, въ караульных домахъ и проч. Между ними вовсе нѣтъ пьяницъ, такъ что европейскіе солдаты въ Йокогамѣ, образцы для японцевъ въ смыслѣ тактическаго образованія, въ этомъ случаѣ могли бы сами кое чѣмъ позаимствоваться у нихъ. Ежели саки или другіе крѣпкіе напитки употребляются якунинами-солдатами, то у себя дома или въ гостяхъ, но не въ кабакахъ и на улицѣ. Никогда якунинъ не возьметъ на водку отъ европейца, котораго конвоировалъ по обязанности; но ему можно предложить чаю, вина, прожжковъ, и тогда онъ любезно благодаритъ и принимаетъ угощеніе. Особенно якунины-кавалеристы очень прилично держатся, хотя живутъ по казармамъ, которыя въ Европѣ производятъ такое огрубляющее вліяніе на военныхъ чиновъ. — О якунинахъ-чиновникахъ нечего и говорить: они по наружности ничѣмъ не отличаются отъ высшаго дворянства, хотя члены послѣдняго все еще относятся къ нимъ нѣсколько свысока, и когда иностранецъ скажетъ, по ошибкѣ, офицеру-дворянину, что онъ, вѣроятно, таможенный, арсенальный или какой другой чиновникъ такого разряда, который обыкновенно замѣщается простыми якунинами, то это его смущаетъ. — Сословіе якуниновъ наследственное, но не въ томъ смыслѣ, что сынъ непременно наследуетъ отцу въ должности, а лишь въ томъ, какъ у насъ козаки.

Лишеніе военнаго званія у японцевъ опредѣляется только за большіе проступки и есть позорное наказаніе. Такъ унтеръ-офицеръ, начальникъ караула, изъ подъ котораго бѣжалъ Головинъ, бывъ разжалованъ за это въ работники, носилъ всѣ признаки самой глубокой печали: не брилъ головы, бороды, не стригъ ногтей и т. п. Въ Йокогамѣ мнѣ случилось видѣть церемонію лишенія военнаго званія одного солдата. Оно было объявлено ему передъ собраніемъ соратниковъ, послѣ чего онъ былъ одѣтъ какъ простолюдинъ и выведенъ изъ воротъ казармъ подъ руки, въ сопровожденіи полицейскихъ. Несчастный плакалъ при этомъ навзрыдь, и другіе японцы говорили, что, вѣроятно, онъ лишитъ себя жизни. Въ вопросахъ чести японскіе якунины вообще щекотливы, и обида или неу-

важеніе, высказанныя однимъ изъ нихъ другому, почти всегда велутъ къ кровавой расправѣ.

Военные вознаграждаются за службу во-первыхъ пожизненною свободою отъ податей, во-вторыхъ содержаніемъ, которое получаютъ во время дѣйствительной службы, въ третьихъ возможностью повышеній, не ограниченныхъ ничѣмъ для людей способныхъ и дѣятельныхъ, и, наконецъ, въ четвертыхъ, отводомъ въ пользованіе земельныхъ участковъ или другихъ недвижимостей, какъ во время службы, такъ и при отставкѣ. Разнообразное по мѣстностямъ, служебное довольствіе на столько значительно, что солдатъ можетъ жить, по японски, безбѣдно; но якунины тѣснславны и мотоваты, а потому едва ли дѣлаютъ сбереженія. Исключеніе составляютъ развѣ тѣ, которые употребляются на полицейскую и таможенную службу, гдѣ сверхъ казеннаго довольствія не упускаютъ случая брать взятки. Вообще якунинъ во многомъ напоминаетъ мелкаго польскаго шляхтича прежнихъ временъ: тоже отвращеніе къ труду, та же склонность къ хвастовству, къ азартнымъ играмъ, къ житію на счетъ низшихъ классовъ или же богачей, которымъ служатъ, и тотъ же раздражительный *point d'honneur*, который иногда доходитъ впрочемъ до рыцарства.

Якунинъ, уволенный отъ службы, становится *лониномъ* т. е. человѣкомъ безъ занятій, безъ дѣла. Этотъ разрядъ людей пріобрѣлъ себѣ въ послѣдніе девять-десять лѣтъ большую извѣстность, потому что являлся орудіемъ крайней патріотической партіи дворянства, желавшей удаленія изъ Японіи иностранцевъ и потому употреблявшей всѣ мѣры, до кинжала и яда, чтобы устрашить послѣднихъ и покровительствовавшихъ имъ вліятельныхъ японскихъ сановниковъ. Лонины, исполняя въ такихъ случаяхъ приватную службу, конечно, хорошо вознаграждались людьми, возлагавшими на нихъ щекотливыя порученія; но видно, что они, независимо отъ того, позволяли себѣ преступныя дѣйствія изъ личныхъ цѣлей. Поэтому правительство, рѣшаясь въ 1869 году уменьшить число военно-служащихъ, больше всего опасалось появленія въ странѣ лониновъ, приняло разныя полицейскія мѣры противъ бродяжничества и дало уволеннымъ отъ службы якунинамъ небольшое содержаніе рисомъ на два года. Многіе изъ этихъ послѣднихъ лониновъ перешли теперь въ торговое сословіе, стали заниматься ремеслами, сдѣлались матросами, слугами и т. п. Въ княжествѣ Нагато, какъ уже было однажды замѣчено, они даже бунтовались, не желая раз-

статься съ прежнимъ своимъ званіемъ, а можетъ быть и потому, что не были удовлетворены тѣмъ, что имъ слѣдовало.

Четвертый классъ японскаго общества составляютъ жрецы и монахи синтооскіе и буддійскіе. Головинъ коротко выразился о нихъ, что «сословіе это очень многочисленно и раздѣляется на разныя степени, по которымъ имѣть свои преимущества, изъ коихъ однако же самыя выгодныя тѣ, которыя хотя не обозначены закономъ, но по обстоятельствамъ и по важности, сопряженной съ духовнымъ саномъ, всегда принадлежали сему сословію у многихъ народовъ земнаго шара: я разумѣю праздность и удобство хорошо жить на счетъ другихъ.» Но такая характеристика, при всей ея образности, не исчерпываетъ дѣла. Необходимо присовокупить, что жрецы храмовъ получаютъ содержаніе частію отъ приношеній вѣрующихъ, но частію, и очень нерѣдко, отъ капиталовъ, принадлежащихъ храмамъ и завѣщанныхъ основателями и благотворителями. Эти капиталы иногда состоятъ изъ поземельныхъ участковъ, (*) отдаваемыхъ въ наемъ, изъзданій разнаго рода и проч. Во всей Японіи монастыри служатъ какъ бы постоянными дворами для путешественниковъ сколько-нибудь зажиточныхъ, и въ самомъ Іеддо нѣкоторые буддійскіе храмы служили резиденціями европейскихъ посольствъ. Бываютъ даже случаи, что тотъ или другой храмъ отдается на время для пиришества или другаго увеселенія, конечно не даромъ. Нищенствующіе монашескіе ордена живутъ однимъ подаваніемъ,

Тѣ разряды духовенства, которые не входятъ въ составъ монашескихъ орденовъ, безусловно подчиняются свѣтскимъ властямъ и законамъ во всемъ, что выходитъ изъ предѣловъ ихъ духовныхъ обязанностей. Такъ, между прочимъ, за преступленія они судятся одною свѣтскою властью. При Головинѣ на Мацмаѣ былъ случай такого суда надъ жрецомъ, обвиненнымъ въ воровствѣ и побѣгѣ. Губернаторъ прежде всего велѣлъ посадить виновнаго въ тюрьму, а потомъ, по разборѣ дѣла, его казнили. На замѣчаніе русскаго капитана, что слѣдовало бы въ подобныхъ случаяхъ обращаться предварительно къ духовнымъ властямъ для лишенія провинившихся ихъ духовнаго сана, знакомые ему японцы со смѣхомъ отвѣчали, что «бездѣльники, изболѣнные судомъ и караемые закономъ, сами собою ли-

(*) Недавно храмъ Зайзоджи въ Іеддо получилъ значительный участокъ, съ рыбными ловлями, на Мацмаѣ.

шаются преимуществъ своего званія вмѣстѣ съ головою, не смотря на то, хочетъ ли того духовная власть или нѣтъ.»

Общее число жрецовъ и монаховъ, занесенныхъ въ списки правительства, превышаетъ 200,000 человекъ. Это даетъ по одному такому субъекту менѣ чѣмъ на 200 душъ населенія: пропорція очень невыгодная для страны, которая должна кормить все это тунеядное сословіе. Если мы возьмемъ для сравненія два католическія европейскія государства, Францію и Австрію, то найдемъ, что въ первой число духовенства простирается лишь до 145,000 душъ, а во второй даже только до 70,000, при общемъ итогѣ населенія почти равномъ японскому. И къ названному 200,000-мъ нужно еще прибавить много малолѣтнихъ сиротъ, воспитываемыхъ монахами, служекъ и т. п. Вообще монахъ—явленіе весьма обыкновенное во всѣхъ закоулкахъ и на улицахъ Японіи; только у народа онъ не пользуется уваженіемъ, хотя верховные жрецы очень вліятельны.— Въ послѣднее время идетъ рѣзкая вражда между духовенствомъ синтооскимъ и буддійскимъ по поводу искорененія въ синтооскихъ храмахъ буддійскихъ идоловъ, колоколовъ и пр.; но на народѣ эта вражда не отражается.

Пятый классъ японскаго общества состоитъ по Головинну изъ купцовъ, а по Зибольду изъ низшихъ чиновниковъ и лекарей. Принимая мнѣніе Зибольда, замѣтимъ, что лица, принадлежащія къ этому разряду, имѣютъ право носить одну саблю и даже панталонovidную юбку, эти коренныя отличія высшихъ сословій. За заслуги они могутъ достигать и дворянскаго званія, и напримѣръ главный докторъ сіогуна бывалъ обыкновенно довольно важнымъ чиновникомъ, по рангу равнымъ губернатору Хакодате. Но профессія японскихъ лекарей въ сущности не очень почетна, и они скорѣе всего могутъ быть сравнены съ европейскими фельдшерами. Такъ изъ двухъ-сотъ врачей сіогунова двора только немногіе имѣли кругъ дѣятельности довольно видный, а большинство занималось бритьемъ головъ и подбораніемъ рисовыхъ зеренъ на кушанье сіогуна. Нынѣшніе доктора, т. е. люди съ европейскимъ медицинскимъ образованіемъ, пользуются почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, и профессіи ихъ охотно посвящаютъ себя многіе молодые люди хорошихъ фамилій, т. е. саймураи. Землемѣры, писцы и писатели не-дворяне также принадлежатъ къ пятому классу, и сюда же, по видимому, придется причислить уволенныхъ изъ военнаго званія якуниновъ-односабельниковъ.

Шестое сословіе составляютъ купцы, паружно вообще пренебрегаемые, но во многихъ случаяхъ пользующіеся уваженіемъ и дружбою даже самыхъ гордыхъ аристократовъ, особенно когда даютъ имъ деньги взаймы. Головиннъ рассказываетъ, что ему былъ извѣстенъ сынъ одного богатаго купца, который успѣлъ поступить въ военную службу и тамъ приобрести званіе офицера, конечно за деньги. Это убѣждаетъ, что переходъ изъ неблагогородныхъ сословій въ благородныя не всегда былъ труденъ въ Японіи, хотя высшіе классы общества исполнены аристократической снѣси. Купцамъ не дозволено носить ни сабли, ни панталонъ, и, по замѣчанію Зибольда, первую они еще могутъ получить, записавшись въ слуги къ какому нибудь знатному дворянину, но панталонъ никогда. Политически они совершенно ничтожны, и одинъ примѣръ 1863 года можетъ это доказать лучше всего. Лѣтомъ этого года правительство тайкуна вздумало было предписать японскимъ торговцамъ, живущимъ въ Иокогамѣ, выселиться изъ этого города въ продолженіе трехъ дней, и не встрѣтило ни малѣйшаго съ ихъ стороны противодѣйствія, не смотря на грозившіе имъ убытки и на то, что въ иностранной торговлѣ принимаютъ участіе важные капиталисты. Теперь между купцами начинается распространяться европейское образованіе, но крайней мѣрѣ, въ смыслѣ знанія англійскаго и французскаго языковъ и нѣкоторыхъ европейскихъ обычаевъ: но это относится къ очень немногимъ.

За купцами слѣдуютъ многочисленные ремесленники, въ число которыхъ японская классификація помѣщаетъ и всякаго рода художниковъ: живописцевъ, скульпторовъ и т. п. Собственно говоря, общественное положеніе и права этого класса не ниже тѣхъ, которыя предоставлены законами будущему сословію; но степени богатства ставятъ ихъ ниже на общественной лѣстницѣ. Притомъ не всѣ ремесла одинаково почетны. Фотографъ, рѣзчикъ слоновой кости, золотыхъ дѣлъ мастеръ конечно, пользуются большимъ уваженіемъ, чѣмъ кузнецъ или каменщикъ, и если, по замѣчанію Зибольда, нѣтъ различія между малярами и живописцами, то это потому, что японская живопись сама по себѣ есть лишь ремесло, служащее къ украшенію обоевъ и мебели.— Впрочемъ, здѣсь не излишне замѣтить, что нѣкоторыми рукодѣльями, и именно живописью, занимаются иногда люди высшихъ сословій, даже кунге, не стыжась продавать свои издѣлія. Бываютъ также случаи, что дворяне содержать постоянные дворы и чайные дома, гдѣ члены

ихъ семействъ исполняютъ обязанности прислуги. Сами дайміосы ведутъ обширную торговлю рисомъ и другими произведеніями своихъ удѣловъ. Есть княгини, которыя доставили своимъ мужьямъ состояніе, занимаясь разведеніемъ гусей или другими отраслями домоводства... Промышленная дѣятельность, слѣдовательно, не унижаетъ человѣка въ Японіи, если только она не сопровождается коммерческимъ мошенничествомъ.

Восьмой классъ составляютъ поселяне, рыбаки и поденщики. Многочисленность этого сословія, принадлежность земли въ собственность не ему, а князьямъ, недостатокъ свободной почвы для обработки и дешевизна труда дѣлаютъ положеніе принадлежащихъ къ нему людей весьма незавиднымъ; и если бы не привычка японцевъ къ умѣренному образу жизни на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, то они составляли бы совершенный пролетаріатъ по отношенію къ высшимъ сословіямъ. Впрочемъ, нельзя смѣшивать крестьянина земледѣльца съ городскимъ или сельскимъ рабочникомъ. У послѣдняго нѣтъ ничего, кромѣ собственныхъ мышцъ и бѣдной одежды; первый иногда бываетъ довольно значителенъ. Какъ только участокъ его на столько обширенъ, что въ состояніи давать избытки отъ продовольствія семьи, японецъ уже не работаетъ самъ въ полѣ, а нанимаетъ батрака, по большей части лишь за пріютъ, кормъ и одежду съ приплатою нѣсколькихъ ичибу въ годъ.— Рыбаки обыкновенно владѣютъ лишь тѣми хижинами, въ которыхъ живутъ, да небольшимъ пространствомъ береговъ, гдѣ сушатъ сѣти и чистятъ рыбу. При этомъ условіи они не платятъ никакихъ податей.— Въ южной Японіи всѣ люди рабочаго класса, пользуясь климатомъ, ходятъ нерѣдко нагіе, прикрывъ лишь поясомъ среднюю часть тѣла. Многие изъ нихъ, особенно поденщики, татуируются, подобно жителямъ Полинезіи.

Ниніе и кожевники составляютъ поддонки японскаго общества, стоящіе какъ бы внѣ признанныхъ классовъ. Впрочемъ въ положеніи ихъ есть существенная разница. Ниніи иногда пользуются своего рода уваженіемъ; случается, что онъ даже по происхожденію дворянинъ и вообще членъ высшихъ сословій: тогда никто не смѣетъ трогать его, нарушать то инкогни-то, къ которому онъ прибѣгаетъ, надѣвая капишонъ, платокъ или большую шляпу-корзину на голову, чтобы не быть узнаннымъ. Ниніеу есть пріютъ около храма, въ больницѣ, у воротъ или подъ навѣсомъ частнаго дома; съ нимъ не откажется при нуждѣ говорить каждый японецъ, не смотря на докучли-

вый тонъ его припѣвовать и даже на безобразныя раны, которыми иногда бываетъ покрыто тѣло его. Советѣтъ не то бываетъ съ кожевниками. Они составляютъ отверженцевъ общества въ полномъ значеніи этого слова, считаются непрерывно нечистыми и находятся въ постоянномъ униженіи. Они должны жить въ особыхъ, жалчайшихъ селеніяхъ, не смѣшиваться съ другими сословіями ни бракомъ, ни какими другими узами, не имѣть собственности и даже не быть свободными лично, а состоять у кого либо въ услуженіи. Мало того; самый законъ какъ бы игнорируетъ ихъ существованіе, и при измѣненіи разстояній по дорогамъ протяженіе ихъ селеній не идетъ въ счетъ. Правительство обращается къ нимъ лишь тогда, когда бываетъ нуженъ палачъ для производства казни. Это странное угнетеніе произвело свое естественное послѣдствіе, именно: кожевники слабы физически, мало развиты умственно и вообще скорѣе напоминаютъ рабочій скотъ, чѣмъ людей. Постепенно уменьшаясь въ числѣ, они конечно, должны бы со временемъ выродиться, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ; но теперь, по видимому, для нихъ настанетъ лучшее время. Просьба Уцiami-Соске, которая приведена въ главѣ 8-й этой книги, вѣроятно, будетъ услышана.

Вотъ краткія указанія на составъ японскаго общества, указанія, которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя пополнить численными данными. Мы видимъ, что и донинѣ можно сохранить классификацію Головина и Зибольда; но можно сказать, что и Линдау былъ правъ, раздѣливъ всѣхъ японцевъ на три главные разряда: благородныхъ (*саймурай*, три первые класса), ученыхъ (*босанъ*, жрецы медики и писцы), и простой народъ (всѣ прочіе классы); ибо между этими тремя группами отличія гораздо рѣзче, чѣмъ между подраздѣленіями ихъ. Замѣтимъ здѣсь еще разъ, что классы или сословія у японцевъ—не касты въ индійскомъ или древне египетскомъ смыслѣ, а разряды общества въ смыслѣ, близкомъ къ нашему или къ европейскому до французской революціи. Переходъ изъ одного въ другой, высшій, какъ ни труденъ, все же возможенъ, особенно для людей, отличающихся умственнымъ превосходствомъ, заслугами или просто богатствомъ. Выше мы привели случай полученія купцомъ офицерскаго чина; теперь укажемъ на другой, гдѣ рыбакъ сдѣлался прямо дворяниномъ, то есть перескочилъ по общественной лѣстницѣ черезъ пять ступеней. Заслуга этого простоядина состояла въ томъ, что онъ поднялъ затонувшій

на нагасакскомъ рейдѣ корабль съ дорогимъ грузомъ помощью множества лодокъ, и князь Хизенъ поспѣшилъ отличить его двумя саблями. Былъ даже сіюгунъ изъ крестьянъ и притомъ сіюгунъ знаменитый, Тайко-сама. О переходѣ ремесленниковъ въ купцы и т. п. нечего и говорить: онъ составляетъ явленіе столь же обыкновенное, какъ въ Европѣ.

Замѣтимъ еще, что система браковъ сильно помогаетъ японскому обществу не распадаться на классы, замкнутые въ себѣ. За исключеніемъ кожевниковъ, о которыхъ сказано, что они могутъ брачиться только между собою, всѣ прочія сословія свободны въ выборахъ супруговъ изъ всякаго званія. Разумѣется, что выгода этой свободы принадлежитъ собственно мужчинамъ; женщины же выходятъ за-мужъ за людей, низшихъ себя происхожденіемъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда голосъ страсти заглушаетъ общественный предразсудокъ. Обычай брать женъ изъ чайныхъ домовъ, гдѣ, конечно, уже нѣтъ сословій, много помогаетъ также сближенію разныхъ классовъ японскаго общества, особенно въ городахъ. Аристократія въ дѣлѣ браковъ однако же щекотлива, и князь всегда женится на княжнѣ, а чиновникъ на дочери чиновника, даже по возможности одного съ нимъ ранга. Любовь тутъ уступаетъ мѣсто голосу тщеславія или гордости, и если князю нравится плебейка, то онъ беретъ ее въ любовницы, открыто содержащая въ домѣ, но все же не въ жены.

Въ заключеніе этой главы упомянемъ, что переворотъ, совершающійся нынѣ подъ вліяніемъ европейскихъ идей и выразившійся такъ рѣзко въ сферѣ политической, не остался безъ вліянія и на общественный строй въ Японіи. Низкопоклонное почитаніе высшихъ сословій, которое такъ прочно держалось въ прежнее время, начинаетъ возбуждать насмѣшки передовыхъ японцевъ, и не только изъ молодежи, но и изъ людей пожилыхъ. Въ одномъ политическомъ памфлетѣ, вышедшемъ въ 1869 году, авторъ, японскій дворянинъ-чиновникъ, ядовито осмѣялъ претензіи даже самихъ даймйосовъ на сословныя привилегіи. Да и князья не только не чужды европейскихъ демократическихъ идей, но иногда гласно высказываютъ ихъ. Уничтоженіе, по ихъ инициативѣ, наслѣдственности должностей, есть уже важный шагъ къ уничтоженію наслѣдственности состояній, и въ удѣлѣ Айдзу, какъ мы имѣли случай упомянуть, дворянство перестало уже быть наслѣдственнымъ классомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Домашній и общественный бытъ японцевъ.

Когда послѣ двухвѣкового перерыва сношеній европейцы снова проникли въ Японию, ихъ поразили особенно двѣ вещи: необыкновенная для азіатскаго Востока опрятность японцевъ и чрезвычайная вѣжливость и привѣтливость ихъ, безъ различія классовъ общества. Правда, рассказы объ этомъ слышались и прежде второй половины нашего вѣка; ихъ повторяли Кемферъ, Тувбергъ, Головинъ, Зибольдъ: но имъ какъ-будто не довѣряли, имѣя въ виду отзывы іезуитовъ XVI столѣтія и настойчивое, даже суровое преслѣдованіе японскимъ правительствомъ разъ предположенной цѣли: не допускать европейцевъ на японскую почву. Первый, кто громко похвалилъ многія черты быта японцевъ и чей голосъ былъ услышанъ въ Европѣ, былъ Олифантъ. Весь его, впрочемъ, строго правдивый, рассказъ о пребываніи въ Японіи въ 1858 году дышетъ симпатіей къ островитянамъ крайняго востока Азіи, къ ихъ быту, простой, но не лишенной изящества обстановкѣ жилищъ, манерамъ и проч. Затѣмъ художественными чертами охарактеризовалъ многія стороны японцевъ даровитый Линдау. Сэръ Р. Олькотъ, Эме Гюмберъ, Лерль и многіе другіе новые путешественники также собрали не мало данныхъ, доказывающихъ, что принадлежность всѣхъ истинно цивилизованныхъ націй — опрятность и вѣжливость — столь же свойственны японцамъ, какъ и наиболѣе просвѣщеннымъ народамъ европейскаго Запада.

«Справедливо считаютъ японцевъ народомъ, у котораго правила учтивости соблюдаются самымъ тщательнымъ образомъ

говорить Лерль въ статьѣ, вѣроятно, не безъ удовольствія прочитанной многими въ *Revue des deux Mondes* 1868. Два офицера, два купца, встрѣтившіеся на улицѣ, останавливаются другъ передъ другомъ и отдають взаимно глубокіе поклоны прежде, чѣмъ продолжать свой путь. Нѣтъ слѣдовъ ни небрежности, ни чванства въ ихъ обоюдномъ привѣтствіи: это часто два друга, которые видятся ежедневно и которые однакоже остерегаются забыть эти внѣшніе знаки вѣжливости. У женщинъ церемоніальнѣе привѣтствія еще полнѣе, и любопытно видѣть послѣднюю мѣщанку, которая встрѣчаетъ свою подругу. Обѣ онѣ, сядя на колѣняхъ, неоднократно преклоняють свои головы до поверхности циновки, на которой сидятъ; ихъ смѣющіяся и одушевленные лица выражаютъ счастье свиданія; если онѣ оказали другъ-другу какія либо услуги, то прежде всякаго начала бесѣды благодарятъ за нихъ по нѣскольку разъ. «Очень вами благодарны за вчерашнюю услугу иза всѣхъ другіхъ,» повторяетъ все семейство, не исключая и маленькихъ. Хозяйка дома набиваетъ и раскуриваетъ трубку и подаетъ ее гостѣмъ вмѣстѣ съ обычною чашкою чая. Если отъ сношеній между равными, мы перейдемъ къ отношеніямъ слугъ и господъ, то найдемъ, при безспорности власти съ одной стороны и при очевидномъ послушаніи съ другой, фамиліарность, несогласную на нашъ взглядъ съ чувствомъ іерархическаго превосходства. Тщетно мы стали бы искать въ нашемъ современномъ обществѣ сходства съ домашнимъ бытомъ японца: одна идея патріархальной жизни довольно близко подходитъ къ нему. У японцевъ слуга въ домѣ есть свой человѣкъ, который посвященъ во все, съ которымъ господа совѣтуются о многихъ предметахъ; самый законъ какъ бы приравниваетъ его къ сыну, ибо за убійство господина слуга наказывается какъ за отцеубійство — распятиемъ.»

«Нѣтъ ничего проще и въ то же время опрятнѣе мѣщанскаго домика въ Японіи. Внизу лавка, вверху жилище, сообщающіяся между собою лѣстницею, подъ ступеньками которой идетъ рядъ выдвижныхъ ящиковъ. Крыша дома тяжела, потому что состоитъ изъ массивной черепицы, которая давитъ на зданіе, но которая даетъ ему устойчивость во время землетрясеній. Столбы, которые ее поддерживаютъ, соединены снаружи легкими стѣнами, а внутри, гдѣ нужно, подвижными ширмами изъ бумаги. Подвижной полъ, изъ досокъ слегка лишь обструганныхъ, лежитъ на многочисленныхъ балкахъ; но под-

стия циновки, плотно прилегающія одна къ другой, сплошь покрываютъ его и образуютъ какъ бы паркетъ, свѣжій и гибкій, служащій въ то же время постелью и стульями. Каждый приходившій оставляетъ за дверью свои сандалии и садится на полъ, подогнувъ ноги, какъ у насъ человѣкъ, стоящій на коленяхъ. Вся жизнь семейства сосредоточивается около очага, четырехугольнаго ящика, занимающаго средину комнаты; на немъ ставятся желѣзные таганы для помѣщенія кухонной посуды; внутри его горитъ постоянно огонь древесныхъ углей, среди кучки золы, которую тщательно каждый день выгребаютъ. Около очага грѣются зимой, отдыхаютъ послѣ работы во всякое время года. Особенно женщины, болѣе домохозяйки чѣмъ мужчины, предаются этой сладости отдыха, во время котораго мечта носится въ отдаленіи, а рука чертитъ, посредствомъ мѣдной палочки, фантастическіе узоры на поверхности золы. У стѣнъ комнаты видно только двѣ мебели: деревянный комодъ съ металлическими наугольниками, заключающій, между прочимъ, ящики для дорогихъ вещей, и шкафъ высотой до потолка, заставленный бумажными пирамидами, гдѣ хранятся кухонная посуда, метелки и вообще все, что нужно для поддержания чистоты въ домѣ. Въ верхнемъ этажѣ, если такой есть, хранятся толстые одѣяла на ватѣ и маленькія деревянныя пирамидки съ выемкою для головы, служащія вмѣсто подушекъ, а также и для хранения ключей и денегъ, ибо вмѣщаютъ обыкновенно внутри себя небольшіе ящички. Ложась спать, японка покрываетъ эту пирамидку связкой бумаги или книгою, которой листы переворачиваются всякій вечеръ, чтобы лицо и особенно громоздкая прическа покоились на чистой бумагѣ. Сверхъ этихъ необходимыхъ мебели и гитары, висящей на стѣнѣ, въ комнатахъ встрѣчаются еще развѣ вѣтки съ птицами и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами *); вся же роскошь комнатнаго убранства состоитъ въ лакировкѣ деревянныхъ вещей и въ чистотѣ и свѣжести бумажныхъ обоевъ».

«У женщинъ желаніе правиться сильно развито во всѣхъ

*) Эме-Гюмбергъ прибавляетъ: «Во всякомъ скольконибудь зажиточномъ семействѣ содержится непременно акваріумъ, гдѣ встрѣчаются рыбки красныя, золотистыя, серебристыя, прозрачныя, однѣ круглыя какъ мячикъ, другія съ широкимъ и длиннымъ хвостомъ или дланевиднымъ плавникомъ, служащимъ вмѣсто руля и извивающимся подобно самому тонкому лазу. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ домахъ устраиваются кѣтки изъ блестящихъ бамбуковыхъ пласти-

классахъ общества. Оттого самая бѣдная мѣщанка проводитъ дни досуга и счастья въ покупкѣ уборовъ. Она задолго до праздника подготавливаетъ туалетъ, которымъ намѣрена украсить себя: въ самый день торжества она встаетъ очень рано и съ нетерпѣніемъ ждетъ чесальщицу, которая нерѣдко проводитъ часы, чтобы изъ пышныхъ волосъ составить какую-нибудь прическу по модѣ. Черепаховыя и коралловыя булавки со стеклянными шариками, въ которыхъ палита подкрашенная жидкость, да креповыя ленты сдерживаютъ тогда зданіе изъ волосъ, тщательно напомаженныхъ. Затѣмъ приближаютъ къ множеству корбочекъ съ бѣлилами и румянами всевозможныхъ сортовъ: для шеи, для рукъ, для лица, для губъ, — къ чернымъ порошкамъ для зубовъ и бровей, если женщина замужняя, и т. д. Шелковое платье, обыкновенно темнаго цвѣта, надѣвается сверхъ креповой рубашки, красной или разноцвѣтной и въ такомъ случаѣ синтой на передѣ изъ множества лоскуточковъ со вкусомъ подобранныхъ. Если на дворѣ зима, то надѣвается кацавейка или бурнусъ, на подкладкѣ, покроемъ сходные съ рисою православныхъ священниковъ, но длинной до колѣна. Самое платье длинно и скроено какъ халатъ, безъ перехвата въ талии и очень свободно у плечъ: чтобы оно не распаивалось, его подпоясываютъ широкимъ кушакомъ, котораго бантъ спереди, ежели женщина замужняя, и сзади, если она еще въ дѣвушкахъ. Рукава широки какъ мѣшки и, будучи спереди немного зашиты, служатъ вмѣсто кармановъ. За поясомъ прячутся трубка и мѣшечекъ съ серебрянными, костяными или деревянными палочками, которыя замѣняютъ ложки и вилки; ибо у японцевъ каждый, собираясь обѣдать, даже въ гостяхъ, садится за столъ съ своимъ приборомъ, и чѣмъ этотъ приборъ богаче, тѣмъ больше почета оказывается хозяину дома. — Ноги остаются у японцевъ голыми большую часть года, и обувь состоитъ изъ сандалій соломенныхъ или деревянныхъ, къ которымъ зимою присоединяются бумажные чулки. Сандалии поддерживаются нинурочками поперегъ подъема и вдоль, между пальцами, и снимаются всякій разъ, когда входятъ въ комнату. Въ дождь или слякоть погу покрываютъ кожею или вошеной бумагой, которая остается у дверей дома вмѣстѣ съ сандаліей.»

«Дама, собравшаяся въ гости, мелкими шагами слѣдуетъ по

поку, куда запираютъ, среди цвѣтовъ и зелени, большихъ бабочекъ и толстыхъ стрекозъ, лѣтніе которыхъ, рѣзкое и монотонное, правится японцамъ.» —

вып. II,

улицѣ, сопровождаемая служанкою, дѣвочкою или старухою, которая несетъ зонтикъ и платокъ, гдѣ завернуть какой-нибудь гостинецъ. Японцы относятся къ ней съ почтеніемъ, и за исключеніемъ какихъ нибудь чернорабочихъ, отрѣбевъ народа, иногда произносящихъ грубыя остроты на счетъ проходившихъ, никто не позволитъ себѣ сказать неприличнаго слова. Этотъ народъ съ *толькими* правами имѣетъ какую-то врожденную стыдливость относительно уличнаго поведенія: разгульный въ кварталахъ чайныхъ домовъ, онъ становится скромнымъ на прочихъ городскихъ улицахъ. Когда гостя приняла, все собравшееся у хозяйки общество сѣлится дать ей мѣсто; съ своей стороны она строго исполняетъ относительно своихъ сосѣдокъ длинную церемонію земныхъ поклоновъ и комплиментовъ. Ей подають трубку и чай. Бесѣда становится непринужденною; рассказываютъ новости, осматриваютъ наряды одна у другой, критикуютъ слегка мелочи туалета; однимъ словомъ ведутъ себя какъ женщины всѣхъ временъ и народовъ, какъ кумушки Шекспира и Лафонтена. Чайникъ, между тѣмъ, непрерывно грѣется на очагѣ, а особая металлическая коробка содержитъ сарочинское шипено, или точнѣе крутую рисовую кашу: питье и ѣда, стало быть, всегда на лицо. Немного погодя изъ внутреннихъ комнатъ дома приносятъ на лаковомъ подносѣ рыбы, какого-нибудь прожорнаго, яблоковъ или винограду, и бесѣда продолжается, приправляемая ѣдою и лакомствами.»

Къ этой небольшой выдержкѣ изъ статьи талантливаго французскаго моряка *), я прибавлю еще короткій рассказъ другаго путешественника, знакомящій насъ съ тѣмъ, какъ были принимаемы въ Японіи даже европейцы, въ первое время своего пребыванія, послѣ 1858 года, не смотря на сохранившіяся о нихъ преданія не слишкомъ лестнаго свойства. «Часто говоритъ Линдау, я одинъ совершалъ долгія прогулки вокругъ Нагасаки и никогда не забуду благодушнаго пріема, который находилъ въ крестьянскихъ домахъ. Едва бывало остановишься у какого-нибудь двора, чтобы попросить огня, какъ тотчасъ дѣвочки и мальчики принесутъ цѣлый очагъ съ углемъ. Войдешь, по приглашенію хозяина, въ домъ и уже хо-

*) Лэрль былъ долго начальникомъ штаба французской эскадры въ Японіи, точно такъ, какъ Линдау членомъ одного богатаго торговаго дома въ Йокогамѣ. Поэтому я ихъ цитирую охотнѣе, чѣмъ другихъ новыхъ писателей, за исключеніемъ, въ подлежащихъ мѣстахъ, Диксона и Митфорда.

зяйка, скромно поклонившись, подаетъ мнѣ чай. Цѣлая семья собирается вокругъ меня и подвергается изслѣдованіямъ съ чисто дѣтскимъ любопытствомъ, которому я никогда не противился. Наболѣе смѣлые ощупываютъ мою одежду, чтобы узнать изъ чего она сшита, маленькая дѣвочка дерзаетъ даже прикоснуться къ моимъ волосамъ и потомъ, смѣясь и конфузясь, убѣгаетъ отъ меня. Раздавъ нѣсколько металлическихъ пуговицъ, я дѣлаю всѣхъ дѣтей совершенно счастливыми. «Очень вамъ благодарны», повторяютъ они всѣ вмѣстѣ, становясь на колѣни, наклоняя свои прекрасныя головки и улыбаясь мнѣ съ граціей, которую удивительно встрѣтить у столь низкаго класса общества. Когда, бывало, уходилъ отъ этихъ добродушныхъ людей, то всѣ они провожаютъ меня до дороги, и я уже почти теряю изъ виду гостепріимный домъ, какъ слышу еще за собою крики: «до свиданія завтра!»

Я съ намѣреніемъ привелъ эти двѣ выписки изъ французскихъ авторовъ, потому что онѣ вѣрно передаютъ общій тонъ того впечатлѣнія, которое производитъ на иностранца первый взглядъ на японское общество тѣхъ классовъ, которые наиболѣе легко наблюдать. Взглядъ этотъ не трудно пріобрѣсти или провѣрить въ короткое время, потому что японцы живутъ, какъ говорится, настежь. Къ сожалѣнію нужно прибавить, что разсказанное Линдау было справедливо въ 1859 году, а въ наше время отзывается уже невозвратимой идилліей. Японцы стали недоувѣрчивы къ европейцамъ, и если еще хранятъ обычную вѣжливость, то отъ нея вѣетъ холодностью. Дома, въ своей семьѣ, при чкомъ свѣтѣ теплыхъ солнечныхъ лучей, которые свободно проникаютъ чрезъ открытыя окна или двери во всю стѣну, японецъ, по прежнему, добродушенъ, почти-что по-дѣтски: онъ любитъ даже играть съ дѣтьми, смѣяться съ ними, шутить; но одинъ видъ чужеземца заставляетъ его принимать строгій, сдержанный видъ, какъ бы выражающій собою вопросъ: что вамъ угодно? зачѣмъ вы пришли? И дѣти по деревнямъ нынѣ, увидавъ европейца, начинаютъ плакать, а женщины прячутся. Приглашеніе зайти можно услышать только въ чайныхъ домахъ, гдѣ на это свои расчеты. И лишь долговременныя сношенія, вѣжливое и правдивое обхожденіе со стороны европейца, возвращаютъ японцамъ ту привѣтливость и довѣрчивость, о которой съ восторгомъ говорили и старые путешественники, Кемферъ, Головинъ, Тунбергъ, и новые европейцы, прибывшіе въ Японію по заключеніи договоровъ 1854—58 годовъ.

Чтобы лучше напечатлѣть въ памяти главныя черты японскаго быта, прослѣдимъ образъ жизни японца отъ самаго его появленія въ свѣтъ до могилы. Когда женщина пришло время разрѣшиться отъ бремени, посылаютъ за бабушкой и потомъ новорожденнаго обмываютъ и кладутъ на мягкія одѣяла, но не пеленаютъ. Имя дается ему или самими родителями или, у людей набожныхъ, какою-нибудь особою духовнаго званія, что, впрочемъ, не обязательно. Затѣмъ мать кормитъ ребенка, таская его почти повсемѣстно съ собою, но не на рукахъ, какъ у насъ, а за спинной, подъ одеждою, такъ что онъ не мѣшаетъ работать. Когда ребенокъ начинаетъ понимать слова, ползать и особливо ходить, то онъ, по крайней мѣрѣ въ семьяхъ, гдѣ нѣтъ стариковъ и старухъ, нерѣдко оставляется дома одинъ, съ маленькими своими братьями и сестрами. Устройство японскихъ домовъ, гдѣ полы мягкія и нѣтъ мебели, о которыхъ бы дитя могло ушибиться, допускаетъ подобную небрежность со стороны родителей. Лѣтъ до четырехъ-пяти дѣти растутъ, играютъ и развиваются дома, часто даже привлекая въ свое веселое общество мать и отца, ибо веселость и дѣтское добродушіе суть отличительныя качества японцевъ всѣхъ возрастовъ. Нѣтъ сверстниковъ или товарищей для игры, — дитя возится съ кошкою или съ какими-нибудь игрушками: огромнымъ мячомъ, который катается по землѣ, бумажнымъ змѣемъ, обручемъ, колюю, воланомъ и т. п., совершенно какъ и у насъ. На пятомъ году, иногда и раньше, начинаютъ его учить грамотѣ, дома или въ училищѣ. Но наука и книга не представляются ребенку медвѣдемъ, какъ это нерѣдко бываетъ во всѣхъ европейскихъ, даже протестантскихъ странахъ; нѣтъ, съ нимъ обращаются до крайности терпѣливо, съ любовью, никогда не наказываютъ за медленность успѣховъ, а стараются развить способности такъ, чтобы онъ самъ началъ понимать и пользу ученія, и изучаемые предметы. Уже давно извѣстно замѣчаніе, что японскія дѣти почти никогда не плачутъ съ 3 или 4 лѣтняго возраста: это дѣйствительно правда, потому что на японской землѣ нѣтъ мудрой пословицы: «корень ученія горекъ, а плоды его сладки», пословицы, за которую скрывается наша безсердечная мораль, унаследованная отъ римлянъ и отъ среднихъ вѣковъ и легко примиримая съ знаменитыми принципами всеобщей любви, терпимости и т. д., которыми, напримѣръ, руководствовались католическіе инквизиторы, вырѣзывая ремни изъ спины еретиковъ или предавая ихъ смерти «милосердо, безъ пролитія крови» въ

медленномъ пламени.... Японскій учитель, конечно, сдерживаетъ учениковъ отъ шалостей, даже наказываетъ ихъ; но онъ не ставитъ въ этомъ своего призванія, подобно нѣкоторымъ другимъ педагогамъ, воспитаннымъ на герундіяхъ и супинахъ, а вмѣстѣ, по выраженію знаменитаго писателя, и на кожаныхъ канчукахъ, которые потомъ кажутся имъ необходимою принадлежностью школьной скамейки.... Отъ того дѣти учатся охотно, и въ «варварской» Японіи нѣтъ ни одного безграмотнаго, тогда какъ во многихъ «преуспѣвающихъ» европейскихъ государствахъ треть, половина, а иногда и девять десятыхъ ихъ обитателей, не знаютъ аза-въ-глаза.

Дѣти до семи лѣтъ ходятъ въ училища безъ различія пола, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ. Главный предметъ ихъ занятій въ этомъ возрастѣ—азбука, чтеніе и отчасти письмо. Азбуку учатъ они съ голоса и притомъ сначала не въ видѣ отдѣльныхъ буквъ, а въ видѣ стиховъ, которые содержатъ всѣ сорокъ восемь японскихъ литеръ. «Ирова нивовету циринуру во вакаю дарэсо цунэ нарамү. У йи но окуйяма кефу койёте; азаки юмэмизи эвимо сезу унъ», то-есть «цвѣтъ и запаха исчезаютъ: что можетъ быть постояннаго въ нашемъ мірѣ? Сегодняшній день канулъ въ бездонныя пропасти ничтожества; то было непрочное подобіе сна; оно не оставило ни малѣйшаго безпокойства», восклицаютъ они вслѣдъ за своимъ учителемъ и повторяютъ это четырехстишіе до тѣхъ поръ, пока не выучатъ твердо; тогда начинаютъ ихъ вниманіе обращать на значеніе отдѣльныхъ буквъ или звуковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель, чтобы заохотить учениковъ, передаетъ имъ наиболѣе занимательные эпизоды японской исторіи и показываетъ искусство писать. Любопытно видѣть, какими предметами питаютъ юный умъ; вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ:

«Важный сановникъ былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ и потому удаленъ отъ двора государя. Сдѣлавъ завѣщаніе, онъ пригласилъ къ себѣ, по обычаю, родныхъ и пріятелей и посреди ихъ торжественно лишилъ себя жизни. Друзья плакали и, въ числѣ тридцати пяти, положили отмстить оскорбителю. Ночью забрались они въ его замокъ, не смотря на сопротивленіе толпы служителей, добрались до него самого, казнили его и отрубленную голову положили на могилу усопшаго друга. А назавтра собрались они снова вокругъ этой самой могилы и, воздавъ долгія хвалы покойному, лишили себя жизни одинъ за другимъ. Такъ поступили вѣрные лонны.»

Этотъ рассказъ коротокъ, простъ и на насъ не производитъ особаго впечатлѣнія, хотя содержитъ событіе, едва ли не болѣе трогательное, чѣмъ знаменитая легенда о сиракузскихъ друзьяхъ, воспитыхъ Шиллеромъ. Но въ Японіи онъ электризуетъ молодежь, подобно рассказамъ о Леонидѣ и Муціѣ Сцеволахъ. Ребенокъ съ шестилѣтняго возраста научается ставить дружбу и честь выше всего на свѣтѣ и презирать жизнь, если она не приносится въ жертву идеямъ о нихъ.

На седьмомъ году мальчику даютъ новое имя, записываютъ его въ списки населенія и надѣваютъ на него сверхъ халата (*кимоно*) бурнусъ, послѣ чего онъ можетъ посѣщать храмы. Обычай мѣнять имена при каждомъ важномъ переворотѣ въ жизни, есть общій въ Японіи. Юноша, достигнувъ совершеннолѣтія, чиновникъ, будучи повыше по должности, перемѣняютъ свои имена. Знаменитый сіюгуъ Гейсэ носилъ имена Гонгена, Онгошю и пр., прежде чѣмъ перешелъ въ исторію съ своимъ теперешнимъ именемъ. Микадо также мѣняютъ имена, когда начинаютъ царствовать: отъ того такъ трудно не сбиться въ изученіи японской исторіи.

Дѣти простодушнѣе обыкновенно оканчиваютъ свое обученіе на чтеніи, письмѣ и знаніи основныхъ началъ счета и японской исторіи; но зажиточные родители стараются дать потомству своему болѣе обширный кругъ свѣдѣній. Отъ того время до пятнадцати лѣтъ проходитъ у японцевъ въ посѣщеніи образовательныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы потомъ или поступить на службу, или идти въ высшее училище для довершенія своего умственного развитія. Высшія и среднія учебныя заведенія въ Японіи до послѣдняго времени были преданы схоластической мудрости, и все время пребыванія въ нихъ главнѣйше посвящалось китайскому языку, разнымъ японскимъ азбукамъ, которыхъ пять, изученію цвѣтистаго стила и конфуціевой философіи, совершенно какъ въ Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ господствовали латынь Квинтилиана и Аристотель. Но едва японцы увидѣли въ очю превосходство надъ собой европейцевъ, какъ немедленно ввели въ свои высшія школы преподаваніе реальныхъ наукъ и отбросили на второй планъ китайскую грамматику и реторику. Этотъ переворотъ, нынѣ уже весьма замѣтный, есть едва ли не важнѣйшее послѣдствіе сближенія Японіи съ образованными народами Запада, и, конечно, онъ одинъ хоть нѣсколько уравниваетъ тѣ выгоды, которыя получили чужеземцы на счетъ японскаго государства.

Когда молодой человѣкъ окончить свое воспитаніе, онъ собираетъ хохолки, которые обыкновенно носятъ имъ во время ученія на вискахъ и на темени, зачесываетъ волосы задней части головы въ пучекъ, какъ всѣ взрослые, и вторично мѣняетъ имя. Въ это время отъ вступающаго въ свѣтъ юноши требуется, сверхъ умственного и литературнаго образованія, умѣнье ловко держать себя, знать этикетъ и правила чести. Кодексъ японскихъ приличій, нужно сказать, многосложенъ и особенно тягостенъ тѣмъ, что научаетъ употребить столько же тоновъ разговора, сколько есть отбѣнокъ въ состояніи членовъ общества. Въ Японіи житейски мудръ тотъ, кто съ лицомъ богатымъ говоритъ иначе, чѣмъ съ бѣднякомъ, съ придворнымъ сановникомъ иначе, чѣмъ съ мѣщаниномъ или купцомъ, съ офицеромъ иначе, чѣмъ съ рыбакомъ, кто умѣетъ употребить при этомъ нужные эпитеты, ласкательныя и повелительныя слова и жесты и поклоны подобающаго характера. Наше (европейское) равенство непонятно еще японцу, воспитанному въ духѣ іерархическихъ отличій, и вѣроятно, долго понятнымъ не будетъ, потому что формы высшей цивилизаціи представлены въ его глазахъ такою негодною частью европейскаго населенія, что она, вмѣсто желанія подражать, возбуждаетъ одно отвращеніе.

Молодой человѣкъ, начавъ свѣтскую жизнь, нѣкоторое время, внѣ своихъ оффиціальныхъ обязанностей, предается разгулу въ чайныхъ домахъ, на многочисленныхъ праздникахъ, или мацури, и просто съ пріятелями. Нѣкоторая распушенность не ставится ему при этомъ въ упрекъ, и перѣдко юноша, сверхъ обычныхъ развлеченій, имѣетъ удовольствіе владѣть сердцемъ какой-нибудь мѣстной красавицы. Случаи такого тѣснаго сближенія хотя и предупреждаются, по возможности, родителями дѣвушки, но не всегда съ полнымъ успѣхомъ. Такъ бываетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала тайнаго знакомства молодыхъ людей, дѣвушка исчезаетъ изъ дому родителей, и всѣ поиски остаются напрасными, пока не найдутъ ее ослабшею послѣ родовъ гдѣ нибудь за городомъ, въ лѣсу или у рѣки. Тогда, по свидѣтельству Помпа фанъ Мердерворта, относятъ обыкновенно этотъ печальный случай къ вліянію злаго духа, лисицы, въ которой воплощается чортъ, а самый фактъ разрѣшенія отъ бремени стараются скрыть. Честь обязываетъ юношу въ подобныхъ обстоятельствахъ покрыть тайный стыдъ своей любовницы предложеніемъ брака; но бываетъ, что и самое имя его

остаеся неизвѣстнымъ родителямъ дѣвушки; такъ японки страстны въ своей привязанности, не смотря на вѣтренность юн. шей!..

Лѣтъ въ двадцать впрочемъ молодой человѣкъ обыкновенно оставляетъ подобныя развлечения и ищетъ промѣнять ихъ на болѣе прочныя удовольствія (брака.) Всмотрѣвъ невесту, онъ либо проситъ кого-нибудь изъ близкихъ друзей или родственниковъ переговорить объ этомъ съ родителями дѣвушки, либо, не желая повѣрить тайны никому, самъ отправляется къ дому направляющейся особы и втыкаетъ въ ворота вѣтку растения *Celastrus alatus*. Если послѣдняя назавтра исчезнетъ, то значитъ ее замѣтили, и предложеніе принято; если же она осталась по прежнему, — сватовство неудачно. Когда этотъ основной вопросъ разрѣшенъ, тогда друзья жениха и пріятельницы невесты ведутъ переговоры объ условіяхъ брака, о днѣ перваго официального свиданія жениха и невесты и, наконецъ, о времени самаго бракосочетанія. Нерѣдко матеріальная обстановка брачующихся бываетъ предметомъ письменнаго контракта. Затѣмъ женихъ посылаетъ невестѣ подарки, по мѣрѣ своей зажиточности, и обычай требуетъ, чтобы невеста, въ свою очередь, отдавала ихъ родителямъ, какъ бы въ признательность за свое воспитаніе. Ко дню свадьбы приготавливаютъ невестѣ приданое, состоящее изъ нарядовъ и разнаго рода движимости: красивыхъ циновокъ для постилки въ комнатахъ, лакированныхъ туалетовъ, ящичковъ, разной посуды и проч.; даже находится мѣсто пряткѣ, какъ символу будущихъ обязанностей хозяйки. Всѣ эти предметы въ день бракосочетанія перевозятся съ большою торжественностью въ домъ жениха и выставляются на показъ, совершенно какъ и у насъ въ былыя времена, а отчасти доселѣ. Отъ доброй воли брачующихся зависитъ освятить ихъ союзъ религіозною церемоніею въ храмѣ; но собственно въ жрецахъ не встрѣчается надобности при брачномъ церемоніалѣ: для этого достаточно однихъ родителей и близкихъ знакомыхъ жениха и невесты. Тицингъ перевелъ съ японскаго подробное описаніе всѣхъ обрядовъ, которые исполняются разными лицами, присутствующими при бракѣ. Изъ этого описанія видно, что одно изъ первенствующихъ мѣстъ принадлежитъ посреднику, по нашему свату, и подружкамъ невесты, изъ которыхъ двѣ принимаютъ на себя обязанности нашихъ шаферовъ и носятъ названія мужской бабочки и женской бабочки. Брачное пиршество состоитъ въ томъ, что невесту, въ сопровожденіи ея пріятельницъ и общихъ друзей, приносятъ въ норимонѣ къ же-

ниму, который въ это время садится на почетномъ мѣстѣ, окруженный своими родными. Посреди комнаты, на красивомъ низенькомъ столѣ, бывають разставлены искусственные цвѣты и миниатюрныя растенія и животныя, именно сосна, черепаха, журавль, какъ символы долговѣчной и счастливой жизни, кротости женщины и силы мужчины. Другой столъ въ то же время представляетъ все, что нужно для выпивки сакки, замѣняющаго наше шампанское. Когда невеста, покрытая до того бѣлой фатой, усѣлась на предложенное ей мѣсто, тогда начинаются тосты, въ строго опредѣленномъ, послѣдовательномъ порядкѣ. Кромѣ того ѣдятъ закуски и лакомства, но впрочемъ все очень умѣренно, потому что излишнія веселость и раскоші считаются въ этомъ случаѣ неприличными. Назавтра молодая жена является съ выбритыми или даже выщипанными бровями и вычерненными зубами, какъ доказательствомъ того, что она изъ любви къ мужу отеклась отъ всякаго желанія нравиться постороннимъ. Затѣмъ на третій день молодые отдають визиты женниной роднѣ, и этимъ брачныя церемоніи заканчиваются.

Говоря о бракѣ, нельзя не упомянуть, что ранняя женитьба японцевъ имѣетъ очень существенныя послѣдствія. Кромѣ того, что она предохраняетъ молодежь отъ многихъ пороковъ, замѣтимъ, что она приводитъ женщину къ исполненію обязанностей хозяйки и матери въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда душа еще бываетъ полна чистыхъ, поэтическихъ помысловъ и когда, слѣдовательно, легче всего сформироваться благородному типу любящей и всѣми любимой матроны. На мужчину ранній бракъ также налагаетъ печать солидности и цѣломудрія, которой обыкновенно бывають лишены холостяки даже въ зрѣломъ возрастѣ. Но въ замѣнъ этихъ важныхъ выгодъ есть и одинъ существенный недостатокъ рановременнаго вступленія въ бракъ, недостатокъ особенно замѣтный именно на японцахъ. Почти нельзя сомнѣваться, что невысокій ростъ племени и слѣд. недостатокъ физическихъ силъ есть послѣдствіе молодыхъ лѣтъ брачующихся. Этимъ же обстоятельствомъ должно объяснить и раннюю дряхлость женщинъ. Быть можетъ даже, что физиологическій упадокъ японской расы совершился въ недавнее сравнительно время, ибо лѣтчики Японіи сохранили намъ память о цѣломъ рядѣ такихъ японцевъ и японокъ, которыя, въ прежнія времена, жили по сту и болѣе лѣтъ, что едва ли можно встрѣтить теперь. Будущимъ наблюдателямъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ, насколько теряетъ раса отъ того, что дѣвушекъ от-

даютъ замужъ четырнадцати и даже тринадцати лѣтъ и что отцами нарождающаго поколѣнія являются восемнадцатилѣтніе юноши, которые еще сами не доросли.

Когда японская женщина стала хозяйкою дома, то она получаетъ извѣстный вѣсъ и значеніе въ обществѣ, подобно какъ и въ Европѣ. Вообще необходимо имѣть въ виду, что судьба японки вовсе не похожа на судьбу другихъ азіатскихъ женщинъ, особенно въ мусульманскихъ странахъ. Она не только подруга жизни своего мужа, но и довольно полноправный членъ общества. Она не заперта въ гаремъ и, напротивъ, свободно общается знакомыхъ, ходитъ по улицамъ одна или въ сопровожденіи служанки, нерѣдко отправляется даже, на богомолье или въ гости, на далекое разстояніе отъ дома. Контроль мужа надъ ея поведеніемъ ограничивается приличіями, хотя конечно ничто не можетъ помѣшать ему выгнать жену изъ дома, если она замѣтитъ ея невѣрность. Разводъ можетъ состояться и по другимъ причинамъ, особенно по безплодію женщины; но опять только по требованію мужа или обоимъ супругамъ, а не одной жены. Оставляя мужній домъ, женщина, если она не опозорена поведеніемъ безчестнымъ, спокойно возвращается къ родителямъ или родственникамъ, и если она еще молода, то брови по прежнему отыскиваются, зубы бѣлѣются, и она снова невѣста. Въ случаѣ «паденія» остается пріютъ — монастырь или чайный домъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ извѣстно, не есть что-нибудь тождественное съ европейскими заведеніями терпимости, а напротивъ можетъ дать спова дорогу, если женщина хороша собою, искусна въ пѣньи и музыкѣ, порядочно образована и симпатичнаго нрава. Впрочемъ до такой крайности замужнія женщины доходятъ чрезвычайно рѣдко; напротивъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ европейцевъ, изучавшихъ Японию, вѣрность японскихъ женъ своимъ мужьямъ можетъ назваться примѣрною. И это тѣмъ болѣе заслуживаетъ хвалы, что мужья, съ своей стороны, вовсе не стѣсняются брать въ домъ открытыхъ любовницъ, которыя, положимъ, должны относиться съ почтеніемъ къ законной женѣ, но все же подрываютъ ея права на исключительную привязанность мужа.

Въ числѣ рисунковъ, помѣщенныхъ саромъ Р. Олькомомъ въ его сочиненіи о Японіи и снятыхъ съ японскихъ оригиналовъ, есть одинъ, очень любопытный въ томъ отношеніи, что доказываетъ, какъ велико можетъ быть вліяніе женщины-японки на ея супруга, не смотря на то, что послѣд-

ній есть полновластный глава семьи и никогда почти не посвящаетъ жену въ свои серьезные дѣла и сношенія. Супруга первой молодости и красоты нашла или перехватила любовное письмо невѣрнаго мужа. Она не только при этомъ не испугалась за послѣдствія, какъ напр. за то, что властелинъ ея введетъ другую хозяйку въ домъ; но смѣло напала на него съ укоризнами. Картинка изображаетъ мужа въ униженной позѣ, съ лицомъ сконфуженнымъ и вымаливающимъ прощенія. А жена сердито кричитъ и держитъ его, выражаясь простонародно, за шиворотъ. Такия картины немыслимы напр. въ Турціи, Персіи и даже, быть можетъ, въ Небесной имперіи.

Японія, конечно, не доросла до вопроса о такъ-называемой эманципаціи женщины, т. е. о предоставленіи имъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыми пользуются мужчины. Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, не въ пору многимъ другимъ, кичащимся своею цивилизаціею, странамъ, и, собственно говоря, серьезнымъ можетъ быть названъ въ одной Америкѣ, а практическое рѣшеніе только на островѣ Питкернѣ, въ Австраліи. Но если теоретически, т. е. въ сознаніи общества и въ законѣ, онъ рѣшается пока на японской почвѣ не въ пользу женскаго пола; то нужно признаться, что на дѣлѣ въ положеніи японской женщины, есть много особенностей, доказывающихъ, что она вовсе не такъ далека отъ дамы въ европейскомъ смыслѣ, какъ можно думать на основаніи того, что Японія есть часть Азіи. Мы уже видѣли, что женщина есть полноправная хозяйка дома, уважаемая матрона на улицѣ и въ кругу знакомыхъ; но это еще не все. Особа женскаго пола можетъ пользоваться въ Японіи и политическими правами. да еще самыхъ обширныхъ размѣровъ. Не менѣе одиннадцати императрицъ представляютъ намъ японскія лѣтописи, и въ числѣ ихъ были такія, которыя оставили славное имя въ исторіи. Супруга микадо и теперь есть лицо до такой степени важное въ политическомъ смыслѣ, что черезъ нее нерѣдко обдѣлываются труднѣйшія государственныя дѣла. Въ аристократическомъ обществѣ значеніе женщины также весьма велико, и потому браки знатныхъ особъ всегда подають поводъ къ толкамъ, волненіямъ и, даже, политическимъ распрямъ.

Заговоривъ о положеніи женщины, стоитъ сказать нѣсколько словъ и еще объ одномъ, касающемся ея, явленіи японской общественной жизни, о *чайныхъ домахъ*. Извѣстно, что новые европейскіе путешественники, ознакомясь съ такими до-

мами къ Иокотамъ и Нагасаки, сняли много поэтического колорита съ судьбы ихъ обитательницъ въ томъ видѣ, какъ эта судьба изображалась, напримѣръ, Кемферомъ, Тунбергомъ и другими прежними авторами. Разказы о томъ, что чайные дома суть институты для приличнаго воспитанія дѣвицъ, что многіе знатные японцы берутъ себѣ женъ изъ этихъ увеселительныхъ учреждений, что японка обительница такого учрежденія нисколько не поставлена ниже, въ нравственномъ смыслѣ, женщины, живущей въ семьѣ,—эти разказы оказались если не пифами, то не истинною картиною судьбы женщины въ чайномъ домѣ. Лэрль напимѣръ говоритъ: «Нѣкогда представляли убѣжище японской проституціи мѣстомъ воспитанія, чуть не школою нравственности. и на этомъ основаніи не одинъ писатель построилъ идеаль страннаго общества, гдѣ молодыя дѣвушки, неисключая даже высшихъ классовъ, искали чрезъ пребываніе въ іосиварѣ довершить свое образованіе, музыкальное и литературное, прежде, чѣмъ стать женами и хозяйками дома. Но нѣтъ ничего менѣе справедливаго. Нужно ли говорить, что японцы, даже среднихъ сословій, выбираютъ своихъ невѣстъ въ средѣ менѣе безнравственной, чѣмъ чайные дома, что обительницы іосиваровъ, проданныя сначала родителями по бѣдности, продаютъ потомъ сами себя изъ за страсти къ нарядамъ и къ удовольствіямъ», и т. д. Но какъ ни справедливы замѣчанія новыхъ писателей о характерѣ чайныхъ домовъ, особенно ими видѣнныхъ и, конечно, принадлежащихъ не къ перворазряднымъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго. Во-первыхъ несомнѣнно, что молодыя японки получаютъ въ нихъ образованіе, по японскимъ понятіямъ, весьма не дурное. Онѣ приучаются хозяйничать, изготавлять пищу и одежду, учатся хорошо читать и писать, играть на музыкальныхъ инструментахъ, скромно держать себя, быть со всѣми привѣтливими и вѣжливыми. Многія изъ нихъ успѣваютъ пріобрѣсти большія свѣдѣнія въ литературѣ и живописи; другія становятся талантливыми писательницами, пѣвицами и т. д. Во-вторыхъ у нихъ вовсе не отнята возможность устроить свою судьбу честнымъ бракомъ, какъ скоро любовь приведетъ къ ихъ ногамъ поклонниковъ, которые съумѣютъ понять, что проституція, особливо невольная, вовсе еще не такое великое зло, чтобы она убивала всѣ прекрасныя качества женщины, даже ея стыдливость. Молодая японка въ іосиварѣ далеко не то, что наши европейскія куртизанки на Елисейскихъ поляхъ,

не говоря уже про Ковентри, Гей-Маркетъ или Невскій Проспектъ. Она вовсе не такая жалкая гадина, чтобы торговать собою исключительно изъ-за денегъ, и во всякомъ случаѣ совершенно чужда того цинизма, съ которымъ напимѣръ богато-разодѣтыя ночныя красавицы въ Лондонѣ хватаютъ проходящихъ мужчинъ за карманъ или за ухо пии нападаютъ въ сумеркахъ на иностранцевъ стадами. Общественное мнѣніе Японіи, гуманное по отношенію къ обительницамъ чайнаго дома, не дало ей такъ упасть нравственно, какъ падаетъ европейская публичная женщина. Оно не отняло у нея права на честную будущность и результатомъ вышло то, что проститутка сохранила много прекрасныхъ качествъ, которыя признаются и вадутыми европейскими моралистами. Даже можно сказать что эти моралисты не могутъ достаточно нахвалиться тѣми японскими подругами, которыхъ они постоянно имѣютъ и которыхъ берутъ конечно изъ чайныхъ домовъ.

Такъ какъ уже зашла рѣчь о нѣкоторыхъ особенностяхъ положенія женщины въ японскомъ обществѣ и объ отношеніяхъ къ нимъ мужчинъ, то приведу здѣсь еще одно обстоятельство обыкновенно также возмущающее оффиціальную нравственность иностранцевъ въ Японіи. Извѣстная опрятность японцевъ вызываетъ существованіе многочисленныхъ банъ. Въ этихъ баняхъ мужчины и женщины обыкновенно моются вмѣстѣ и даже на виду проходящихъ. Европейцы считают долгомъ приходить въ изумленіе и даже негодованіе отъ такого «безстыдства.» Однако же ни малѣйшаго сомнѣнія нѣтъ, что въ японцахъ приведенный фактъ не возбуждаетъ никакихъ предосудительныхъ чувствъ. «Что жъ тутъ такого? я вижу ее всю, какъ она есть.» говоритъ обыкновенно японецъ про моющуюся женщину, въ отвѣтъ на замѣчанія европейца, и проходить мимо, если ему самому нѣтъ надобности идти въ ту же баню. Никакая порочная мысль не посѣщаетъ его при этомъ, точно такъ, какъ она не посѣщаетъ добраго финна, моющаго среди улицы, на завалинкѣ бани, свою жену въ какихъ-нибудь Хабоняхъ, близъ Петербурга. Но западные пуритане все-таки риторствуютъ по поводу «японской наглости и порочности» . . . Впрочемъ я долженъ оговориться и прибавить, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ приходилось слышать и слѣдующія рѣчи. «Нападки на японскую нравственность, по поводу банъ, есть чистое лицемеріе. Всякій понимаетъ, что въ привычкѣ японцевъ нѣтъ ничего безнравственнаго; и если анализировать

подробно европейскіе возгласы, то выйдетъ даже, что въ порочности можно заподозрить развѣ самихъ европейцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, они такъ привыкли раздражаться не только отъ извѣстныхъ фотографическихъ карточекъ и отъ балетныхъ танцовщицъ, но даже отъ картинъ Тиціана и статуй Кановы, что *не умѣютъ* уже цѣломудренно просто взглянуть на непокрытую женщину. Чистое эстетическое чувство давно подавлено въ нихъ: дѣтски-наивное созерцаніе невозможно для ихъ умовъ, обогащенныхъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста свѣдѣніями о классическихъ типахъ Мессалинъ, Клеопатрѣ и Аспазіи, и затѣмъ чувственность одна остается на долю ихъ изсохшихъ сердецъ»..... Предоставляя читателямъ, оцѣнить доводы этой теоріи, за которую могу привести имена Линдау и Эме Гюмбера, замѣчу съ своей стороны, что встрѣчи мужчинъ и женщинъ въ японскихъ баняхъ не порождаютъ никакихъ грязныхъ сценъ, что онѣ вовсе не служатъ къ развитію проституціи, и что онѣ не родятъ того «платонизма», который приводитъ ежегодно тысячи отцвѣтшихъ дѣвицъ и юношей европейскихъ въ Палермо и Ниццу.

Но оправдывая, до нѣкоторой степени, открытую японскую распущенность, то есть, отдавая ей предпочтеніе передъ закрытымъ развратомъ Европы и Китая, я не могу пройти молчаніемъ двухъ важныхъ послѣдствій его для японскаго общества. Первое изъ нихъ есть нравственное и состоитъ въ равномъ возбужденіи чувственности у людей едва выходящихъ изъ дѣтскаго возраста. Мнѣ не разъ случалось видѣть мальчиковъ, лѣтъ 13—14, которые носили при себѣ и даже показывали другимъ картинки самаго соблазнительнаго содержанія, что, конечно, вредно отзывалось и на успѣхахъ ихъ умственнаго образованія, и на притупленіи чувства стыда. Нѣкоторые молодые дѣвушки даже виѣ юсиваровъ, безъ особой застѣнчивости, рассматривали даваемые имъ конфеты или пирожки неприличныхъ формъ. Между женщинами болѣе взрослыми находятся такія, которыя соглашаются свои портреты, спятыя безъ всякой одежды, выставять у дверей фотографовъ..... Но еще важнѣе этихъ послѣдствій публичной распущенности есть распространеніе сифилиса, получившаго въ Японіи характеръ наследственной проказы. Весьма рѣдко можно встрѣтить, въ низшихъ сословіяхъ, ребенка, котораго голова не была бы покрыта струпьями самаго отвратительнаго вида, свидѣтельствующими о порочномъ состояніи организма родителей. Докторъ Поминъ

фанъ-Мердервортъ плоагаетъ, что эта болѣзнь была извѣстна въ Японіи задолго до прибытія европейскихъ матросовъ въ XVI вѣкѣ; но, кажется, несомнѣнно то, что они много помогли ея успленію, а чрезъ то сокращенію средней продолжительности жизни японцевъ.

Оставимъ однако въ сторонѣ этотъ щекотливый предметъ и вернемся къ домашнему быту японцевъ. Мы достигли того момента, когда молодой человѣкъ женится, что бываетъ обыкновенно около двадцатилѣтняго возраста. Теперь ему предстоитъ сразу играть довольно трудную роль. Обыкновенно отецъ семьи ждетъ минуты вступленія сына въ бракъ, чтобы передать ему все управленіе домомъ и даже поземельною собственностью. Въ высшей аристократіи это почти постоянное правило, доказывающее, что пользованіе властью въ Японіи не такъ-то легко. Старикъ-отецъ со всѣмъ семействомъ, такимъ образомъ, поступаетъ подъ покровительство новаго главы дома, имѣющаго очевидное преимущество свѣжести силъ и энергіи. Разумѣется, при этомъ опытность старшихъ лѣтами помогаетъ вести дѣла, и чрезъ то устанавливается порядокъ, который едва ли можно назвать дурнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣшнаго исполненія хотя бы самыхъ сложныхъ соображеній важнѣе всего энергія и способности молодости; старости же подобаешь только предостерегать послѣднюю отъ ошибокъ и увлеченій, а вовсе не стѣснять ея, какъ это дѣлается у насъ и на Западѣ (но не въ Америкѣ). Когда старое поколѣніе стоитъ во главѣ общественной или даже только семейной жизни, послѣдняя обыкновенно попадаетъ въ рутину, и молодое поколѣніе страдаетъ отъ недостатка свободнаго воздуха. Результатомъ же этихъ страданій, какъ извѣстно, бываетъ утомленіе, озлобленность и, наконецъ, нравственное паденіе, т. е. обращеніе къ рутинерству, предпочтеніе преданій и предразсудковъ голосу разума. Едва ли не въ этой сторонѣ японскаго быта нужно искать объясненія той изумительной быстроты, съ которою японцы успѣли ввести у себя множество европейскихъ усовершенствованій.

Ежедневныя занятія японцевъ, конечно, состоятъ главнымъ образомъ въ хлопотахъ по хозяйству или въ службѣ, такъ какъ собственно политическая жизнь, въ смыслѣ американскомъ и западно-европейскомъ, имъ мало еще извѣстна. Но эти заботы и хлопоты разнообразятся отдыхомъ, то у дамашняго очага, гдѣ нерѣдко взрослые пражутъ вмѣстѣ съ дѣтьми, то въ гостяхъ, въ театрѣ, на улицахъ, въ чайныхъ домахъ. Японцы также

охотники переписываться съ знакомыми и мѣняться другъ съ другомъ подарками. Этотъ послѣдній обычай вовсе не имѣетъ основаніемъ корыстныхъ расчетовъ, а напротивъ служить только къ подтвержденію пріятельскихъ отношеній. Японецъ даритъ другу какой-нибудь десятокъ яицъ, пачку бумаги, нѣсколько пирожковъ или сладостей и хлопочетъ лишь о томъ, чтобы всѣ эти мелочи достигли по назначенію въ изящномъ видѣ, тщательно упакованными въ красивой коробочкѣ, съ бантомъ изъ бумажныхъ лентъ и лѣжной записочкой, гдѣ перечисляется все посылаемое, какъ въ накладной. Игдѣ сверхъ того содержатся необходимыя пожеланія счастья, долголѣтія и удачи во всемъ. Другъ, получивъ такую посылку, конечно, спѣшитъ отъдать, и такимъ образомъ поддерживаются связи почти идиллическаго характера. Любопытно, что японцы при этомъ твердо держатся преданій прошедшаго: къ каждой посылкѣ прилагается кусочекъ сушеной рыбы, какъ напоминаніе, что вся японская нація нѣкогда занималась рыбнымъ промысломъ. Обычай этотъ, должно быть, унаследованъ отъ самой глубокой древности, ибо теперь большая часть японцевъ конечно не рыболовы, а земледѣльцы. Праздничные подарки состоятъ обыкновенно изъ пироговъ, а подарки начальству непременно изъ произведеній изящныхъ искусствъ. Съ своей стороны начальники должны дарить подчиненнымъ только предметы положительной стоимости.

Общительность и веселость нрава японцевъ высказывается въ многочисленныхъ забавахъ и развлеченіяхъ. Домашнія посѣщенія знакомыхъ составляютъ первую ступень въ этой лѣстницѣ удовольствій. Мы уже видѣли, какъ радушно принимаетъ японецъ или японка своихъ гостей. Сверхъ этого можно замѣтить, что японскіе обѣды и вечера отличаются самымъ широкимъ гостепріимствомъ и гомерическою патріархальностью, какал уже давно вывелась не только въ западной, но и въ восточной Европѣ. Такъ гостямъ предоставляется уносить изъ-за обѣда то, что имъ понравилось и чего однакоже не могли они сѣсть. Въ этомъ отношеніи японцы не измѣняли своихъ обычаевъ и тогда, когда имъ приходилось обѣдать у европейцевъ. Такъ англичане, сопровождавшіе лорда Ельджина въ 1858 г., не безъ удивленія смотрѣли, какъ уполномоченные японскаго правительства, на официальномъ обѣдѣ у посланника, завертывали въ бумажки куски ветчины, плумъ-пудинга и пирожныхъ и клали ихъ въ рукава. Обѣдки эти предназначались

для того, чтобы показать дома, чѣмъ ихъ угощали, и лорду, по японскимъ понятіямъ, слѣдовало бы выразить крайнее удовольствіе, что трапезѣ его дѣлають подобную честь. Послѣ обѣда, сопровождаемаго обильными возліяніями сакки, а въ наше время и шампанскаго, мужское общество остается въ столовой и продолжаетъ бесѣду; женщины же, если онѣ присутствовали (что показываетъ интимный характеръ обѣда), уходя въ садъ, на балконъ или на половину хозяйки вмѣстѣ съ молодыми поклонниками прекраснаго пола. Затѣмъ въ столовой разговоръ мало-по-малу оживляется, становится шумнымъ, несвязнымъ и, наконецъ, приходитъ къ тому, что собесѣдниковъ поздно вечеромъ разносятъ по домамъ въ забытыи (*). Молодежь и дамы, между тѣмъ, предаются другимъ забавамъ: играютъ въ фанты, поютъ, говорятъ по очереди остроты и каламбуры, разгадываютъ загадки, слушаютъ музыку. Припчія соблюдаются здѣсь также строго, какъ въ европейскихъ гостиницахъ; только скука послѣднихъ, порожаемая надутостью, неискренностью, а въ нѣкоторыхъ благословенныхъ странахъ и безпрестранымъ напоминаніемъ о чинахъ, не проникла еще сюда.

Японцы большіе гастрономы и любятъ покушать со вкусомъ, конечно отличнымъ отъ нашего. Столъ ихъ очень разнообразенъ, хотя въ составъ кушаній и не входятъ важнѣйшіе матеріалы европейской кухни, коровье масло и мясо домашнихъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ свиней. Они замѣняются соей, укусомъ, растительными маслами, яичами и, наконецъ, дичью и рыбой. Сорта рыбъ столь многочисленны и приправы къ нимъ такъ разнообразны, что однихъ рыбныхъ блюдъ составляютъ порядочную «главу» въ меніи de герас. Овощи и грибы также играютъ видную роль въ японскомъ обѣдѣ; чай и сакки составляютъ необходимую его принадлежность. За парадными обѣдами число блюдъ очень велико, и чтобы дать понятіе о характерѣ такихъ пиршествъ, приведу здѣсь часть карты того обѣда который данъ былъ въ 1866 г. княземъ Сацумою англій-

(*) Японцы вообще охотники выпить; но безобразное пьянство европейской чери имъ совершенно неизвѣстно, и нельзя встрѣтить на улицахъ не только валяющихся, но даже буйствующихъ пьяницъ. Показать себя предъ посторонними нетрезвымъ считается верхомъ безстыдства. — Замѣтимъ здѣсь кстати, что употребленіе спиртныхъ напитковъ предохраняетъ японцевъ, какъ и европейцевъ, отъ опіума.

скому адмиралу Куперу и его свитѣ. Кушанья подавались въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Горьковатый зеленый чай.
2. Сладости.
3. Рыбный супъ и свѣжая рыба съ горячимъ саки.
4. Супъ изъ грибовъ, зелени и рыбы.
5. Раки и морская капуста съ приправою.
6. Супъ изъ морской капусты и другой зелени.
7. Крутые яйца и груши, наръзанные ломтиками.
8. Супъ изъ мелкихъ раковъ и грибовъ.
9. Холодная минога.
10. Супъ изъ жирной ливерской свинины съ разною зеленью.
11. Рыба съ зеленью.
12. Супъ изъ дикой кабанщины съ зеленью молодыхъ бамбуковъ.
13. Холодные куры съ бамбуковыми отпрысками въ укусу.
14. Супъ изъ рыбы съ морскою капустою.
15. Пирожки съ рыбою, яйцами, рисомъ и зелеными бобами.
16. Супъ изъ какихъ-то бѣлыхъ ягодъ и салакушки.
17. Мелкая форель.
18. Супъ съ желудями.
19. Свѣжія каракатицы, и такъ далѣе, всего 40 блюдъ, изъ которыхъ предпоследнее было супомъ, а последнее маленькая сушеная рыба съ густымъ супомъ и очень горячимъ саки.

Впрочемъ обыкновенно японцы не угощаютъ такъ пышно и кушанья за столомъ не считаются десятками; а семь-восемь блюдъ, и довольно. Подаютъ въ чашкахъ, отдѣльно для каждого гостя, который притомъ имѣетъ около себя чашку для риса, служащаго вмѣсто хлѣба. Обѣденные столы сервируются со вкусомъ, которому бы могли позавидовать многіе метръ-дотели въ Европѣ, и это несмотря на отсутствіе серебра и хрустальной посуды, такъ какъ стекло у японцевъ идетъ лишь на выдѣлку флакончиковъ, но не графиновъ и рюмокъ. Блескъ сервировки достигается помощью фарфора и издѣлій подъ лакомъ. «Когда мнѣ случалось, говорить по этому поводу Эме-Гюмберъ, наблюдать японцевъ, употреблявшихъ въ дѣло множество чашечекъ, блюдецъ, ящичковъ, лаковыхъ подносовъ, фарфоровыхъ флакончиковъ, чайниковъ, и любоваться граціозными движеніями ихъ рукъ, большею частію весьма тонкихъ и изящныхъ, мнѣ всегда приходило въ голову, что я нахожусь въ

обществѣ большихъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу болѣе для забавы, чѣмъ для утоленія голода». Для возбужденія аппетита употребляютъ соленую рыбу, имбирь, сою и проч. При концѣ обѣда, чаще другихъ подаваемое пирожное есть рясъ, приготовленный въ родѣ кутыи или пуддинга съ вареньемъ на верху, фигурно разложеннымъ. Тосты, обыкновенно весьма многочисленные, пьются подогрѣтымъ саки, а въ наше время и европейскими винами и ликерами, при чемъ хозяинъ самъ подливаетъ гостямъ, чокается съ ними или, выпивъ первую чашку, передаетъ посуду и вино въ круговую. Гости не забываютъ и сами себя.

Парадный чай готовится и разносится въ самой дорогой изящной посудѣ. Особенность его приготовленія состоитъ въ томъ, что листья сначала истираются въ порошокъ, а когда чай заваренъ, то его взбиваютъ бамбуковыми палочками до тѣхъ поръ, пока онъ не вспѣнится. Никакихъ приправъ къ чаю обыкновенно не подаютъ; но кто желаетъ, можетъ заварить его рисомъ. Вмѣсто сахара употребляютъ обыкновенно леденецъ, какъ въ Китаѣ, или же сладкія пирожныя но, по большей части, японцы пьютъ чай совсѣмъ безъ сахара.

Въ лѣтнюю пору японцы совершаютъ загородныя прогулки куда-нибудь въ рощу, на берегъ залива или на живописную гору. Чувство красоты природы такъ развито у нихъ, что послѣдній крестьянинъ или работникъ нерѣдко останавливается передъ красивою мѣстностью и любитъ ее. Пусть только читатель вспомнитъ, какъ относятся къ красивымъ ландшафтамъ простолюдины-европейцы всѣхъ націй, за исключеніемъ итальянцевъ, чтобы согласиться, что эстетическое чувство у японцевъ отличается рѣдкимъ развитіемъ и, что еще важнѣе, рѣдкою свѣжестью. Больше всего любятъ японцы море и катанье по немъ на лодкахъ. Отъ того безпрестанно встрѣчаются около прибрежныхъ городовъ и селеній красивые катера съ домиками, на которыхъ цѣлыя общества или отдѣльныя лица въ тихую погоду спуютъ по заливамъ и бухтамъ. Музыка сопровождаетъ тѣхъ, кто въ состояніи ее нанять, и нѣтолько вечеръ, но и часть ночи обыкновенно проходятъ въ этомъ поэтическомъ развлеченіи. Съ закатомъ солнца на лодкахъ зажигаются многочисленные цвѣтные фонари, а на берегу пускаются ракеты и другіе фейерверочные огни. Общество возвращается домой лишь тогда, когда падающая роса напомнитъ объ охлажденіи атмосферы и о возможности простудиться.

Къ самымъ любимымъ увеселеніямъ японскаго народа принадлежатъ танцы и музыка. За исключеніемъ уличныхъ скомоховъ, танцуютъ въ Японіи однѣ женщины: мужчины же могутъ только любоваться ихъ граціей. Такъ какъ японки носятъ очень длинныя платья, то на онѣ никакихъ не выдѣлываютъ ногами и ограничиваются медленными движеніями и мимикой рукъ, головы и стана. Само собою разумѣется, что для неиспорченного вкуса это все же лучше нашихъ недѣльных балетныхъ танцевъ. Но впрочемъ на публичныхъ представленіяхъ мимика танцовщицъ бываетъ очень рѣзка и неграціозна, и если, порядочная японка, даже въ чайномъ домѣ, танцуетъ съ полнымъ приличіемъ: то находятся и такія баядеры, которыя не уступаютъ ость-индскимъ, особенно въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя посѣщаются европейцами, привыкшими къ *Bal-Mabil*, *Альгамбрѣ* или *Орфеуму*.

Музыка составляетъ предметъ страсти японцевъ. Ни одно домашнее празднество не обходится безъ того, чтобы не было приглашено нѣсколько *ико*, т. е. пѣвицъ съ гитарами и нѣкоторые другими инструментами, чтобы улаждать слухъ гостей. Часто не только вечеромъ, но и днемъ видишь двухъ-трехъ подобныхъ пѣвицъ предъ открытыми дверьми какой-нибудь лавки или трактира. Можно бы подумать, что такая склонность къ музыкѣ въ теченіе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ развила въ японцахъ чрезвычайно вѣрный слухъ и изысканный вкусъ; но къ нимъ въ этомъ случаѣ можно примѣнить извѣстный анекдотъ про одного изъ англійскихъ королей, который, желая знать мнѣніе одного артиста о своемъ музыкальномъ искусствѣ, получилъ въ отвѣтъ, что «есть, съ музыкальной точки зрѣнія, три рода людей: одни, которые не любятъ и не знаютъ музыки, «другіе, которые любятъ ее, но то-же не знаютъ, и третьи, которые любятъ и умѣютъ играть: вани величество вышли изъ перваго разряда, но не достигли еще до третьяго.» Японцы то-же обрѣтаются не въ третьемъ разрядѣ. Ихъ больше занимаетъ природа звуковъ, ихъ тонъ, продолжительность, мягкость или суровость, а не комбинація въ стройныя аріи. Идея музыкальнаго такта также слаба у нихъ, и ихъ хоры отчасти представляютъ осуществленіе, на музыкальномъ поприщѣ, поговорки: «кто по дрова, кто въ лѣсъ»; отчасти же, какъ при религіозномъ пѣніи, напоминаютъ жужжаніе пчелъ. За всѣмъ тѣмъ музыка ихъ можетъ иногда доставить удовольствіе, особенно когда служить аккомпаниментомъ искусной пѣвицѣ и состоитъ не болѣе какъ изъ одного или

двухъ инструментовъ. Самое популярное музыкальное орудіе въ Японіи есть гитара, называемая *самсеномъ*, если она трехструнная, и *бювой*, если она шестиструнная. На *самсенѣ* умѣютъ играть почти каждая японка, будь она даже изъ низшаго класса. Затѣмъ слѣдуютъ лютия, флейты, кларнеты, бубны и барабаны. Зибольдъ насчитывалъ всѣхъ инструментовъ въ Японіи двадцать одинъ: теперь число ихъ прибавилось, потому что японцы завели военные хоры, да и между частными людьми входитъ въ употребленіе нѣкоторые европейскіе инструменты, особенно швейцарскіе музыкальные ящики. Въ 1869 году австрійское посольство представило въ подарокъ микадо фортепьяно, первое въ Японіи съ самаго ея основанія, и когда одинъ посольскій чиновникъ съигралъ на немъ нѣсколько пѣснь, то молодой императоръ былъ такъ восхищенъ, что немедленно предложилъ своей женѣ выучиться играть, для чего и пригласилъ въ наставницы одну... англичанку.

Музыка, пляски и пѣніе доставляютъ японцамъ развлеченіе и въ частныхъ домахъ и, особенно, въ іосиварахъ. Эти послѣднія учрежденія заключаютъ искуснѣйшихъ японскихъ артистовъ, и японца мужчину столько же привлекаетъ въ чайный домъ желаніе посмотреть танцы или послушать пѣніе, какъ и болѣе пылкія развлеченія. Пѣвицы, музыкантши или танцовщицы притомъ всегда разодѣты въ богатые шелковыя платья съ золотомъ или съ узорнымъ шитьемъ, умѣютъ граціозно принять, спѣть то, что болѣе нравится посѣтителю, протанцовать любимый имъ танецъ. Но необходимо замѣтить, что онѣ —не жрицы Киприды, а только поклонницы музъ; гаремъ же чайнаго дома состоитъ изъ другихъ недѣлимыхъ. Музыкальныя удовольствія доставляютъ еще японцамъ многочисленныя мацури или празднества въ честь какихъ-нибудь ками или боговъ. Объ этихъ мацури стоитъ сказать поподробнѣе.

По религіознымъ понятіямъ японцевъ не слѣдуетъ много надѣлать богамъ людскими молитвами: боги, какъ существа всевѣдущія, и безъ того все знаютъ, что дѣлается съ людьми и что нужно для нихъ. Кромѣ того молитвы часто приносятся въ огорченномъ состояніи духа, а это должно быть непріятно богамъ, которые промышляютъ о благѣ Японіи и слѣд. не могутъ не обижаться, видя людей недовольными. И такъ, чтобы сдѣлать богамъ пріятное, чтобы заслужить ихъ расположеніе, лучше веселиться чѣмъ плавать. На этомъ принципѣ основаны мацури, т. е. всенародныя увеселенія въ дни, посвященные

тѣмъ или другимъ ками, которыхъ въ японскомъ календарѣ есть больше трехъ тысячъ, слѣдовательно достаточно, чтобы каждый городокъ имѣлъ свое особое празднество. Наружно мацури—какъ всѣ праздники; но внутренній смыслъ ихъ, какъ видимъ, совершенно отличенъ отъ праздниковъ католическихъ, ерейскихъ или магометанскихъ. Мацури официально введены императоромъ Тень-му въ VII столѣтіи отъ нашей эры и слѣдовательно имѣютъ вполне легальное, религиозное основаніе: ибо кому же и знать волю боговъ, какъ не прямо-му ихъ потомку, возсѣдающему на японскомъ престолѣ? . . . Теперь посмотримъ въ чемъ онѣ состоятъ. Въ Нагасаки, напримеръ, покровителемъ города считается Сува, одинъ изъ самыхъ популярныхъ боговъ во всей Японіи. Въ день его городъ представляетъ оживленное и любопытное зрѣлище. Утромъ народъ толпится у храма, разукрашеннаго флагами и знаменами. Вся толпа разодѣта въ лучшія платья и всякій приноситъ какую-нибудь жертву божеству, къ составу которой непременно должна быть и чашка сакки, конечно въ пользу храмослужителей. Затѣмъ изображеніе божества отправляется по городу, въ изящной переносной кумирнѣ, сопровождаемой жрецами въ парадныхъ ризахъ и то въ норимонахъ (носилкахъ), то верхами на лошадяхъ. Полиція, какъ представительница консервативнаго начала, ладящаго съ жрецами, охотно увеличиваетъ торжественность процессіи помощью коннаго конвоя, слѣдующаго въ кортежѣ. Когда достигнуть до главной городской площади,—шествіе останавливается и изображеніе божества становится на особыхъ подмосткахъ для всенароднаго ему поклоненія. Затѣмъ начинается свѣтская часть праздника, состоящая изъ множества увеселительныхъ зрѣлищъ, устраиваемыхъ на счетъ жителей разныхъ улицъ поочередно. Впереди носятъ балдахинъ съ надписью, означающею какая улица есть хозяйинъ цѣлаго празднества, что имѣетъ свое значеніе, потому что улицы соперничаютъ между собою великолѣпіемъ торжествъ. Потомъ слѣдуютъ музыканты подъ предводительствомъ начальника городской полиціи; за ними, дѣти, представляющіе на перекресткахъ и другихъ мѣстахъ остановокъ какія-нибудь историческія піески. Иногда вмѣсто дѣтей актерами являются обитательницы чайныхъ домовъ въ великолѣпныхъ костюмахъ. За актерами носятъ подвижныя кулисы и декорации, такъ что представленіе ничего не теряетъ отъ того, что совершается подъ открытымъ небомъ

а не въ театрѣ. Процессію заключаютъ родители и знакомые актеровъ, а наконецъ и толпа всякаго рода зѣвакъ и охотниковъ до уличныхъ зрѣлищъ. Представленія даются по возможности во всѣхъ частяхъ города; иногда для этого составляется нѣсколько особенныхъ шествій, заранѣе избирающихъ кварталы для своихъ посѣщеній. Порядокъ въ процессіяхъ соблюдается удивительный, и не бываетъ давки, не смотря на многочисленныя толпы не только нагасакскихъ горожанъ, но и жителей сосѣднихъ селеній. Праздникъ обыкновенно продолжается три дни, и въ это время всѣ дѣла отбрасываются въ сторону. Дома украшаютъ коврами, драпировками, временными навѣсами, подъ которыми пьютъ, ѣдятъ и забавляются музыкою съ утра до вечера. Знакомые непрерывно навѣщаютъ другъ друга.

Июкогамскія мацури 1870 года получили особую знаменитость не только между европейцами, но и между самими японцами. Онѣ были справлены отчасти на счетъ богатыхъ купцовъ этого города, отчасти же на счетъ правительства, которое хотѣло показать иностранцамъ во всемъ блескѣ древнюю религію ками и явиться предъ народамъ благодѣтелемъ бѣдныхъ. Мацури тянулись три дни, а приготовленія къ нимъ начались больше, чѣмъ за недѣлю. Выстроены были на главныхъ улицахъ высокіе навѣсы, подъ которыми помѣщались башневидныя колесницы съ изображеніями боговъ на верху и съ разными украшеніями изъ дорогихъ тканей и пр. по сторонамъ башенъ. Хоры музыкантовъ помѣщались въ среднихъ этажахъ колесницъ, запряженныхъ волами и медленно разѣзжавшихъ по улицамъ. Дѣвочки цѣлаго города, въ чрезвычайно богатыхъ и изящныхъ нарядахъ, составляли самую блестящую часть процессій и шли рядами; представители прочаго населенія—то же. Даже простые поденщики были разодѣты въ цвѣтныя рубашки одинаковаго узора у каждой артели. Для бѣдныхъ, которыхъ, по случаю прошлагодняго неурожая, весною было много, правительство выставило нѣсколько пирамидъ изъ мѣшковъ риса и плетеныхъ бутылей съ масломъ и сакки. Каждый вечеръ зажигалась блестящая иллюминація изъ цвѣтныхъ фонарей съ вѣтками искусственныхъ цвѣтовъ, которые различались по улицамъ. Этихъ фонарей въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Июкогама, горѣло по крайней мѣрѣ 25.000. Толпы народа были столь велики, что свободныхъ мѣстъ на улицахъ не оставалось. За всѣмъ тѣмъ не было давки, дракъ, брани, и пр. Изъ 120.000 людей,

собравшихъ на тѣсномъ пространствѣ, ни одинъ не былъ обокраденъ, что по истинѣ въ Европѣ должно казаться невѣроятнымъ, особенно если принять въ соображеніе, что во время процессій полиція вовсе не показывалась на улицахъ. Пьяныхъ также не было. Такъ какъ одною изъ цѣлей праздника было возвысить религію ками на счетъ буддизма, то актеры въ одеждахъ буддійскихъ жрецовъ часто останавливались предъ домами и среди улицъ давали фарсы эротическаго содержанія, возбуждавшіе громкій смѣхъ зрителей.

Изъ прочихъ праздниковъ особенно замѣчательны общенародными увеселеніями новый годъ и такъ названный Тунбергомъ праздникъ фонарей — день поминанья усопшихъ. Новый годъ обыкновенно сопровождается многочисленными визитами ко всѣмъ знакомымъ и по начальству, при чемъ японцы употребляютъ, такъ же какъ и мы, визитныя карточки, и обмѣниваются подарками. Карточки отдаются и тогда, когда визитъ сдѣланъ лично, чтобы получившій его не забыть отдать въ свое время. Что касается до праздника фонарей, то въ это время души умершихъ считаются какъ бы появившимся на свѣтъ, чтобы посмотреть, что дѣлаютъ ихъ потомки и родственники. Поэтому ихъ ходятъ встрѣчать на кладбища и оттуда же провозжатъ въ преподную, но впрочемъ не раскапывая могилъ или вообще не какимъ-нибудь сухопутнымъ дѣйствіемъ, а утопленіемъ въ морѣ. Для послѣдней цѣли въ ночь, оканчивающую праздникъ, спускается на воду множество соломенныхъ лодочекъ съ зажженными на нихъ бумажными фонарями. По мѣрѣ того, какъ вѣтеръ или отливъ уноситъ ихъ въ море, онѣ загораются и освѣщаютъ окрестность, представляя собою очень красивую иллюминацію.

Описаніемъ японскихъ празднествъ можно бы наполнить цѣлую книгу: такъ разнообразны онѣ. Чтобы покончить съ обзоромъ общественныхъ увеселеній, скажемъ еще нѣсколько словъ о театрахъ, этомъ любимомъ развлеченіи японцевъ. Нѣтъ такого городка или большаго селенія, гдѣ не было бы своего театра. Въ Иеддо ихъ тридцать, т. е. больше чѣмъ въ Парижѣ, и на одной небольшой улицѣ близъ храма Асакемы мы находимъ ихъ три, способныхъ вмѣщать нѣсколько тысячъ зрителей. Устройство ихъ напоминаетъ европейскіе ярмарочные балаганы-театры, съ партеромъ, покатымъ къ сценѣ, и съ ложами въ два-три яруса. Партеръ разгороженъ на квадраты шага въ три длину и устанъ циновками на которыхъ зри-

тели усаживаются обычнымъ въ Японіи способомъ. Представленія происходятъ почти непрерывно, причемъ піесу раздѣляютъ на нѣсколько актовъ, между которыми встаютъ другія піесы: это дѣлается для того, чтобы дать возможность зрителямъ отдохнуть, сдѣлать прогулку или зайти въ буфетъ, обыкновенно находящійся при театрѣ. Отъ того въ антрактахъ всегда толкотня, причемъ дѣти обыкновенно уходятъ на сцену или даже за кулисы, гдѣ актеры угощаютъ ихъ лакомствами. Для начала спектакля, по большой части, даются атлетическія игры; потомъ идетъ трагедія или комедія. Въ исполненіи потрясающихъ сценъ актеры не стѣсняются никакими условными приличіями. Если нужно представить пытку, истязаніе, казнь,—это дѣлается съ наводящею ужасъ вѣрностію дѣйствительности. Переодѣванья и превращенія совершаются также съ искусствомъ, оставляющимъ мало желать: но перестановка декорацій немного патриархальна по недостатку машинъ. Когда зрители довольны спектаклемъ, они рукоплещутъ, какъ и у насъ; если онъ не нравится имъ, то поворачиваются спиною. Въ послѣднемъ случаѣ занавѣсъ падаетъ, хотя бы піеса была не кончена. Лучшихъ актеровъ обдариваютъ, но не букетами и драгоценными вещами, какъ у насъ, а одеждой, которую потомъ выкупаютъ у получившаго. Въ антрактахъ, даже не выходя изъ театра, ѣдятъ и пьютъ прохладительныя, читаютъ либретто піесъ, продаваемыя тутъ же разнощиками, разговариваютъ между собою. Дамы обыкновенно являются въ театрѣ великолѣпно разряженными, мужчины en grand tenu.

Пьесы, даваемые на сценѣ, по характеру своему распадаются на серьезныя — драмы, и на легкія — водевили, комедіи и волшебныя оперы. Драма, заимствованная у китайцевъ, такъ и осталась китайскою; въ ней, какъ и во французскихъ ложно-классическихъ піесахъ, дѣйствующими лицами являются герои, цари, полководцы, министры и проч. На сценѣ они скорѣе поютъ, чѣмъ говорятъ, подобно какъ и въ Théâtre Français при постановкѣ піесъ Расина. Кто хочетъ ближе узнать народныя вкусы японцевъ и ихъ національный театръ, тотъ долженъ идти на водевиль или фарсъ. Тамъ представляются сцены ежедневной жизни, и большею частію не какія-нибудь вымышленныя, а прямо взятая изъ современной дѣйствительности. Выступающія на сцену лица — добрые знакомые публики; она иногда съ ними перекидывается словами, намеками, понимаетъ каждое ихъ движеніе, каждую остроту. Но странно, что при такой

свободѣ въ выборѣ сюжета и подробностей представленія, нѣкоторые предметы не допускаются вовсе на сцену. Японецъ пришелъ бы, напримѣръ, въ негодованіе, если бы на подмосткахъ увидѣлъ супружескій обманъ и невѣрную жену, хотя любовная интрига вовсе не изгнана изъ театра. Однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ на сценѣ служатъ якунины съ ихъ бюрократическими замашками. Японцы язвительно смѣются надъ ними, и по всему видно, что это зелье сильно имъ надоѣло. — Волшебныя оперы, гдѣ актеры являются въ фантастическихъ костюмахъ и гдѣ содержаніе пьесъ также бываетъ большею частію сатирическое, не менѣе популярны.

Люди бѣдные, не имѣющіе возможности посѣщать театры, которые дороги (5 — 6 рублей сер. за мѣсто въ партеррѣ), довольствуются обыкновенно уличными зрѣлищами, въ числѣ которыхъ особенно видное мѣсто занимаютъ представленія акробатовъ, борцовъ, разныхъ фокусниковъ, игра бродячихъ музыкантовъ и проч. Въ новый годъ акробатическія представленія даются просто на улицахъ, причемъ иногда смѣлые жонглеры платятъ жизнь за неловкость, сдѣланную гдѣ-нибудь на вершинѣ лѣстницы или на проволокѣ, высоко-натянутой въ воздухѣ. На деревенскихъ театрахъ играютъ также бродячіе актеры. Тутъ главная сущность пьесъ въ дешевомъ комизмѣ переодѣваній, въ нѣсколькихъ сальныхъ остротахъ, въ проворствѣ и ловкости гимнастическихъ штукъ. Европа отчасти уже ознакомилась съ этими зрѣлищами, благодаря японской труппѣ, нанятой однимъ французомъ и посѣтившей всѣ главнѣйшіе города отъ Парижа и Лондона до Петербурга. Многіе, вѣроятно, не безъ удовольствія вспомнятъ изящный фокус летающихъ бабочекъ, смѣлое влезанье на лѣстницы, поддерживаемыя только ногами, и проч.

Къ любви развлеченій невинныхъ, каковы театръ и музыка, примыкаетъ у японцевъ и болѣе страстныя чувства, сдѣлавшіяся почти національными пороками. Такова, напримѣръ, склонность къ азартнымъ играмъ. Нельзя почти сдѣлать ни одной прогулки по улицамъ многихъ городовъ, чтобы не встрѣтить толпы рабочихъ, жадно предающихся метанью костей или какой-либо другой азартной забавѣ, которая уничтожаетъ въ нѣсколько минутъ плоды многодневныхъ трудовъ. Слуги въ европейскихъ домахъ, получающіе сравнительно большое содержаніе, нерѣдко проигрываютъ его въ самый день полученія. Повсемѣстно введена рулетка, такъ что въ съѣстныхъ лавоч-

кахъ продаютъ пирожки и другіе припасы на счастье: выпадетъ на колесѣ жребій покупателю — онъ беретъ спрошенное даромъ; случится противное — онъ платитъ вдвое. Дѣти съ трех-четырехъ лѣтъ приучаются къ этой игрѣ, покупая лакомства, которыхъ вся цѣна треть или половина конфѣйки.

Отъ этого перечня японскихъ развлеченій, среди которыхъ народъ, по врожденнымъ своимъ наклонностямъ, старается проводить большую часть своей жизни, перейдемъ теперь къ подробностямъ кончины японца. Если онъ не бѣднякъ, не бездомный работникъ, тѣло котораго просто зарываютъ въ землю, то все печальное событіе его смерти сопровождается извѣстною обстановкою, соблюдаемою по предавію. Обыкновенно самая кончина остается на нѣкоторое время безъ всякой огласки, чтобы дать возможность ближайшему наслѣднику покойнаго войти въ свои права. Покойникъ въ это время не считается еще умершимъ, и будь онъ напр. чиновникъ, его жалованье продолжаетъ идти семейству или кредиторамъ. Затѣмъ, когда къ огласкѣ нѣтъ больше препятствій, родственники умершаго приглашаютъ нѣсколькихъ близкихъ друзей распорядиться всѣмъ похороннымъ цереміаломъ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы само семейство покойнаго предавалось въ это время одной горести, а не хозяйственнымъ мелочамъ. Эти друзья распредѣляютъ между собою обязанности похороннаго этикета, при чемъ одинъ не отлучается отъ трупа покойнаго, другой хлопочетъ о приготовленіяхъ къ выносу, третій принимаетъ гостей, которые приходятъ заявить сожалѣніе и, по японскимъ обычаямъ, останавливаются у дверей, не входя въ домъ, «нечистый», благодаря своему положенію. Когда все готово къ погребальному шествію, тогда повѣщаютъ объ этомъ всѣхъ знакомыхъ, чтобы доставить имъ случай отдать послѣдній долгъ покойному. Шествіе открываютъ факельщики и за ними жрецы, которые въ этомъ случаѣ уже необходимы, какъ оно и естественно съ японской точки зрѣнія, ибо только теперь для души начинается собственно духовная жизнь, независимая отъ земныхъ интересовъ. За жрецами слѣдуютъ слуги съ фонарями, зонтиками, портретами разныхъ буддъ или kami и священными изреченіями, писанными на бумажныхъ хоругвахъ. Послѣ этого авангарда слѣдуетъ самъ покойникъ, въ гробѣ, имѣющемъ видъ норимона, т. е. носилокъ, въ родѣ кадки, осьмиугольнаго ящика или мнѣiatorнаго каретнаго кузова, куда человѣка можно посадить, но гдѣ онъ ни стоять, ни протянуться не можетъ. Но-

римонъ несутъ нѣсколько человѣкъ, смотря по достатку и званію умершаго, причемъ сверху надъ нимъ поддерживаютъ еще вѣнокъ и балдахинъ изъ бумаги. Непосредственно за гробомъ идутъ родные, друзья и знакомые, первые всѣ въ бѣломъ, такъ какъ цвѣтъ этотъ означаетъ въ Японіи трауръ. Умершаго приносятъ сначала въ храмъ, гдѣ происходитъ отпѣваніе, сопровождаемое музыкою храмовыхъ инструментовъ. Затѣмъ его переносятъ на кладбище, гдѣ могила выкапывается и обдѣлывается какъ у насъ, но только бываетъ короче нашей. Люди богатые погребаютъ своихъ усопшихъ въ фамиліальныхъ оградахъ и установивъ предварительно гробъ въ глиняный цилиндрическій горшокъ, который предохраняетъ его отъ сырости. Надъ могилой ставится каменный столбикъ съ надписью имени или даже съ эпитафіею, фамиліальнымъ гербомъ и проч. Такіе памятники въ окрестностяхъ большихъ городовъ разсыяны иногда на обширныхъ пространствахъ, преимущественно въ оврагахъ и по крутымъ скатамъ горъ, негоднымъ для обработки. По желанію покойника или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, иногда трупъ его сожигается, а бѣдныхъ рыбаковъ и просто бросають въ море.

Трауръ носится, сообразно съ степенью родства и значеніемъ покойнаго для семьи, семь недѣль, сто дней или и цѣлый годъ. Въ это время, сверхъ употребленія бѣлой одежды, японецъ не брѣетъ головы и бороды, не стрижетъ ногтей, не посѣщаетъ пиршествъ, публичныхъ увеселеній. Кромѣ того въ первые семь недѣль обыкновенно родные покойнаго собираются на могилѣ его молиться о его душѣ и приносятъ въ жертву пирожки, которые, по видимому, имѣютъ то же отношеніе къ поминанью, какъ у насъ блины и кутя. Въ пятидесятый день по большой части трауръ оканчивается, и тогда надъ могилой ставятъ памятникъ, а лица, снявшія траурную одежду, празднуютъ это событіе, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они освобождаются отъ того нечистаго состоянія, въ которомъ, по мнѣнію японскихъ богослововъ, находится каждый, кто имѣлъ дѣло съ трупами.

Августъ 1870.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Нѣкоторыя черты нравственности и права.

Основа деспотіи есть произволъ, республики — добродѣтель, монархіи — честь.

Монтескье.

Прослѣдивъ большую часть чисто внѣшнихъ обыкновеній японской жизни, — изъ которыхъ впрочемъ нѣкоторыя имѣютъ и глубокій нравственный смыслъ, какъ напр. передача управленія дѣлами дома женатому сыну, отношеніе общественнаго мнѣнія къ женщинамъ, обитающимъ въ чайныхъ домахъ и пр., — посмотримъ теперь на такія обыкновенія, которыя имѣютъ связь съ положительнымъ правомъ и частью даже истекаютъ изъ него или, по крайней мѣрѣ, относятся къ области, называемой юридическою. Здѣсь на первомъ планѣ представляется фактъ, который доказываетъ, что японцы, не смотря на всепоглощающее, непрерывное давленіе почти деспотической центральной власти, сохранили одну сторону своего нравственнаго бытія на высотѣ, какой могутъ позавидовать всѣ другіе народы Востока. Я говорю про тотъ рыцарскій духъ, который оживляетъ японца и который заставляетъ его лучше лишить себя жизни, чѣмъ допустить ненаказанно нарушеніе правъ его личности. Разумѣется, что этотъ духъ развивается воспитаніемъ, и въ этомъ-то смыслѣ получаютъ особую занимательность тѣ легенды, которыя питаютъ воображеніе японскихъ дѣтей и которыя сохраняемъ своимъ напоминаютъ уже извѣстному читателю разсказъ о тридцати пяти вѣрныхъ лонинахъ. Съ ранняго возраста врѣзываются они въ память японца и приносятъ свои плоды. Кромѣ того помогаетъ развитію чувства чести и самый

строй японскаго общества, во главѣ котораго стоятъ гордые князья, которыхъ вся жизнь, можно сказать, состоитъ въ защитѣ point d'honneur и своихъ историческихъ правъ. За князьями идутъ дворяне, а за ними и другія сословія, кромѣ купцовъ, которые за то и пользуются презрѣніемъ. Вслѣдствіе этой исторической выработки, японецъ, не смотря на видимую мягкость характера и на крайнюю сдержанность, никогда не позволяеть обижать себя безнаказанно. Если онъ слабъ, безсиленъ отмстить, онъ немедленно расходится съ оскорбителемъ *навсегда*. Это пришлось испытать и европейцамъ, да притомъ еще на простыхъ слугахъ, которые, будучи сегодня обижены господами, завтра непременно отходятъ, какова бы ни была гнетущая ихъ нужда. И ни какія упрасиванья не помогаютъ: оказывается обыкновенно, что у недовольнаго умеръ отецъ, братъ, дядя, или овдовѣла сестра и т. п., послѣ чего невозможно никакія уступки, а между тѣмъ оскорбитель чувствуетъ, что виною всему онъ одинъ, а японецъ, только деликатно не хочетъ ему объ этомъ сказать, да и не находитъ того нужнымъ, потому что внутри его все рѣшено неизмѣнно. Въ высшихъ сословіяхъ этотъ point d'honneur достигаетъ крайней степени щекотливости. Лица повздорившія, т. е. употребившія другъ противъ друга рѣзкія выраженія (что очень рѣдко) или сдѣлавшія колкіи намеки, или даже не оказавшія другъ другу надлежащаго вниманія, становятся врагами на смерть, и въ этихъ случаяхъ японцы неумолимо мстительны. Если нельзя убить противника немедленно, то ждутъ мѣсяцы, годы. Въ случаѣ рѣзкости обиды ни обычай, ни даже законъ не преслѣдуетъ убійцу-мстителя. (*) При мнѣ въ 1870 году на улицахъ Іеддо

(*) Вотъ что мы находимъ въ законахъ Гонгенсами по поводу кровомщени: «Въ Японіи изстари говорится, что человекъ не можетъ жить подъ однимъ небомъ съ врагомъ своего отца, своего господина или старшаго брата. Въ настоящее время, если кто имѣетъ намѣреніе мстить смертію своему врагу, то долженъ увѣдомить объ этомъ Кетцу-данъ-шо (особый приказъ) и сказать, въ теченіе сколькихъ дней или мѣсяцевъ думаетъ онъ не оставлять своего намѣренія, что записывается въ книгу. Безъ этой предосторожности онъ будетъ приниматься за простаго убійцу.» — Европейскимъ юрисконсультатомъ à la Charles Dupin («французское законодательство потому ничего не говоритъ о вѣзлі, что не отличаетъ ее отъ и-окихъ видовъ убійства») этимъ юрисконсультамъ, подъ влияніемъ римско-византійскаго кодекса и его безчисленныхъ вариаций, давно износившихъ въ себѣ чувство чести, такая «статья» закона, разумѣется, покажется глубокимъ варварствомъ; но впрочемъ, вѣроятно, найдутся и исключенія....

два брата якунина, встрѣтивъ случайно врага своего дома, котораго отыскивали нѣсколько лѣтъ, немедленно напали на него и отрубили ему голову, объяснивъ вкратцѣ, за что они метять, и предложивъ защищаться. Потомъ, когда они явились къ властямъ для объясненія своего поступка, ихъ отпустили, съ условіемъ только выѣхать изъ Іеддо въ свою провинцію. — Въ тѣхъ случаяхъ, когда оскорбленіе сильно, сдѣлано публично, и оскорбленный не видитъ возможности отмстить лично, онъ лишаетъ себя жизни, предоставляя друзьямъ смыть пятно съ его памяти, какъ мы видѣли въ легендѣ о лонинахъ. Лишеніе себя жизни, *харакіри*, есть обычай, ведущійся съ самыхъ древнихъ временъ. Для исполненія этого печальнаго обряда существуютъ традиціонныя приемы, которые соблюдаются съ религіозною точностью. Въ школахъ учатъ, какъ при случаѣ нужно вскрывать животъ наилучшимъ для достиженія цѣли способомъ. Носимый каждымъ благороднымъ японцемъ клижалъ служить орудіемъ самоумерщвленія, которое совершается съ большою торжественностью. Если причина смерти—обида отъ частнаго лица,—собираются не только родные, но всѣ друзья; если напротивъ убійство вызывается немилостью свыше или позорнымъ поступкомъ, во избѣжаніе казни, то присутствуютъ лишь одни близкіе родственники. Во всякомъ случаѣ любопытно, что самъ японскій законъ уважаетъ этотъ кровавый обычай и не подвергаетъ уже отвѣтственности тѣхъ близкихъ къ самоубійцѣ лицъ, которые безъ его самопожертвованія непременно были бы лишены общественныхъ правъ, а можетъ быть и имущества. Въ слѣдствіе такого законодательства, лишеніе себя жизни есть почти неизбежный исходъ для каждаго скомпрометированнаго лица, если оно дорожитъ собственнымъ именемъ и счастьемъ семьи. И поводы иногда могутъ быть очень неважны на европейскій взглядъ, какъ видно напр. изъ слѣдующаго разсказа.

Въ 1808 году англійскій корабль «Фаэтонъ» вошелъ на нагасакскій рейдъ подъ голландскимъ флагомъ и захватилъ двухъ голландцевъ, выѣхавшихъ на встрѣчу. Губернаторъ Нагасаки потребовалъ отъ англичанъ выдачи плѣнниковъ, но получилъ отказъ. Тогда онъ сталъ дѣлать приготовления, чтобы захватить измѣническое судно силою или хитростью; но намѣреніе не удалось, потому что «Фаэтонъ» ушелъ прежде, чѣмъ приготовления къ его поимкѣ были окончены. И хотя захваченные голландцы были отпущены, но японскій сановникъ видѣлъ себя

оскорбленнымъ, такъ сказать одураченнымъ. Донести о такомъ происшествіи, компрометировавшемъ его служебную дѣятельность, онъ не рѣшался; не донести было нельзя, ибо тогда правительственные шіоны сдѣлали бы это и помимо его. Хорошо зная, какая участь ожидаетъ его, говорить Дуффъ, губернаторъ черезъ полчаса послѣ событія собралъ свое семейство и при всѣхъ распоролъ себѣ брюхо. Начальники прибрежныхъ карауловъ, которые позволили кораблю войти и потомъ скрыться изъ гавани, послѣдовали его примѣру. Нельзя сомнѣваться, что они этимъ предупредили страшную казнь, имъ готовившуюся; ибо правительство подвергло ответственности за оплошный надзоръ за берегами даже князя Хизена, бывшаго тогда въ Иеддо и виновнаго развѣ только тѣмъ, что оплошность была сдѣлана его подчиненными. Князь, не смотря на то, что онъ даймю, сидѣлъ подъ арестомъ сто дней, да еще долженъ былъ назначить пенсію семьѣ умершаго губернатора». Это послѣднее обстоятельство также не лишено интереса для характеристики японскихъ нравовъ. Князь просилъ позволенія поднести 2,000 кобанговъ (15,000 р. с.) сиротѣ умершаго нагасакаскаго сановника: на это не только согласились, но *позволили* ему, т. е. приказали, платить такую же сумму ежегодно впредь до совершеннолѣтія ребенка, чтобы онъ ни въ чемъ не имѣлъ нужды.

Презрѣніе къ смерти, когда эта смерть вызвана дѣломъ, которое подвергающийся ей считаетъ правымъ, проявляется не въ однихъ аристократахъ, воспитанныхъ въ правилахъ самого щедротливаго честолюбія. Нѣтъ, оно сродно почти въ той же степени каждому японцу, хотя и высказывается не всегда одинаковымъ образомъ. На памяти европейцевъ, нинѣ живущихъ въ Японіи, было нѣсколько характеристическихъ случаевъ. Такъ въ 1860 году, послѣ убійства регента имперіи Ии-Камонъ-ноками, двое изъ убійцъ, сами тяжело раненные, шли по улицѣ въ Иеддо и, ослабѣвъ отъ потери крови, сѣли. Тогда одинъ изъ нихъ, обратясь къ другому сказалъ: «я не могу лишить себя жизни, потому что правая моя рука ранена и я ею не владѣю:—помогите мнѣ». Товарищъ отрубилъ ему голову и вслѣдъ затѣмъ самъ лишилъ себя жизни. Другіе убійцы, спрошенные судомъ и хорошо знавшие свою участь, на вопросъ, что ихъ заставило прибѣгнуть къ убійству, смѣло отвѣчали: «у насъ были *хорошія* причины. Со времени Синъ-му до нашихъ дней японская нація не была унижаема и оскорбляема иностранцами, а теперь, благодаря регенту, чужеземцы у насъ господствуютъ. Онъ

сдѣлался врагомъ отечества, и мы убили его. Другихъ причинъ не имѣемъ».—Въ 1865 году былъ арестованъ и судимъ въ Иеддо одинъ японецъ, виновный въ смерти двухъ англичанъ. Для казни его выслали въ Йокогаму. Семидже,—такъ звали его,—гордо ѣхалъ при этомъ на лошади, хотя былъ туго привязанъ къ ней въ неудобномъ положеніи, на колѣняхъ. Онъ смотрѣлъ на толпу съ презрѣніемъ; глаза его сверкали, не смотря на то, что лицо и все тѣло были истощены отъ пытки и тюремнаго заключенія. Когда дошла очередь до самой казни, онъ отвергъ повязку на глаза и объявилъ, что желаетъ показать негодямъ-иностранцамъ, какъ умираютъ японцы. «Однимъ ударомъ!» прибавилъ онъ, обращаясь къ старику-палачу и склоняя голову надъ ямою, вырытою въ землѣ. Палачъ успѣлъ удовлетворить этой послѣдней просьбѣ гордаго патриота.

Обычай самоубійства въ наше время, подъ влияніемъ европейскихъ идей, по видимому начинаетъ ослабѣвать. Такъ Энмото, главнокомандовавшій повстанскимъ флотомъ въ революцію 1868—9 годовъ, будучи подвергнутъ заключенію, не распоролъ себѣ живота. Но, впрочемъ, онъ получилъ совершенно голландское воспитаніе. Что же касается до японцевъ, неизмѣненныхъ влияніемъ европеизма, то можно назвать множество такихъ, которые прибѣгли къ хакари въ теченіе именно послѣднихъ лѣтъ. Такъ нѣкоторые изъ министровъ бывшаго сіюгуна, когда увидѣли, что имъ предстоитъ занять второстепенныя мѣста при новомъ правительствѣ, поспѣшили вскрыть себѣ животы, чтобы не нести униженія. Также многіе вассалы князя Айдзу умертвили себя, чтобы не пережить лишенія дворянства.

Въ легендѣ о тридцати-нати лонинахъ мы находимъ еще одну основную черту японскаго характера, отражающуюся во всемъ нравственномъ и юридическомъ бытѣ націи. Черта эта состоитъ въ духѣ товарищества, тѣсно связующемъ тѣхъ, кто разъ попалъ въ опредѣленный общественный кругъ. Такая связь сказывается не только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно бываетъ совершить столь бранный, кровавый дѣло, какъ рассказанное легендою; нѣтъ, друзья или товарищи не оставляютъ одинъ другаго и въ менѣе важныхъ обстоятельствахъ жизни. Особливо японцы низшихъ классовъ, гдѣ отдѣльная личность слишкомъ слаба, чтобы бороться со всѣми встречающимися препятствіями, охотно вступаютъ въ подобныя ассоціаціи, коихъ члены обязаны всегда дѣйствовать ко взаимной выгодѣ и

по распоряженію одного, избраннаго главы. Ассоціаціи этого рода повсемѣстны въ Япони, и какъ единодушно онѣ дѣйствуютъ, доказательствомъ служить случай, бывшій въ 1862 году въ Йокотамѣ. Тамоніе бетто или конюхи принадлежатъ къ двумъ артелямъ, которыхъ главы, какъ бы старосты, жившіе все время мирно, вдругъ поссорились въ этомъ году. Ссора имѣла чисто личный характеръ; тѣмъ не менѣе они пригласили на помощь каждый свою артель, и члены послѣднихъ безпрекословно повиновались. Въ одно прекрасное утро все они оставили своихъ хозяевъ и собрались въ назначенномъ для боя мѣстѣ. Только успѣями полиціи удалось возвратить ихъ къ своимъ мѣстамъ, но и тутъ обоюдная вражда проявлялась въ теченіе долгаго времени частными стычками членовъ обѣихъ артелей. Подобное же явленіе повторилось въ 1870 году, когда двѣ партіи рабочихъ, ламповщиковъ и подметателей улицъ, вступили въ бой изъ-за интересовъ своихъ хозяевъ. Не менѣе тѣсное сближеніе замѣчается и между жителями различныхъ улицъ, которые нерѣдко ведутъ между собою вѣковую, наследственную вражду, что нѣсколько напоминаетъ наши, но очень еще старинные обычаи, когда въ городахъ слобода ходила на слободу. Въ Нагасаки подобный случай удалось наблюдать европейцамъ, и представители закона, полицейскіе чиновники, не вмѣшивались въ борьбу. Они только офицали сражавшихся, чтобы не дать вмѣшаться въ распрю остальнымъ жителямъ города; но пропускали сквозь цѣпь обитателей враждующихъ улицъ. Писанный законъ, хлопочущій больше всего о виѣшнемъ порядкѣ, склонялся тутъ предъ правомъ обычнымъ.

Чрезвычайно странно, постѣ такихъ примѣровъ дружнаго единодушія и доходящихъ до героизма чувства чести и преданности идеѣ, видѣть, что между японцами очень обыкновенно шпіонство. Это какъ бы подтверждаетъ безсмысленный самъ по себѣ афоризмъ, что крайности сходятся. Японія была наполнена шпіонами во времена тайкуновъ, да не обходится безъ нихъ и въ настоящую пору. Въ главѣ о государственномъ устройствѣ мы отчасти видѣли, какими средствами правительство поддерживаетъ систему доносовъ. Шпіоны, *омечки*, были и есть разныхъ разрядовъ: одни официальные, другіе, и конечно важнѣйшіе, совершенно секретные. Сіогунъ держалъ ихъ не только при князьяхъ, которыхъ побаивались, но даже при собственныхъ губернаторахъ, которыхъ выборъ зависѣлъ отъ нихъ самихъ, и наконецъ при самомъ микадо. Быть хорошимъ

шпіономъ, находчивымъ, ловкимъ, считалось не послѣдней заслугой, дававшей права на видимыя отличія. Такъ напр. однажды губернаторомъ Мацмая назначенъ былъ человѣкъ, котораго передъ тѣмъ выдали въ этомъ городѣ простымъ рабочникомъ и который успѣлъ сдѣлать важный доносъ. Впрочемъ, кажется, что тайкунское правительство могло держать своихъ *омечки* только при князьяхъ недовольно самостоятельныхъ и богатыхъ; тѣ же, которые въ состояніи были противъ этихъ минъ устроить контръ-мины и узпавать лицахъ, за ними присматривавшихъ, безъ церемоніи рубили послѣднимъ головы: ибо правительство тайкуна не вступалось за нихъ изъ опасенія позора, а можетъ быть и потому, что такіа лица сами по себѣ не стоили заступничества и притомъ легко замѣнялись другими. Такъ бывало напр. у сацумскаго князя, котораго владѣнія очень обширны и находятся вдали отъ Іеддо. Нѣкотораго рода оправданіемъ этой системѣ шпіонства служить то, что она отнюдь не всегда причется за ширмы. Такъ въ 1858 году при переговорахъ съ лордомъ Эльгинномъ и барономъ Гро въ числѣ японскихъ уполномоченныхъ былъ одинъ, у котораго прямо на визитной карточкѣ было написано «императорскій шпіонъ». Такой чиновникъ, очевидно, исполнялъ обязанности сходныя съ прокурорскими въ томъ смыслѣ, какъ это было у насъ до судебной реформы. Онъ не подавалъ голоса въ обсужденіи предметовъ; но доводилъ обо всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія правительства, чтобы то могло отклонить могущія встрѣтиться со стороны ведущихъ дѣла лицъ ошибки или отступленія отъ закона. Официальные шпіоны при губернаторахъ имѣли право и даже были обязаны доводить до ихъ свѣдѣнія узванные ими случаи преступленій или докладывать о неправильности рѣшеній самаго губернатора. При существованіи чиновничьяго, а не выборнаго управленія и при отсутствіи контроля со стороны общественнаго мнѣнія это есть явленіе почти неизбежное.

Всегда основательный Диксонъ замѣчаетъ, что не все *омечки* суть шпіоны, что этому разряду людей законъ вручаетъ просто отдѣльныя отрасли управленія, напр. наблюденіе за исправностью дорогъ, за запираніемъ городскихъ воротъ по ночамъ, за носильщиками въ Іеддо и т. п., однимъ словомъ, что это суть просто чиновники земской полиціи. Это отчасти справедливо и показываетъ, что въ общемъ смыслѣ слово *омечки* вѣрнѣе перевести словомъ наблюдатель, чѣмъ шпіонъ собствен-

но; но вотъ что Диксонъ говоритъ далѣе самъ: «Качи-мечки—низій (?) классъ шпионовъ. Они назначаются секретно правительствомъ и получаютъ номинально разныя должности по домашнему хозяйству или въ лавкахъ, гдѣ могутъ непрерывно слѣдить за подлежащимъ ихъ наблюденію лицомъ. Часто это конюхи, сопровождающіе господъ во всѣхъ путешествіяхъ. Они пишутъ обо всемъ, что замѣтятъ подозрительнаго. . . . Если эти люди потерпятъ что-либо отъ господъ, то не получаютъ никакого вознагражденія отъ правительства; но за хорошее исполненіе обязанностей имъ щедро платится», и проч. Кто эти люди и каковы они, видно изъ примѣровъ, приводимыхъ тѣмъ же Диксономъ. Такъ князь Мито держалъ нѣсколько лѣтъ при іеддоскомъ губернаторѣ шпиона, который хотя подсматривалъ за послѣднимъ, но интриговалъ и противъ самаго Мито и кончилъ тѣмъ, что зарѣзалъ его. Вся глава однанадцатая сочиненія Диксона наполнена доказательствами того, какъ сіюгунъ шпионствовали не только при князьяхъ, но даже при дворѣ микадо, въ Кіото.

Впрочемъ не должно думать, что система полицейскаго надзора въ Японіи ограничивается одними спеціальными чиновниками, будутъ ли то прокуроры или шпионы въ собственномъ смыслѣ. Нѣтъ, система распространяется гораздо дальше и охватываетъ собою все населеніе государства. Каждый японецъ носитъ на себѣ дощечку съ надписью его имени и происхожденія, за печатью полиціи: это его паспортъ, безъ котораго онъ не юридическое лицо, а бродяга. Затѣмъ онъ подчиненъ непрерывному надзору своихъ сосѣдей, относительно котораго читатель можетъ найти, въ русскомъ изданіи путешествія Зибольда, слѣдующія строки: «Дома въ японскихъ городахъ раздѣлены по пяткамъ, и жители, состоящіе въ одномъ пяткѣ, отвѣчаютъ другъ за друга. Каждый обязанъ доводить до свѣдѣнія городского всякое преступленіе или необыкновенное событіе, случившееся у четырехъ его сосѣдей; городской передаетъ извѣстіе квартальному, а тотъ городовому совѣту; такъ что мало сказать, что одна половина націи наблюдаетъ за другою:—вся нація смотритъ за собою въ сотни тысячъ глазъ. Главы семействъ должны смотрѣть безпрестанно за тою частью улицы, которая прилегаетъ къ ихъ домамъ: малѣйшій случай, побой, ссора между посторонними приписываются ихъ нерадѣнію. Кто забудетъ сдѣлать самое незначительное донесеніе, того приговариваютъ къ штрафу, тѣлесному наказанію, тюрьмѣ или до-

машиному аресту. Это послѣднее наказаніе гораздо строже въ Японіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ: все семейство виновнаго лишается позволенія имѣть сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было, двери и окна запираются, чтобы предупредить бѣгство. Если виноватъ чиновникъ, то его отлучаютъ отъ должности и лишаютъ жалованья на все то время, пока онъ долженъ сидѣть подъ арестомъ; если кунецъ или ремесленникъ то дѣла, его приостанавливаются; притомъ же всѣмъ мушкетерамъ въ арестованномъ домѣ запрещается бриться, что столько же постыдно, сколько и неудобно. . . . При такой системѣ взаимнаго подсматриванья необходимо было дозволить выбраться сосѣдей. Поэтому никто не можетъ переѣхать на новое мѣсто, не получивъ отъ прежнихъ сосѣдей одобрительнаго свидѣтельства, а отъ новыхъ формальнаго согласія на принятіе его въ ту улицу, гдѣ онъ намѣренъ поселиться. Увѣряютъ, что преступникъ не можетъ найти убѣжища или пристанища въ цѣлой имперіи, и что во всемъ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ бы кражи случались такъ рѣдко. Но надобно признаться, что эта безопасность покупается слишкомъ дорогою цѣною.»

Можно прибавить, что она вовсе и не достигается. По крайней мѣрѣ въ Йокогамѣ, не смотря на многочисленность полиціи воровства столь же часты, какъ въ Москвѣ или Лондонѣ. На главной улицѣ столичнаго города Іеддо, среди бѣлаго дня, у меня, послѣдовательно въ одинъ день за другимъ, были украдены изъ кармана сначала porte-monnaie, а потомъ револьверъ. И ни одинъ изъ жителей сосѣднихъ домовъ не принялъ никакого участія, не смотря на то, что кражи были много замѣчаемы немедленно и объявляемы хозяевамъ лавокъ, около которыхъ случались.

Что касается до предупрежденія посредствомъ шпионства такъ называемыхъ политическихъ преступленій т. е. заговоровъ, политическихъ убійствъ, составленія тайныхъ обществъ и пр.; то само собою разумѣется, что къ прекращенію ихъ система шпионства отнюдь не служитъ. Даже, напротивъ, деморализируя націю, она только приготовляетъ всякаго рода заговорщиковъ, умѣющихъ ловко дѣйствовать изъ-за угла. Живое доказательство тому исторія Японіи за послѣдніе шестнадцать лѣтъ. Два сіюгуна, правитель имперіи, нѣсколько князей и множество иностранцевъ пали жертвою политическихъ заговоровъ, и шпионы всегда узнавали объ этомъ послѣ другихъ. Дворецъ самаго Микадо былъ сожженъ, и они не предугадывали этого. Мож-

но было ожидать, что со вступленіемъ въ управленіе странюю не тайкуна, а самого микадо, и притомъ микадо-реформатора, система шпіонства падеть, такъ-какъ божественная власть его никѣмъ не оспаривается, ни откуда не угрожается. Казалось при этомъ, что потомокъ богини солнца безъ труда пойметъ, насколько достойнѣ его величія опираться на народную любовь и на открыто-вѣрныхъ слугъ отечества, чѣмъ на подпольныхъ агентовъ, всегда склонныхъ къ измѣнѣ по самому ихъ нравственному характеру... Но это только казалось...

Системѣ шпіонства японское общество противопоставило съ своей стороны обычай сохраненія инкогнито и дѣйствій въ тихомолку, или такъ называемый *найбонъ*. Инкогнито всегда строго соблюдается у японцевъ, и никто не только изъ своихъ, но и изъ стороннихъ не нарушаетъ его. Отъ того всегда возможны свиданія лицъ, которымъ безъ того неудобно было бы встрѣтиться; отъ того съ успѣхомъ совершаются даже отдаленныя странствованія въ то время, какъ странствующее лицо предполагается у себя дома больнымъ или даже здоровымъ. Самый обыкновенный случай употребленія инкогнито—это при отдачѣ визитовъ лицамъ низшимъ по положенію въ обществѣ, напр., купцамъ со стороны членовъ аристократіи; затѣмъ слѣдуютъ посѣщенія лицъ скомпрометированныхъ, чайныхъ домовъ, храмовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не хотять дѣлать для нихъ пожертвованій и т. п. Политическія друзья, даже самыхъ высшихъ классовъ, также предпочитаютъ, по большей части, свиданья *найбонъ*, чтобы не возбуждать толковъ между своими противниками. Для князей, обязанныхъ во время публичныхъ выѣздовъ имѣть при себѣ многочисленную свиту, этотъ обычай двойнѣ выгоденъ: во первыхъ выѣздъ ихъ остается незамѣченнымъ тѣми, отъ кого желаютъ его скрыть; во вторыхъ сохраняются издержки путевого довольствія многочисленной свиты. Такъ какъ при переѣздахъ инкогнито путешествующее лицо бываетъ сопровождаемо лишь самыми близкими къ себѣ людьми, то примѣры раскрытія *найбона* весьма рѣдки, и тутъ самый писанный законъ, требующій такого неумолимаго присматриванія другъ за другомъ, съ цѣлью обо всемъ сообщать полицію, становится совершенно безсильнымъ передъ обычаемъ. Но *найбонъ* имѣетъ свою невыгуду: принимая на себя званіе простолюдина, князь или чиновникъ рискуетъ быть и третируемымъ какъ простолюдинъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма непріятно. Напримѣръ, нужно, проходя мимо карауловъ,

отдавать имъ честь поклономъ, и если это не будетъ соблюдено, то легко подвергнуться наказанію палками, какъ и было напр. въ февралѣ 1870 года съ нѣкоторыми офицерами князя Тозы въ Іеддо.

Сверхъ полиціи, тайной и явной, японское правительство для борьбы съ преступниками вооружено кровавыми уголовными законами, какъ бы въ доказательство того, что извѣстныя формы государственнаго строя не могутъ обходиться безъ эшафотовъ и палачей. Нигдѣ, конечно, кромѣ Китая, смертная казнь не употребляется такъ часто, какъ въ Японіи; въ придачу къ ней судъ можетъ употребить и пытку. Правительство, по словамъ Головина, уже въ началѣ нашего вѣка видѣло этотъ важный недостатокъ своихъ законовъ; но не смѣшило его отмѣнять, чтобы не привести древнихъ государственныхъ постановленій въ презрѣніе у народа (!). Для того же, чтобы народъ не страдалъ отъ излишней строгости законодательства судебная власть *de facto* смягчала казни и въ особенности старалась избѣгать пытки. Но, конечно, замѣчанія Головина въ этомъ случаѣ отзываются нѣкоторою сентиментальностью, излишнимъ увлеченіемъ въ пользу японцевъ. По крайней мѣрѣ, пытки и теперь въ ходу у японскихъ судей и слѣдователей, какъ о томъ не разъ уже было упоминаемо, и какъ то хорошо извѣстно живущимъ въ странѣ европейцамъ по бывшимъ на ихъ глазахъ уголовнымъ процессамъ. И точно также ставятъ подсудимыхъ на колѣни на тупую саблю, накладывая потомъ на ноги камни; точно также сажаютъ въ тюрьмы, гдѣ черезъ одно и то же отверстіе проходитъ воздухъ, подается скудная пища и выносятся нечистоты. Выставленіе головы казненнаго на шестѣ или подмосткахъ осталось по прежнему; даже казнъ сожиганіемъ заживо и расягнѣмъ на крестѣ практикуется. И если еще со временъ Іеяса отмѣнены рѣзаніе въ куски, по китайски, и вареніе въ горячей водѣ, то все-таки японское уголовное законодательство ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ европейскаго въ XVI и XVII вѣкѣхъ и прототипа его, римско-византійскаго права, по которому не только всякая вина виновата, но и заслуживаетъ кары, далеко превышающей мѣру самаго преступленія, чтобы наводить страхъ на прочихъ людей. Выводы современной статистики, доказывающей, что преступленіе, въ большей части случаевъ, готовится самимъ обществомъ, а преступникъ есть лишь полусознательное орудіе этой вѣишней необходимости, эти выводы, конечно, не проник-

ли еще въ Японію. И если японцы иногда, на упрекъ европейцевъ въ жестокости ихъ законовъ, отвѣчаютъ, что «мы не христіане, не имѣемъ ученія о будущей жизни, которое бы налагало на насъ обязанность не предупреждать небеснаго правосудія, единственно справедливаго»;—то по видимому это говорится больше шути, чѣмъ серьезно, только лишь для того, чтобы посмѣяться надъ непоследовательностью европейскихъ теорій, а не для того, чтобы логически оправдать собственную жестокость. Впрочемъ, нужно сказать, что дѣйствительно японскіе судьи уполномочены, въ видахъ гуманности, растягивать кровавый законъ по собственной волѣ. Онѣ даютъ напр. арестуемому преступнику возможность лишить себя жизни, не дожидаясь начала слѣдствія, или казнить его тайно, на первомъ допросѣ, и потомъ распускаютъ слухъ, что онъ умеръ отъ болѣзни, не будучи еще судимъ, что снимаетъ всякую отвѣтственность съ членовъ его семьи, и пр. Для сохраненія чести японцевъ высшихъ сословій, допускается наказаніе ихъ, за маловажныя вины, секретнымъ полицейскимъ судомъ. Судъ же уголовный есть гласный и не допускаетъ апелляціи, хотя не всегда ему принадлежитъ право назначать наказаніе. Ибо на примѣрѣ въ императорскихъ земляхъ смертная казнь назначается только по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ министерствѣ юстиціи и по приговору верховнаго совѣта имперіи, въ княжескихъ же—по приговору князей.

Любопытно, что по японскимъ законамъ уголовный искъ начинается только тогда, когда есть заявленіе истца или обиженнаго лица. Однѣ преступленія противу правительства преслѣдуются во имя закона. Въ гражданскихъ дѣлахъ, т. е. при тяжбахъ и спорахъ, японцы обыкновенно разбираются посредниками, или самими выбранными, или такъ называемыми *нануши*, т. е. уличными и сельскими старшинами. Только въ случаѣ неудачи такого третейскаго суда прибѣгаютъ къ правительственнымъ чиновникамъ, которые никогда не судятъ единолично.

Правосудіе въ Японіи продается ли за деньги? или же обшество, отнявъ у человѣка въ большинствѣ случаевъ право самозащиты, вознаграждаетъ его за это даровою юстиціею?—Ну, конечно, сильный и богатый имѣетъ здѣсь не менѣе преимуществъ, какъ въ государствахъ съ юстиніановскою юстиціею. Живой примѣръ — Айдзу, отдѣлавшійся только уменьшеніемъ доходовъ, и его якунины, лишенные дворянства и сосланные на Мацмай за законное послушаніе ему. Хотя же за входъ въ

святилище японской Оемиды не платится штемпельной пошлины, хотя здѣсь нѣтъ цѣха крючкотворцевъ-ходатаевъ, специально существующихъ для того, чтобы судьи имѣли болѣе отдыха при разбирательствѣ дѣлъ, чтобы посредствомъ изворотливой фразелогіи, за деньги, изъ чернаго дѣлать бѣлое, и главное, чтобы ни виноватый, ни правый не ушли отъ расходовъ; хотя неизвѣстно съ точностью, насколько выраженіе «юридически-справедливо» не значить «завѣдомо-ложно»; тѣмъ не менѣе процессы обременительны. Сколько нибудь дорожающій своимъ спокойствіемъ японецъ поэтому старается и не затѣвать ихъ, хотя бы чувствовалъ, что право его нарушено. Не имѣя утѣшенія, что противникъ его подлежитъ карѣ въ будущей жизни, онъ долженъ себя чувствовать при этомъ очень дурно настроеннымъ; но не это ли затаеніе въ себѣ оскорбленнаго голоса правды, столь быстро разлагающее человѣческій организмъ, и нужно для извѣстныхъ условій?

Токогама, іюль 1870.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Японское язычество и теорія праведной жизни.

«Свобода совѣсти, па сколько она не противорѣчитъ интересамъ свѣтскаго правительства и не возмущаетъ спокойствія государства, была всегда признаваема въ Японіи, какъ и въ большей части другихъ азіатскихъ странъ. Отъ того чужеземныя религіи легко вводились и утверждались тамъ, уменьшая число туземныхъ вѣроученій».

Такъ начинается третью книгу своей «Исторіи Японіи» Кемферъ, говоря истину, но въ то же время простодушно не замѣчая, что свобода совѣсти въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ интересами тайкуна или удѣльныхъ князей, есть оскорбленіе божества и только подобіе той свободы, которая по существу дѣла должна отличать отношенія человѣка къ всевѣдущему и нелицепріятному судѣ его дѣйствій и помысленій. Безусловная свобода убѣжденій, мы можемъ прибавить, также неизвѣстна въ Японіи, какъ въ Турціи, значительной части Европы и даже въ Соединенныхъ Штатахъ.

Однакоже, за исключеніемъ христіанства, которое формально запрещено японскимъ подданнымъ съ 1638 года, дѣйствительно ни одна вѣра никогда не была гонима въ Японіи, и даже именно та свѣтская власть, которая могла бы тяготѣть надъ нею, не разъ стояла на стражѣ свободы, когда фанатизмъ сектаторовъ покушался истребить вѣроученіе пмъ непріятное.

«Сколько у насъ въ Японіи сектъ»? говорилъ одинъ сіогунъ жрецамъ буддійскимъ и синтосскимъ, когда тѣ пришли его просить о принятіи мѣръ противъ распространенія христіанства въ XVI вѣкѣ, — Тридцать пять отвѣчали жрецы. — «Ну, такъ

небольшая бѣда, если прибудетъ тридцать шестая. Лишь бы христіане повиновались законамъ страны».

Этотъ политическій принципъ вѣротерпимости дѣлаетъ, конечно, величайшую честь здравому смыслу японской націи и гуманности ея правительства. За всѣмъ тѣмъ открыто признаются въ Японіи только три культа: камі или синсіу, буддизмъ и конфуціевскій рационализмъ, который, собственно, есть мораль безъ догматическихъ основаній. Христіанство же, со времени іезуитовъ, стѣснено и попиѣ, какъ то можно видѣть изъ фактовъ, приведенныхъ при обзорѣ политическаго состоянія страны.

Было бы не согласно съ цѣлю этого обозрѣнія вдаваться въ изложеніе догматическихъ и особенно мнѣологическихъ сторонъ японскихъ вѣроученій. Религія въ истинномъ смыслѣ этого слова, та, которой цѣли выше земныхъ интересовъ, которая научаегъ познавать сущность божества, пути провидѣнія и проч., совсѣмъ не входитъ въ нашу программу; а что до мнѣологии, то это эфемерное созданіе воображенія давно наскучило всѣмъ даже въ той изящной формѣ, какую представляютъ мѣны классической Греціи. Притомъ языческія преданія о происхожденіи и взаимномъ родствѣ боговъ возбуждаютъ улыбку даже у самыхъ японцевъ, сколько-нибудь образованныхъ, и если еще держатся въ народѣ, то главнымъ образомъ по его невѣжеству, неумышленному, либо коварно поддерживаемому жрецами. Съ нашей точки зрѣнія мы коснемся догматической части японскихъ религій лишь на столько, насколько она отражается на ежедневномъ бытѣ и на практической нравственности народа; мнѣологию же оставимъ въ сторонѣ, какъ вещь способную занимать только немногихъ специалистовъ, разрабатывающихъ исторію человѣческихъ заблужденій. Любопытнымъ можетъ рекомендовать сочиненія Кемфера, Клапрота и Зибольда.

Синсіу есть самое древнее изъ всѣхъ вѣроученій въ Японіи. Оно туземнаго происхожденія, и его верховные блюстители суть вмѣстѣ и верховные владыки страны. Основанное на мысли, что божество, создавшее японскую землю, оставило на ней прямое свое потомство въ лицѣ микадо, ученіе это представляетъ сходство съ одной стороны съ пещенувинымъ культомъ американскихъ инковъ, а съ другой, по множеству второстепенныхъ божествъ — *ками* — съ многими вѣроученіями юго-восточной и юго-западной Азіи, гдѣ безчисленные духи, вопло-

шающіеся (хубизганы) или искони безплотные, стоятъ посредниками между создателемъ и созданнымъ имъ твореніемъ. Затѣмъ практическая его сторона представляетъ столько любопытныхъ особенностей, что о ней стоитъ распространиться.

Главная цѣль послѣдователей синсѣи или ками-но-мици *) есть *счастье въ этомъ мірѣ*. Правда, они имѣютъ представленіе, хотя весьма темное и сбивчивое, о безсмертіи души и будущаго блаженствѣ или несчастіи; но не заботятся о томъ, что съ ними будетъ въ загробной жизни **). Они, стало быть, открыто и добросовѣстно признаютъ то, чему на практикѣ, по вопреки признаннымъ теоретическимъ началамъ, слѣдуютъ массы людей въ Азій, Африкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Они поклоняются богамъ, но лишь потому что боги управляютъ дѣлами этого міра, каждый по своей отрасли. И хотя ими признается бытіе одного верховнаго существа; но ему, также какъ и другимъ высшимъ духамъ, не посвящено ни одного праздника, ни одного храма; ибо эти боги, по мнѣнію синтосовъ, стоятъ слишкомъ высоко надъ нашей землей и *не входятъ въ ея интересы*. Самое большее, чѣмъ проявляетъ японецъ свое почтеніе къ такимъ обителямъ надзвѣднаго эфира, это упоминаніе ихъ именъ при клятвѣ. Нарушенія же поклоненія воздаются, главнымъ образомъ, тѣмъ существамъ, которыя предполагаются непосредственно промышляющими надъ благомъ Японіи, особенно богинѣ солнца *Тенъ-дзіо-даи-зинъ*, которая, по японской мифологіи, принадлежитъ къ божествамъ втораго разряда, къ тѣмъ, которыя не создали міръ, даже не устроили его, а только управляютъ въ видахъ поддержанія развѣ установленнаго порядка ***).

Блаженство здѣшней жизни, котораго просятъ японцы въ

*) Ками-но-мици въ переводѣ значить ученіе о пути къ ками или богамъ.

**) Почему — трудно сказать, вѣроятно по убѣжденію въ неизбежности судьбы каждаго, согласно предопредѣленію; а можетъ быть и просто по равнодушію.

***) По японской мифологіи верховное существо, Аме-но-м-наки-нузико-ками, ограничилось только созданіемъ себѣ трона превыше хаоса, изъ котораго *вышло*. Появившіяся затѣмъ новыя божества создали землю. Божество же Ицунэ-нагино сотверило нѣсколько милліоновъ второстепенныхъ духовъ и все разнообразіе вещей и ввѣрило управленіе ими Тенъ-дзіо-даи-зинъ, своей любимой дочери. Для любителей толкованія мифовъ можно замѣтить, что въ этомъ преданіи, по крайней мѣрѣ, столько же смысла,

своихъ молитвахъ, не состоитъ однако въ кратковременныхъ чувственныхъ удовольствіяхъ. Напротивъ, высшимъ и первымъ благомъ считается чистота души или сердца. Это же благо дается лишь тѣмъ, кто исполняетъ законы природы, разума и власти, кто имѣетъ безупречную совѣсть. Ученіе ками кромѣ того предписываетъ чистоту внѣшнюю, какъ условіе внутренней: это почти то же, что въ древнемъ мірѣ выражалось словами «mens sana in corpore sano». Но понятіе о внѣшней чистотѣ составлено нѣсколько сбивчиво, какъ бы подъ вліяніемъ постороннихъ ученій. Синтосы напр. не вѣрятъ въ переселеніе душъ; убіеніе животнаго, съ ихъ точки зрѣнія, слѣдовательно, не должно быть грѣхомъ. Тѣмъ не менѣе имъ запрещается проливать кровь и ѣсть мясо подлѣ предлога, что это дѣлаетъ человѣка нечистымъ. Тотъ, кто убилъ животное, особенно млекопитающее, нечистъ на нѣсколько времени — часовъ, дней, даже мѣсяцевъ. Пролитіе человѣческой крови есть сугубое несчастіе для японца: онъ становится нечистымъ самъ и дѣлаетъ нечистымъ то, на что кровь упала. Бывали случаи, что строившіяся зданія разрушались, если одинъ изъ рабочихъ ранилъ лишился родителей и посылъ трауръ, также нечистъ. Нечистому же запрещается посѣщать храмы, святые мѣста и даже молиться, т. е. бесѣдовать съ богами. Изувѣры боятся осквернить себя даже присутствіемъ человѣка нечистаго; они думаютъ, что оскверняютъ глаза, которые смотрятъ на нечистую вещь, ротъ, который о нихъ говоритъ, и уши, которыя слушаютъ. Состояніе нечистоты требуетъ очищенія, которое состоитъ въ омовеніи и въ молитвахъ. Очень мнительные люди простираютъ въ подобныхъ случаяхъ свое усердіе до того, что въ случаѣ посѣщенія ихъ дома нечистымъ человѣкомъ, окуриваютъ его и обмываютъ соленой водою.

Для достиженія чистоты душевной японцы признаютъ также необходимымъ вознесеніе молитвъ въ такъ называемыхъ святыхъ мѣстахъ, которыхъ въ странѣ довольно много. Главное подобное святилище, которое посѣтитъ хоть однажды въ жизни обязанъ каждый синтѣ, есть храмъ Тенъ-дзіо-даи-зинъ въ Исие, нѣчто въ родѣ японской каабы. Это есть небольшое зданіе,

сколько во многихъ прославленныхъ мѣстахъ западныхъ мифологій. Даже идея его ближе ихъ къ истинѣ, если вообще ложь можетъ приближаться къ послѣдней.

вѣтхое, но поддерживаемое съ величайшею тщательностью въ своемъ первобытномъ видѣ и окруженное второстепенными храмами и жилищами многочисленныхъ *ками-пузи*, т. е. храмослужителей. Собираясь посѣтить его, японецъ особенно заботится о чистотѣ, въ поясенномъ уже смыслѣ, и, даже, принимаетъ мѣры, чтобы въ отсутствіе его какъ-нибудь не осквернился его домъ. Онъ идетъ туда иѣшкомъ или ѣдетъ на лошади и, прибывъ, снова производитъ обрядъ омовенія, надѣваетъ праздничную одежду и слѣдуетъ на поклоненіе подъ руководствомъ одного изъ храмослужителей. Вознеся свои молитвы, которыхъ содержаніе совершенно произвольно и никакъ не формулируется, и при этомъ сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ въ землю, японецъ возвращается домой въ убѣжденіи, что исполнилъ долгъ жизни, съ которымъ связано его будущее и настоящее счастье. У себя въ городѣ или въ деревнѣ сниту также посѣщаетъ храмы, когда вздумается, особливо въ нерабочее время. Храмы синтосовъ, открытые всею и всегда, очень просты. Это обыкновенно небольшое деревянное зданіе, въ родѣ часовни или бесѣдки, выстроенное на помостѣ и имѣющее со всѣхъ четырехъ сторонъ навѣсъ, образуемый крышею. Пятидесятъ ступенекъ ведутъ подъ этотъ навѣсъ, изъ котораго черезъ окна и двери открывается внутренность храма. Она представляетъ не болѣе, какъ пустую комнату, на одной изъ стѣнъ которой повѣшано металлическое зеркало. Молящійся, сложивъ руки и поднеся ихъ къ лицу, смотритъ въ это зеркало, произноситъ про себя молитвы и, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, удаляется. Небольшая монета, брошенная въ кружку, есть его вещественный даръ божеству и, конечно, его служителямъ. Никакихъ другихъ религіозныхъ церемоній синтосы не знаютъ. У нихъ нѣтъ торжественныхъ богослуженій, массы плодовъ и прочаго, чѣмъ напр. буддійскіе жрецы вліяютъ на воображеніе массъ. Они не имѣютъ исповѣди, этого могущественнаго орудія въ рукахъ католическихъ изувѣровъ-ксендзовъ. Зеркало въ храмѣ—эмблема всевидѣнія боговъ и чистоты совѣсти,—напоминаетъ имъ, что ками также ясно видятъ помысленіе человѣка, какъ самъ онъ свои черты, и тѣмъ ограничивается все вліяніе вѣншей обстановки культа на внутреннюю сторону богочитанія. Если есть въ храмѣ изображеніе того божества, въ память котораго онъ основанъ, то это изображеніе хранится въ особомъ ящикѣ и показывается народу по праздникамъ; но оно не составляетъ необходимости и, по замѣчанію Зибольда, ста-

ло употребляться только со времени утвержденія въ Япониі буддизма, столь любящаго статуи и портреты своихъ святыхъ. Древняя же религія ками, подобно закону еврейскому, стояла на томъ, чтобы не творить себѣ кумировъ и всякого подобія божества. Въ 1870 году, какъ мы уже говорили, сдѣлать шагъ къ возстановленію этого правила.

Какими бы ни были вѣншія условія культа, японцы-простолюдины довольно религіозны. Они избѣгаютъ кощунства; они молятся со смиреніемъ и въ глубокомъ молчаніи. Нестѣсняемые никакими обрядами или часомъ и мѣстомъ молитвы, они посѣщаютъ храмы, особливо по праздникамъ, когда каждый почти побываетъ въ нѣсколькихъ. Сооруженіе этихъ зданій считается у нихъ долгомъ набожности, и потому онѣ столь многочисленны. По большей части эти храмы не блещутъ великолѣніемъ, не составляютъ украшенія улицъ и площадей; но они всегда представляютъ самыя счастливыя условія для спокойнаго созерцанія, для настроенія духа возможно мирнаго. Гдѣ нибудь за городомъ, на холмѣ, среди зелени виднѣтся крытое чертичное зданіе, предъ которымъ стелется превосходный ландшафтъ; почти навѣрное можно сказать: это синтоскій храмъ. Особая аллея, начинающаяся широкими воротами, ведетъ къ нему съ ближайшей большой дороги или изъ улицы сосѣдняго города: аллея эта насыпана пескомъ и содержится въ образцовой чистотѣ, равно какъ и зданіе, къ которому приводитъ она. Въ хорошую погоду, подъ тѣнью окружающихъ храмъ деревьевъ, играютъ дѣти или отдыхаютъ прохожіе парочкіе. Вблизи повѣшенъ чугунный или бронзовый колоколъ: сниту, помолвившись, ударяетъ въ него нѣсколько разъ прежде, чѣмъ отойти. Другіе молящики заступаютъ его мѣсто на помостѣ, въ молчаніи молятся и потомъ тѣмъ же порядкомъ отходятъ подъ тѣнь сосѣднихъ деревьевъ. Богатый и бѣдный, вельможа и его слуга, воинъ и ремесленникъ—тутъ всѣ равны. Только высшіе классы рѣдко посѣщаютъ храмы, а предпочитаютъ отправлять вмѣсто себя богомольцевъ изъ низъ, подчиненныхъ имъ. Такъ сіюгуны отправляли цѣлыя посольства въ храмъ Тень-дзіо-дан-зинъ въ Изіе, вмѣсто того, чтобы ѣздить туда самимъ. Высшіе классы притомъ всѣ почти слѣдуютъ конфуціеву ученію, и если они посѣщаютъ собственно японскіе храмы, то дѣлаютъ это изъ приличія, а не по убѣжденію.

Храмослужители или *ками-пузи* не составляютъ ни касты, ни правильно устроенной іерархіи. Это свѣтскіе люди, прина-

длежащіе къ числу благородныхъ сословій и поэтому носящіе даже сабуи. Они, конечно, держутся разъ полученныхъ ими мѣстъ при храмахъ, даже стараются передавать эти мѣста по наслѣдству; но собственно духовенства не образуютъ. Да имъ, какъ исполнителямъ обрядовъ, и дѣлать было бы нечего, ибо публичныхъ богослуженій почти нѣтъ. Проповѣдниками и офиціальными вѣроучителями они также не служатъ, такъ какъ проповѣди не въ обычаѣ, а съ содержаніемъ ученія дѣтей знакомятъ въ школахъ и дома особые учителя или родители. Впрочемъ нерѣдко храмослужитель въ тоже время и преподаватель въ мѣстной школѣ или даже самъ содержать ее. При свободѣ отъ всякой исключительности и предубѣжденій самихъ кампинузи, эти школы даютъ дѣтямъ именно то, что, по японскимъ понятіямъ, имъ нужно, т. е. умѣнье читать и писать и нѣкоторое знаніе отечественной исторіи. Общее число синтосскихъ храмовъ весьма велико. Во времена Кемфера ихъ считалось 27.700; съ тѣхъ поръ это число едва ли уменьшилось. Въ городахъ, въ деревняхъ и даже среди полей почти нѣтъ мѣста, откуда бы не было видно въ одно время нѣсколькихъ храмовъ или хотя часовенъ. Въ Кіото и Іеддо нѣкоторые изъ нихъ отличаются обширностью и великолѣпіемъ, особливо рѣзбою изъ дерева, которая украшаетъ карнизы, крыши, перилы и проч.

Обиліе святыхъ или ками, число которыхъ можетъ быть при томъ увеличиваемо микадо чрезъ канонизацію людей, прославившихся добродѣтельной жизнью, ведетъ за собой большое число праздниковъ, изъ которыхъ одни суть общіе для всей Японіи, другіе— мѣстные, храмовые. Издаваемые въ Кіото календари исправно показываютъ ихъ, также какъ наши святцы. Мы можемъ отличить изъ нихъ тѣ, которые пользуются наибольшимъ уваженіемъ въ народѣ. Это во-первыхъ праздникъ богини солнца, Тень-дзіо-даи-зинъ, которой главный храмъ въ Изіе, но въ честь которой находится и множество другихъ святилищъ по всѣмъ городамъ и селамъ имперіи. Этотъ праздникъ отправляется ежегодно въ 6-й день девятаго мѣсяца, т. е. въ концѣ осени, и сопровождается увеселеніями, состоящими въ уличныхъ процессіяхъ, музыкѣ, театральныхъ представленіяхъ, которыя нерѣдко даются въ присутствіи храмослужителей богини и даже изображеніи ея самой. Такъ какъ богиня Тен-дзіо-даи-зинъ очень популярна въ странѣ, то въ праздникъ ея участвуетъ почти все населеніе Японіи, безъ различія сектъ. За тѣмъ можно назвать большими праздниками: день Сувы (9-й день VI мѣ-

сяца), день Тепзина (25, VII) день Хацимана (25, VIII) и др., все сопровождаемые большими веселостями или такъ называемыми мацури. «Voilà des dieux de bonne compagnie et d'un caractère plus aimable que les autres, qui recommandent des privations de toute espèce», замѣчаетъ по этому поводу Тунбергъ *).

Кромѣ этихъ праздниковъ, учрежденныхъ въ память разныхъ камп, японцы имѣютъ еще ежемѣсячные, служащіе для отдохновенія отъ трудовъ и соотвѣтствующіе еврейскимъ субботамъ или нашимъ воскреснымъ днямъ. Это именно 1 и 15 число каждаго мѣсяца и канунъ перваго, т. е. послѣдній день предыдущаго мѣсяца. Дни эти назначены для увеселенія и взаимныхъ визитовъ; но обыкновенно начинаются постѣніемъ храмовъ.

Не смотря на отсутствіе духовенства, въ томъ смыслѣ какъ напр. у католиковъ и буддистовъ, синтосы имѣютъ монаховъ, составляющихъ цѣлые ордена. Наболѣе знаменитые изъ нихъ суть ордена *слѣныхъ*, разсѣянные по всей странѣ и состоящіе изъ людей, которые дѣйствительно лишены зрѣнія. Собственно слѣные не образуютъ религіозныхъ учрежденій, назначенныхъ вліять на массы людей; но они имѣютъ свои правила поведенія и составляютъ общины, главы которыхъ живутъ въ Кіото, т. е. при дворѣ микадо. Ни одинъ слѣной не можетъ быть подвергнутъ казни свѣтскою властью безъ согласія своего главы. Слѣные раздѣляются на два ордена, отличающіеся происхожденіемъ и уставами: одинъ, *фэки*, есть совершенно свѣтскій, другой, *бусацъ*, состоитъ изъ служителей храмовъ. Въ обоихъ, кромѣ главныхъ начальниковъ, есть цѣлая іерархія властей провинціальныхъ. Всѣ эти отшельники брѣютъ головы сплошь и имѣютъ свои особые костюмы, довольно сходные съ кармелитскими и калуцьевскими. Другой разрядъ пустынниковъ составляютъ *ямабосы* или странствующие по горамъ пилитримы, также имѣющіе свою іерархію. Преслѣдуемая ими цѣль—вышняя чистота жизни и поклоненіе

*) Знаменитый путешественникъ могъ бы прибавить еще, что мацури не составляютъ *уступки* со стороны вѣроученія синтосовъ слабостямъ человѣческой плоти, а напротивъ, подобно постамамъ у англичанъ, *предписываются* иногда микадо какъ средство возвратить потерянное расположеніе боговъ во время народныхъ бѣдствій. Такъ напр. въ 771 году по Р. Х., по случаю паденія звѣздъ, частыхъ грозъ и землетрясеній, были предписаны мацури микадо Кеопинномъ.

богамъ на горахъ. Они часто моются холодной водой и обязаны ежегодно восходить на какую-нибудь высокую гору: Фудзи, Фикофанъ и пр. Совершивъ такое путешествіе и набравъ по дорогѣ, въ видѣ милостыни, нѣсколько денегъ, они отправляются въ Кіото, къ главному ихъ начальнику, отдать отчетъ въ своихъ странствованіяхъ и принести поспѣвшую жертву, при чемъ и получаютъ разныя отличія—жезлы, поясы, шнурки, шапки, возвышающія ихъ на іерархической лѣстницѣ въ орденѣ. Въ народѣ они стараются поселить суевѣрное къ себѣ уваженіе, объявляя, что имѣютъ власть вызывать духовъ, совершать разныя сверхъестественныя вещи, открывать тайны, отыскивать воровъ и украденные предметы, объяснять сны, изцѣлять неизлѣчимыя болѣзни и проч. Это, однимъ словомъ, шарлатаны, окружающіе себя религіознымъ инбомъ, нѣчто въ родѣ магометанскихъ дервишей.

Изложивъ эти вышнія подробности о культѣ синсіу и о его послѣдователяхъ, мы должны бы распространиться теперь о другихъ правилахъ, которыя предписываетъ онъ желающимъ вести себя нравственно. Но это было бы напрасно, потому что собственно мораль во всѣхъ извѣстныхъ этическихъ системахъ одна и сводится къ формулѣ: не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь. Затѣмъ мы видимъ, что синтосы внутреннее совершенствованіе человѣка предоставляютъ безмолвнымъ бесѣдамъ съ богами и собственной его совѣсти, не стѣсняя послѣднюю какими-нибудь официальными рамками. У нихъ нѣтъ теоріи самоуничиженія; они не заставляютъ человѣка, потерпѣвшаго обиду, вопреки внутреннему голосу, отказываться отъ мести. Прощеніе, забвеніе у нихъ является не долгомъ, а дѣломъ личнаго великодушія. Созерцательное безмолвіе и бездѣйствіе не вмѣняется имъ въ добродѣтель, какъ браминамъ, такъ какъ и удаленіе отъ искушеній плотскихъ. Напротивъ, японецъ свободно можетъ отдаваться своимъ увлеченіямъ, доколѣ онъ не задѣваютъ чьихъ нибудь интересовъ. Отъ того такъ широко развились публичныя отношенія однихъ половъ, преслѣдуемая христіанствомъ, юдаизмомъ и исламомъ. Синту не призываетъ благословеній храмослужителей на свое рожденіе, на свой бракъ, потому что никто ему не предписываетъ видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ что либо иное, кромѣ явленій фізіологическихъ и соціальныхъ. Отъ того браки заключаются и расторгаются свободно, по силѣ искренней привязанности, и бываютъ обыкновенно весьма прочны и счастливы, такъ что разводъ съ

законной женой есть дѣло въ высшей степени рѣдкое. Синту не прибѣгаетъ къ жрецамъ, какъ къ официальнымъ утѣшителямъ въ трудныхъ случаяхъ жизни. Онъ предпочитаетъ тогда испытанныхъ друзей, ихъ совѣты и помощь. А въ случаѣ нужды торжественно лишаетъ себя жизни, признавая тѣмъ самымъ голосъ чести и совѣсти высшимъ судьей надъ человѣческими дѣяніями *). Синту не приноситъ присяги; но впрочемъ, по принятому обыкновенію, въ извѣстныхъ случаяхъ клянется богами. Только повидимому эта клятва больше есть дѣло чести, чѣмъ набожности, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не имѣя развитаго ученія о раѣ и адѣ, синту не можетъ соединять съ своею клятвою никакого страха предъ загробною жизнью. Это однако, замѣтимъ, не мѣшаетъ клятвѣ, даже слову его, быть вѣрнымъ; ибо впервыхъ японецъ съ юности приученъ произносить имена боговъ съ большимъ почтеніемъ, а во вторыхъ ему привита высокая идея о чести. Это не то, что китаецъ, грекъ или жидъ, которому солгать, обмануть ничего не стоитъ. Въ правдивости японцы, можетъ быть, превосходятъ и европейскія націи.

Остановившись такъ долго надъ ученіемъ синтосовъ, мы бросимъ теперь самый короткій взглядъ на другія подобныя системы въ Японіи. Впечатлительность, чувствительное сердце японцевъ извѣстны издавна. Католическіе миссіонеры не разъ видали ихъ плачущими навзрыдь, когда въ проповѣди говорилось о мученіяхъ ада, о гибели душъ, не принадлежащихъ къ стаду христову и проч. Ничего поэтому нѣтъ мудренаго, что буддизмъ, съ его теоріями переселенія душъ и загробной жизни въ раю или аду, нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ Японіи. Онъ завезенъ былъ на Японскій архипелагъ изъ Кореи, первоначально въ 63 году по Р. Х., и окончательно въ 579 году, когда одному изъ буддійскихъ жрецовъ поручено было даже воспитаніе дѣтей микадо. Но буддизмъ на японской почвѣ нѣсколько переродился и имѣетъ замѣтныя отличія отъ вѣроученія ламъ и китайскихъ бонзъ. Туманная теорія устройства небесъ вовсе не преподается японцамъ; жрецы будды по большей части здѣсь женятся, нѣкоторые даже ѣдятъ мясную пищу. Благодаря долговременной замкнутости Японіи и гео-

*) Эта послѣдняя часть ученія синсіу есть результатъ вліянія конфуціевскаго раціонализма или, по крайней мѣрѣ, похожа на его максимы.

графическому ея отдаленію отъ Тибета и Индіи, связь японскихъ буддистовъ съ Хласою и другими средоточіями буддійской ортодоксальности была всегда очень слаба; въ самой Японіи у нихъ не было признаннаго главы вѣроученія и, напротивъ, покровителемъ являлся микадо — иновѣрецъ. Все это повело къ тому, что на японской почвѣ буддисты раздѣлились на множество сектъ, которыя впрочемъ и по вѣротерпимости народа, и по системѣ внутренней политики правительства, продолжали жить мирно другъ съ другомъ, какъ вѣтви одного дерева. Теперь число буддійскихъ сектъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ, и ученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ столь тѣсно примыкаетъ къ народной религіи kami, что безъ внимательнаго изученія трудно ихъ различить. Главное внѣшнее отличіе большинства сектъ состоитъ во внѣшней обрядности, ибо жрецы буддійскіе большіе охотники украшать свои храмы статуями и картинами, воздвигать алтари, совершать торжественныя богослуженія съ пѣснями и даже съ музыкою, ходить въ процессіяхъ и т. п. Капища ихъ и монастыри очень многочисленны и лишены той истинно-религіозной простоты, которою отличаются храмы религіи kami. Число ихъ во времена Кемфера было 22.500; теперь съ часовнями болѣе 120.000, ибо буддизмъ склоненъ къ пропагандѣ, которая была облегчена вѣротерпимостью правительства и народа. Наружныя проявленія буддійской набожности вообще тѣ же, что въ другихъ частяхъ Азіи; между прочимъ существуетъ и знаменитый обычай вертѣть колесо, на которомъ написана молитва, чтобы до божества доходило столько этихъ молитвъ, сколько разъ колесо повернется.

Нравственная сторона вѣроученія буддистовъ извѣстна. Она состоитъ въ нѣсколькихъ заповѣдяхъ ихъ учителя Готамы, неформулированныхъ имъ лично въ какой-нибудь книгѣ, подобной Корану, но распространенныхъ по всей юговосточной Азіи учениками и послѣдователями его, подобно Евангелію. Эти заповѣди по большей части имѣютъ отрицательный характеръ; напр., не убивай живыхъ существъ, не лги, не пей крѣпкихъ напитковъ и т. п. Цѣль такого воздержанія, предписываемаго законами будды, указывается *не въ здѣшней жизни, а въ будущей*, и въ этомъ главное философское отличіе буддизма отъ kami-по-мици. Но создавая рай для блаженныхъ и адъ для грѣшниковъ, буддизмъ не сошелся въ принципахъ съ другими азіатскими теоріями, признающими тѣ же методы затробнаго вознагражденія по заслугамъ, напр. съ неламизмомъ. Его адъ за грѣховное по-

веденіе въ *конечной* земной жизни казнитъ *конечными* же мученіями, послѣ которыхъ душа можетъ начать новую жизнь и достигнуть блаженства. Разумѣется, такая практическая уловка сильно содѣйствовала распространенію буддизма, котораго наружныя требованія притомъ столь согласны съ обыкновенными правилами жизни воздержной и честной.

Объ ударѣ, нанесенномъ буддизму, или собственно его обрядной части, т. е. идолопоклонству, въ 1870 году, было уже упомянуто въ главѣ о государственномъ устройствѣ Японіи. Здѣсь можно прибавить, что ударъ этотъ, не смотря на категоричность указа микадо, оказался на дѣлѣ не очень сильнымъ и не произвелъ волненій въ народѣ. Но буддійскіе жрецы почувствовали, что, уничтожая нынѣшнюю обстановку нѣкоторыхъ капищъ, правительство лишаетъ ихъ доходовъ отъ богомольцевъ; поэтому они предложили микадо 8 милліоновъ рю (20 милл. руб. сер.), чтобы ихъ оставить въ покоѣ. Что послѣдовало за тѣмъ, я не знаю; но говорили, что правительство не прочь отъ сдѣлки, такъ какъ очень нуждается въ деньгахъ.

Вышніе классы японскаго общества вмѣстѣ съ китайскою образованностью приняли и китайскій рационализмъ, основателемъ котораго признается Конфуцій. *Сіуто*, или ученіе этого философа, не есть собственно религія, ибо не требуетъ поклоненія богамъ; но оно представляетъ строгую систему морали. Послѣдователи его признаютъ, что высшее благо для человека состоитъ *въ удовольствіи отъ сознанія, что онъ ведетъ жизнь добродѣтельную и мудрую*. Никакого внѣшняго вознагражденія они при этомъ не признаютъ. По ученію ихъ, мы должны быть добродѣтельны потому, что если природа дала намъ разумъ, то, конечно, для того, чтобы мы жили по законамъ его. Отступая отъ разума, мы перестаемъ отличаться отъ тварей безмысленныхъ. Практическія правила жизни разумной и добродѣтельной указаны въ пяти заповѣдяхъ, или максимахъ: цинъ, жи, ре, ци и синъ. Цинъ научаетъ жить добродѣтельно вообще; жи — отдавать справедливость всѣмъ и всему на свѣтѣ; ре — быть со всѣми учтивымъ; ци — умѣть мудро управлять другими, и синъ — хранить чистоту совѣсти и прямогу сердца. Рационализмъ не знаетъ переселенія душъ, но онъ признаетъ одну общую душу міра, одинъ всеобщій духъ, одну силу, распространенную въ природѣ, которая все оживляетъ. Вмѣсто понятія Бога, онъ ставитъ понятіе неба, природа. Это, однимъ словомъ, своего рода пантеизмъ, но только безстрастный, скептическій

Въ немъ есть нѣчто родственное съ ученіемъ Сиппозы. Сіуто, не вѣря въ боговъ, не имѣютъ и храмовъ. Они, согласно обычаямъ страны, справляютъ торжественные поминки по умершимъ предкамъ, но не имѣютъ ни какихъ праздниковъ; они заходятъ въ храмы другихъ религій, но только изъ приличія. Признавая, что верховный судья надъ человѣкомъ — его совѣсть, они допускаютъ самоубійство и даже научаютъ видѣть въ немъ нѣчто героическое. Ихъ то теоріи высшіе классы Японіи обязаны такимъ множествомъ распорываемыхъ животовъ; ибо, по мнѣнію сіуто, лучше умереть честною смертью, чѣмъ позорною, и лучше сойти въ могилу добровольно, чѣмъ попасть въ руки побѣдоноснаго непріятеля. Очевидно, что ученіе сіуто доступно только людямъ развитымъ и воспитаннымъ въ правилахъ рыцарства, т. е. избранному меньшинству націи: такъ это и есть на самомъ дѣлѣ въ Японіи.

На сѣверѣ Японскаго архипелага сохранилось еще шаманство; но послѣдователи его немногочисленны и состоятъ исключительно изъ анновъ, населяющихъ Мацмай и сосѣдніе острова. Жители Ликейскаго архипелага — буддисты.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Письменность и научныя свѣдѣнія.

Японія свои наукообразныя свѣдѣнія первоначально получила изъ Китая; даже азбука и письмена заимствованы отъ китайцевъ. Именно, въ III вѣкѣ по Р. Х.; императоръ Возинъ пригласилъ китайскаго мудреца Ванъ-Жанъ научить японцевъ письму. Ванъ-Жанъ исполнилъ порученіе микадо, и съ того времени китайскіе письменные знаки проникли въ Японію. Но какъ они, по духу китайской письменности, вовсе не соответствовали строенію японскаго языка, то въ VIII столѣтіи нашей эры была изобрѣтена, нѣкимъ Каби, новая азбука, называемая *ката-кана*, т. е. часть буквъ, потому что она состоитъ изъ частей китайскихъ іероглифовъ, а вскорѣ за тѣмъ вошелъ въ употребленіе и еще одинъ алфавитъ, *хира-кана*, т. е. ровное письмо, которое и сдѣлалось принадлежностью женщинъ, тогда какъ ката-кана получила особенную гражданственность между мужчинами. Собственно китайское письмо осталось съ того времени только въ ученыхъ книгахъ и вообще въ тѣхъ литературныхъ и дѣловыхъ сочиненіяхъ, которымъ хотятъ придать важность, совершенно такъ, какъ въ Европѣ до XVIII столѣтія было съ латинью. За тѣмъ въ XI столѣтіи и позднѣе были еще изобрѣтены двѣ азбуки, все же изъ обрѣзковъ китайскихъ буквъ и собственно японскаго письма, такъ что теперь японцы имѣютъ для изученія почти триста литеръ, не считая еще трехъ-четырехъ тысячъ китайскихъ знаковъ, которые образованный человѣкъ въ Японіи долженъ знать, чтобы понимать и употреблять въ дѣло китайскій языкъ — эту латынь Востока.

Само собою разумеется, что такое множество азбучных топостей удастся узнать только не многим японцам, которые за то и платят лучшими годами отрочества и детства; масса же японского народа учить одну ката-кану, которая состоит из 48 букв, или, точнее, *слогов* *), и преподается в школах по способу, о котором уже было упомянуто нами. Японцы пишут вертикальными строками, из которых первая помещается всегда на правой стороне листа; затѣмъ вторая будетъ лѣвѣе, третья еще лѣвѣе, и т. д. Употребленіе же той или другой азбуки (шрифта) для письма зависитъ отъ характера самаго сочиненія. Если, напр., бумага назначена ко двору микадо, то ее пишутъ литерами *ямато-каны*, имѣющей то же значеніе какъ у насъ славянскій шрифтъ; если сочиненіе есть дружеская записка, то довольствуются ката-каной, вставляя иногда, для тона, чисто китайское слово или какую-нибудь риторическую фигуру, получившую гражданство на одномъ изъ четырехъ алфавитовъ, кромѣ ката-каны. Для иностранца этотъ способъ письменности чрезвычайно затрудняетъ изученіе языка, и потому нужно бываетъ сначала хорошо выучиться говорить, записывая слова (по возможности) по правиламъ грамматики европейскими буквами, а потомъ уже учиться читать. Между самими туземцами, даже весьма образованными, напр. знавшими англійскій и французскій языки, я встрѣчалъ такихъ, которые не въ состояніи были прочесть сполна книгу на отечественномъ языкѣ, точно также, какъ то бываетъ въ Китаѣ.

Японцы, не смотря на неудачную форму письма и на отчужденіе ихъ почти во все продолженіе исторической жизни отъ всѣхъ образованныхъ народовъ, кромѣ китайцевъ, имѣютъ обширную литературу по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и во всѣхъ родахъ поэзіи. Научныя творенія ихъ, впрочемъ, по большей части заимствованы съ китайскаго, а въ наше время

*) Вотъ (приблизительно, для европейскаго уха) звуки изображаемые ката-каной: *на, не, ни, но, ну; ра, ре, ри, ро, ру; да* (или *та*), *дзи, до, дзу* (тсу); *ва, во, ву; са, се, си, со, су; іа, іе, ии, іо, іу; ка, ке, ки, ко, ку; ма, ме, ми, мо, му; фа* (или *ха, һа*), *фе, фи, фо, фу; а, е, і, о, у*. Гласные звуки *э, и, ю* не существуютъ, такъ же какъ и многіе согласные. То что написано выше чрезъ *р*, звучитъ почти какъ *л*, и т. п. Въ азбукѣ хиро-кана есть еще слогъ *де*, и все начертаніе ея немного сложнѣе ката-каны. Въ японской грамматикѣ Росни произношеніе буквъ показано несомнѣнно точно.

и съ европейскихъ языковъ и состоятъ частію просто изъ переводовъ, частію изъ передѣлокъ и извлеченій. За то собственноручныя произведенія имѣютъ вполне оригинальный характеръ и носятъ на себѣ отпечатокъ чистою народнаго духа. Къ сожалѣнію, нужно признаться, что европейцы до сихъ поръ мало ознакомились съ этою литературой. Сэръ Рут. Олькотъ чуть ли не первый принялъ на себя трудъ перевести нѣсколько *цѣльныхъ* произведеній японской поэзіи; за нимъ послѣдовалъ Эмс-Гюмбертъ. Произведенія эти суть легенды, болшею частію развивающія идеи нравственной философіи, и часто въ весьма излишней формѣ, какъ можно, напр. видѣть изъ слѣдующей сказки.

Каменотесь.

«Жилъ когда-то на Ниппонѣ бѣдный каменотесь, который работалъ въ каменоломняхъ. Трудное было дѣло; работалъ онъ много, а зарабатывать мало и потому ворчалъ на судьбу. «О, если бы мнѣ когда-нибудь разбогатѣть на столько, чтобы я могъ отдыхать на толстыхъ, упругихъ циновкахъ, покрытый мягкими шелковыми одеждами!» восклицалъ онъ, обращаясь къ небу. Молитва его была услышана; духъ сказалъ ему: «пусть будетъ по твоему.»

«И вотъ нашъ рабочій разбогатѣлъ, сталъ лежать на толстыхъ циновкахъ и носить шелковыя одежды. Вдругъ однажды проходитъ мимо его императоръ. Впереди шли скороходы, за ними слѣдовала блестящая свита; надъ головою императора развѣвался широкій зонтикъ, вышитый золотомъ.» Что мнѣ за польза отъ моего богатства, проворчалъ каменотесь, когда я не могу ходить со свитою и подъ зонтикомъ, вышитымъ золотомъ? Отъ чего я не императоръ? — Твое желаніе будетъ исполнено, сказалъ духъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ императоромъ; его окружала блестящая свита, и надъ головою его колыхался сверкающій золотомъ зонтикъ.»

«Между тѣмъ, солнце озарило своими жгучими лучами поля и свѣтъ, отразившійся отъ пыльной дороги, сталъ невыносимъ для глазъ. «Не велико счастье быть императоромъ!» воскликнулъ каменотесь, когда зной васъ расслабляетъ и когда солнце не теряетъ надъ вами силы своей. Славно быть солнцемъ.» — Будешь доволенъ ли ты теперь? спросилъ его духъ.»

«Бывшій каменотесь сталъ солнцемъ. Онъ бросалъ свои лучи вверхъ, внизъ, вправо, лѣво и кругомъ себя; онъ сталъ жечь траву и землю, и лица земныхъ владыкъ. Вдругъ между нимъ

и землею стало облако, которое не пропускало лучей его на землю. «Как! вскричало тогда солнце: какое-нибудь облако может противиться моему могуществу? въ такомъ случаѣ я желалъ бы быть облакомъ.» Пусть будетъ такъ, сказалъ на то духъ. Превращеніе совершилось, и новое облако гордо стало между землею и солнцемъ, съ удовольствіемъ отбрасывая лучи послѣдняго, такъ что земля скоро позеленѣла подъ тѣнью. Потомъ оно начало пускать на поля крупныя дождевыя капли, перешедшія мало по малу въ сильный дождь, а затѣмъ въ ливень, отъ котораго всѣ рѣки и ручьи вышли изъ своихъ береговъ и затопили окрестности».

«Одинъ утесъ стоялъ неподвижно и не обращая ни малѣйшаго вниманія на наводненіе. Напрасно волны съ яростію ударялись объ него,—скала не трогалась, и онѣ, пѣнясь, замирали у ея подножія. «И такъ, какал-нибудь скала сильнѣе меня сказала облако. О, какъ бы мнѣ хотѣлось быть на мѣстѣ ея!»— Пусть будетъ по твоему, сказалъ духъ. И вотъ нашъ герой превратился въ голую скалу, непоколебимую, безчувственную къ жгучимъ лучамъ солнца, къ проливному дождю и къ ударамъ шумящихъ волнъ. Вдругъ онъ замѣчаетъ у своего подножія какого то полуодѣтаго бѣдняка съ ломомъ и молотомъ въ рукахъ, при помощи которыхъ онъ отбиваетъ отъ утеса цѣлыя глыбы камня, которые потомъ обтесываетъ въ правильныя плиты. «Что я вижу? закричалъ утесъ. Человѣкъ можетъ отрывать отъ меня цѣлыя кучи камня. Неужели онъ сильнѣе меня? Въ такомъ случаѣ я хочу быть человѣкомъ.» Твоя воля будетъ исполнена, сказалъ духъ.—И онъ снова сдѣлался бѣднымъ рабочимъ въ каменоломняхъ. Занятіе его было трудное, работалъ онъ много, зарабатывалъ мало, но . . . но былъ доволенъ своею судьбою!»

Глубокая художественная прелесть этого разсказа не нуждается въ поясненіяхъ; но любопытно, что выражаемая имъ мысль о необходимости довольства судьбою на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы составляла какъ бы національную философію японцевъ до послѣдняго времени. Только теперь начинаютъ раздаваться, впрочемъ рѣдкіе, голоса въ пользу болѣе равномернаго распредѣленія благъ, а съ ними и счастья. Они конечно, будутъ заглушены громомъ оружія и залиты потоками крови, какъ только изъ слова стануть переходить въ дѣло; но идеалистамъ нѣтъ основаній предполагать, что крови будетъ

пролита больше, чѣмъ напр. было въ Римѣ, въ Германіи, Франціи, Ирландіи и т. п.

Романы и повѣсти также популярны въ Японіи, и женщины, особенно высшихъ сословій, обыкновенно проводятъ свободное время за чтеніемъ ихъ. То же можно сказать и про служилое сословіе, про якуинповъ, даже простыхъ солдатъ. По незнанію японскаго языка и словесности я не могу ничего сказать отъ себя о содержаніи японскихъ романовъ; слышалъ только, что многіе изъ нихъ очень длинны и что эротическіе сюжеты очень обыкновенны. Г. Бартошевскій, который, по видимому, знакомъ съ японской письменностью, приводитъ одну-кожъ примѣръ повѣсти и не длинной, и не эротической. «Содержаніе ея очень просто и у насъ мало бы выдѣлялось, но въ Японіи замѣчательно именно потому, что авторъ рѣзко измѣняетъ литературной рутинѣ. Геронья романа, воспитанница чайнаго дома, существо идеальное, рѣзко выдѣляется своими мыслями изъ ряда своихъ подругъ. Но жизнь, при первомъ же шагѣ, встрѣчаетъ ее непріязненно, напоминая ей, что она вещь, созданная не для себя самой, а для наслажденія другихъ. По окончаніи воспитанія своего она должна поступить въ наложницы къ богатому чиновнику; она его ненавидитъ, но не можетъ избавиться отъ него, потому что онъ уже два года какъ приобрѣлъ ее въ собственность отъ хозяйки дома и только ждалъ наступленія ея четырнадцатилѣтнаго возраста, чтобы вступить въ полное обладаніе ею; купля совершенна; она должна, не смотря на свое отвращеніе, покориться своей участи; но на счастье хозяйки, заключившая это условіе, умираетъ, а новая требуетъ вторичной уплаты, такъ какъ прежде сдѣланная уплата ей неизвѣстна. Трудно описать радость дѣвушки: она поетъ, танцуетъ, играетъ, однимъ словомъ блаженствуетъ. Но чиновникъ рѣшается лучше заплатить снова требуемую сумму, чѣмъ отказаться отъ обладанія ею: переходъ дѣвушки отъ радостной надежды, которую она только-что ощущала и которой дѣтски предавалась, къ ужасной дѣйствительности, выраженъ поэтично. Ужаснувшись ожидающей ее участи, она бѣжитъ въ домъ своихъ родителей и рассказываетъ свое горе, умоляя ихъ выкупить ее. Но несчастная и не знала, что тѣ совершенно естественныя чувства, которыя заставляютъ ее съ ужасомъ смотрѣть на свое положеніе, уже совершенно подавлены въ ея родителяхъ пуждой и безобразными понятіями, которыя еще не успѣли испортить ее. Чувства дочери ихъ имъ

непонятны; имъ стало чуждо то отвращеніе отъ рабства, которое испытываетъ всякое животное. Чиновникъ, да еще богатый,—это въ ихъ глазахъ такой кладъ, за который стоитъ пожертвовать собой; безумно противиться такому счастью. Съ грустью возвращаясь назадъ, послѣ столь мало удачной попытки, дѣвушка встрѣчаетъ своего знакомаго лодочника, друга ея дѣтства, влюбленнаго въ нее и любимаго взаимно, рассказываетъ ему свое горе, и онъ рѣшается жениться на ней, внося слѣдующія хозяйскія деньги.—Вотъ и вся канва этого разсказа, который выставляетъ передъ нами много любопытныхъ сторонъ японской жизни, но который по замѣчанію г. Бартошевскаго, идетъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣятельности японскихъ писателей, вообще склонныхъ болѣе къ изображенію чувственной стороны любви, чѣмъ къ ея идеализаціи и платонизму.

Форма многихъ японскихъ поэтическихъ произведеній есть стихотворная, но безъ рифмъ. Размѣръ трудно уловимъ для европейскаго уха, но онъ существуетъ; и задача поэта особенно въ томъ и состоитъ, чтобы для своего произведенія, по характеру его, приискать наиболѣе подходящій стиль и размѣръ. Японскіе стихотворцы также тщательно держатся правила, высказаннаго Горациемъ: почаще верти стиль, т. е. стирай написанное, какъ и ихъ западные собратья. Даже одинъ изъ любимыхъ въ Японіи авторовъ, женщина-поэтъ, Ононо-Комацу, изображается обыкновенно на козлыныхъ передъ умывальникомъ, гдѣ она смываетъ написанное, желая достигнуть высшаго совершенства въ стилѣ.

Японская народная словесность весьма богата драматическими произведеніями, подобно китайской. Но въ то время, какъ значительное число китайскихъ драмъ и комедій давно намъ извѣстно въ переводахъ Девиса, Жюльена, Баззена, и пр., объ японскихъ мы еще не имѣемъ никакого правильнаго понятія, за исключеніемъ впрочемъ того, что онѣ построены по правиламъ китайской реторики. Театръ, какъ уже было замѣчено, есть одно изъ любимыхъ развлеченій японцевъ; но какъ онъ дорогъ, то для простолюдиновъ остаются уличныя представленія бродячихъ актеровъ. Мнѣ случалось видать эти представленія въ Іокогамѣ, во время мадурі, и лица, знающія японскій языкъ, передавали мнѣ, что содержаніе ихъ болѣею частью весьма нескромно, не смотря на то, что актерами были либо дѣти, либо жрецы. Гром-

кій смѣхъ зрителей піесы доказывалъ, что содержаніе ея близко къ ихъ сердцу; что же касается до формы уличной драмы, то очевидно въ большей части случаевъ она была стихотворною и напоминала собою наши простонародныя прибаутки и при сказки.—Раисодін, распѣваемые японскими бродячими поэтами, или сказки, рассказываемыя публично одинокими же балагурами, также очень многочисленны въ японской литературѣ.

Между учеными сочиненіями на японскомъ языкѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ такъ называемыя энциклопедіи, собранія рисунковъ съ пояснительнымъ текстомъ къ нимъ. Онѣ распространяются въ народѣ, самымъ общедоступнымъ образомъ, главнѣйшія знанія изъ астрономіи, географіи, исторіи, теоріи словесности и т. д. Съ одною изъ такихъ энциклопедій уже давно познакомилъ Европу знаменитый ориенталистъ Абель-Ремюза. Но впрочемъ японская литература представляетъ и множество специальныхъ трактатовъ по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, которые были доступны японцамъ. Вотъ напримѣръ названія нѣкоторыхъ изъ книгъ, бывшихъ извѣстными еще въ XVII вѣкѣ;

Ниппоно-дан-ки — лѣтописи Японіи отъ временъ перваго императора Синъ-му.

Дан-фее-ки — исторія войны домовъ Фекки и Гендзи, которая длилась 40 лѣтъ и кончилась паденіемъ Фекки. Сорокъ томовъ.

Синъ-дан-ки — исторія древнихъ японскихъ божествъ.

Дан-фанъ-хирамицу — трактатъ о буддійскихъ божествахъ.

Сооюкфу — мораль синтоистовъ.

Сикки-моку — законы и конституція.

Киузан — обычаи и церемоніи.

Хонзю-оинъ хизи — трактатъ объ искусствѣ управлять, сочиненіе Итакуры Сувано-ками, бывшаго губернатора Міако.

Койоунъ — трактатъ о правительствѣ Японіи.

Ниппоъ-ки — описаніе главныхъ предметовъ, встрѣчающихся въ Японіи, географія этой страны.

Доофуцан — разные дорожники съ обозначеніемъ разстояній, цѣй на припасы, за наемъ экипажей и пр., съ рисунками зданій и всего встрѣчающагося на пути замѣчательнаго.

Киммандзун — краткая флора Японіи. Существуютъ и болѣе подробныя сочиненія объ этомъ предметѣ и о животномъ царствѣ страны съ многочисленными рисунками, часто превосходно исполненными.

Хакуини-изю — стихи ста поэтов; хрестоматія.
Хизу-итие даи-чу — сборникъ поэмъ.—

Маню-чу — собраніе древнихъ поэтическихъ произведеній. Ознакомясь съ европейской литературой, японцы перевели много книгъ съ французскаго, голландскаго и англійскаго языковъ, особливо ученыхъ трактатовъ, по математикѣ, астрономіи, естествознанію, медицинѣ и военному дѣлу. Нѣкоторые изъ этихъ книгъ даже просто перепечатаны ими въ типографіяхъ Осаки, Еддо и Нагасаки, что показываетъ, что знаніе иностранныхъ языковъ уже довольно распространено. Изданія въ японскомъ переводѣ европейскія карты оставляютъ немного желать по тщательности исполненія. Также и туземные карты и планы, относящіеся до Японіи, отличаются полнотою и точностью, но они не удовлетворяютъ европейцевъ въ томъ смыслѣ, что ситуація на нихъ исполнена не штрихами или горизонталями, а изображеніемъ горъ въ перспективѣ, какъ на европейскихъ картахъ XVI—XVII столѣтій. Иногда на нихъ встрѣчаются еще изображенія нѣкоторыхъ мѣстностей à vol d'oiseau. Замѣтимъ, что Японія уже при Сюгунѣ Тейсѣ была сполна снята на карту двумя офицерами.

Японцы также давно знакомы съ употребленіемъ компаса при мореплаваніи. Къ сожалѣнію, двухвѣковое запрещеніе отлучаться отъ береговъ отечества ослабило въ нихъ знаніе морскаго дѣла. Поэтому они начали учиться ему вновь у европейцевъ и уже успѣли не только сформировать личный составъ экипажей для нѣсколькихъ десятковъ судовъ, но и научились строить пароходы и изготовлять паровыя машины. Физика, механика принадлежатъ къ числу любимѣйшихъ ими предметовъ для изученія, и уже съ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія они умѣютъ измѣрять высоты горъ барометромъ. Еще при Зибольдѣ ученики этого натуралиста основали въ Овари ученое общество, и съ того времени ими и другими японскими любителями естествознанія обнародовано нѣсколько томовъ мемуаровъ съ хорошо исполненными пояснительными рисунками. Нынѣ готовятся въ Японіи оптические и другіе физическіе инструменты, есть электрическіе телеграфы, устроенные и поддерживаемые японцами, и даже углоизмѣрныя инструменты готовятся довольно сносно.

Астрономическія познанія японцевъ, заимствованныя первоначально изъ Китая, а потомъ отъ европейцевъ, простираются на столько, что въ Кіото теперь составляютъ календари, та-

блицы солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и проч. Между японскими учеными есть нѣсколько практическихъ астрономовъ, которые своими геодезическими работами способствуютъ къ улучшенію картъ страны. Однакожъ оффиціально Японія еще не приняла нашего времяисчисленія и, что особенно странно, въ обществѣ тамъ держутся очень нераціональнаго дѣленія сутокъ на часы. День у японцевъ состоитъ изъ шести часовъ во всякомъ случаѣ, будетъ ли онъ лѣтній или зимній: то же и ночь, когда караульщики возвѣщаютъ начало каждаго часа ударами въ колоутуку или въ колоколь *). Въ Нью-Йоркѣ пробоvalи готовить для Японіи особенные часовые механизмы, которые или согласно съ такимъ времяисчисленіемъ: удлинненіе и укорочиваніе часовъ достигалось соотвѣстственными измѣненіями въ маятникѣ. Но теперь распространеніе обыкновенныхъ европейскіхъ часовъ, стѣнныхъ и карманныхъ, сдѣлало большіе успѣхи, и можно думать, что скоро прежнее дѣленіе времени совершенно будетъ забыто японцами.

Японскій годъ состоитъ изъ 365 дней, раздѣленныхъ на 12 мѣсяцевъ, соотвѣственно числу знаковъ зодіака, которые отличаются отъ нашихъ одними названіями. Начало года соотвѣтствуетъ нашему февралю, т. е. японской ранней веснѣ. Годы соединяются въ циклы, которыхъ нѣсколько, по которымъ не имѣютъ серьезныхъ астрономическихъ основаній. Для пониманія хронологіи событій нужно знать, что микадо перѣдко основывали свои циклы (непо), безъ знанія которыхъ невозможно приводить года японскаго лѣтосчисленія къ общепринятымъ въ образованномъ мірѣ.

Преподаваніе медицины долгое время встрѣчало неодолимое препятствіе въ религіозномъ предразсудкѣ японцевъ, по которому всякій, прикоснувшійся къ трупу, нечистъ, а кто рѣзалъ человѣческое тѣло—и тѣмъ болѣе. Голландскіе медики однако же побороли этотъ предразсудокъ, и теперь анатомія и физиологія преподаются, какъ у насъ, на трупахъ и живыхъ животныхъ, а частію по рисункамъ и при помощи приборовъ изъ papier-maché. Особенную заслугу медицинѣ въ Японіи оказали докторъ Бодуэнъ, Монике и Помпъ-фонъ-Мердервоортъ, изъ которыхъ послѣдній произвелъ первое на японской землѣ раз-

(*) Кто знаетъ нелѣпое счисленіе часовъ у вѣтхозавѣтныхъ евреевъ и въ современномъ Римѣ, тотъ однако не удивится японскому порядку.

сѣченіе трупа въ 1859 году. Правительство японское, ясно понимавшее пользу этого дѣйствія, поступило при этомъ чрезвычайно ловко, чтобы успокоить взволнованное народное чувство. Оно дало приказаніе похоронить подвергшійся анатомированью трупъ убійцы съ честью, «во вниманіе къ пользѣ, принесенной имъ знанію»..... Едва ли въ какой-либо другой странѣ Востока найдется примѣръ такого благосклоннаго отношенія правительственныхъ властей къ наукѣ; по крайней мѣрѣ, чаще можно встрѣтить случаевъ, гдѣ, напротивъ, точное знаніе приносится въ жертву разнымъ предразсудкамъ или теоріямъ, столь же мало основательнымъ, какъ и отвращеніе японцевъ отъ труповъ. — Теперь Японія имѣетъ двѣ значительныя медицинскія школы — въ Хіого и Нагасаки, гдѣ преподаваніе идетъ частью на голландскомъ, частью же на японскомъ языкѣ, такъ-какъ многія европейскія книги переведены на этотъ языкъ. И между японскими медиками уже считаются десятками люди, получившіе основательное знаніе европейской медицины, какъ напр. Моцумото-Ріо-Зинъ. Госпитали устроены нынѣ во многихъ частяхъ Японіи и снабжены не только докторами, но и хорошимъ наборомъ лекарствъ, инструментовъ и проч. Въ 1870 г. князь Тога открылъ у себя въ удѣлѣ подобное учрежденіе, и въ то же время шла рѣчь объ основаніи большой клиники, съ факультетомъ, въ Іеддо. Европейскіе госпитали въ Іокогамѣ и Кобе служатъ образцами для японцевъ; но только они, при устройствѣ своихъ больницъ, стараются систему больныхъ палатъ замѣнить системою мелкихъ каморъ, такъ какъ больные неохотно идутъ въ первыя.

Старинная японская медицина прославилась нѣсколькими средствами, находящимися и донинѣ въ общемъ употребленіи въ Японіи. Средства эти сугб: накалыванье кожи (акупунктура), прижиганіе помощью небольшой лепешки изъ горючихъ веществъ (мокса) и порошокъ dosia. Кемпферъ, Тунбергъ и Зибольдъ дали подробные трактаты о нихъ, и нельзя не замѣтить, что прижиганіе и накалыванье вошли отчасти и въ европейскую медицину, хотя въ измѣненномъ видѣ. Въ самой Японіи нѣтъ почти человѣка, который бы не носилъ на себѣ знаковъ отъ моксы, особенно вдоль спиннаго хребта. Что до сложныхъ произведеній европейской латинской кухни, то онѣ донинѣ возбуждаютъ нѣкоторое недовѣріе японскихъ медиковъ и вызываютъ у нихъ улыбку, хотя употребляются ими по наставленіямъ европейскихъ учителей. «Скажите пожалуйста, почему должно

предписывать такого или другаго состава микстуру, пилюли или порошокъ, когда физиологическая и патологическая химія намъ совсѣмъ неизвѣстны?» — говорятъ нѣкоторые еритическіе японскіе жрецы Эскулапа. «Если опытъ научаетъ насъ пользѣ отъ такъ-называемыхъ специфическихъ лекарствъ, напр. ртути при сифилисѣ, хины при лихорадкахъ и пр., то мы еще понимаемъ дѣло, т. е. вѣримъ опыту; но гдѣ смыслъ въ безконечномъ разнообразіи европейской фармакопеи, которая предписываетъ едва ли не больше рецептовъ, чѣмъ сколько есть словъ въ любомъ лексиконѣ? И отъ чего въ Европѣ возникла гомеопатія, этотъ антиподъ такъ-называемыхъ истинно-медицинскихъ теорій?»..... Предоставляю врачамъ отвѣчать на эти сомнѣнія; но замѣчу съ своей стороны, что въ японскихъ аптекахъ находится тоже немало банокъ и стклянокъ, ящичковъ и пакетцевъ, назначенныхъ къ систематической порчѣ нашего организма. Рутинна, а отчасти и желаніе поддержать въ профанахъ плательщикахъ уваженіе къ спеціальности, приводятъ здѣсь къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ у насъ.

Въ заключеніе этого краткаго очерка научнаго движенія на Японскомъ архипелагѣ позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторые личныя впечатлѣнія, относящіеся къ тѣмъ школамъ, гдѣ преподаются европейскія знанія. Когда въ началѣ 1870 года появился обнародованный правительствомъ бюджетъ за 1869 г., я съ удивленіемъ замѣтилъ, что на народное просвѣщеніе издѣлано только 50,000 кофѣ, т. е. около 300,000 рублей, и потому обратился къ знакомымъ японцамъ съ вопросомъ: неужто не болѣе? — «О, конечно, гораздо болѣе», были ихъ отвѣты. «Триста тысячъ издержалъ только императоръ и только въ трехъ городахъ, а множество нашихъ учатся теперь въ Парижѣ, въ Утрехтѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Вестъ-Пойнтѣ, множество школъ есть у князей и даже въ самыхъ императорскихъ земляхъ, но вѣдь прямого вѣдѣнія правительства». — Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ въ Іокогамѣ есть прекрасное четырехклассное училище для дѣтей таможенныхъ и полицейскихъ чиновниковъ, и правительство не тратитъ на него ни копейки. Оно выстроило только зданіе, наравнѣ съ цѣлымъ кварталомъ другихъ, назначенныхъ для якушиновъ, но не больше. Расходы на учителей, на книги, на отопленіе — все это дѣло родителей. Учатъ по-англійски, по-французски, географіи, математикѣ и, конечно, по-японски и по-китайски, но безъ посвященія полжизни на послѣдній предметъ, какъ было прежде. Тутъ же, въ сосѣдствѣ

Токогамы, нѣкто Кавацуки, бывший сановникъ, завелъ на свой счетъ военную школу, съ однимъ французскимъ языкомъ, но за то съ основаніями военныхъ наукъ. Въ Токоскѣ, при морскомъ арсеналѣ, есть школа, изъ которой будутъ выходить механики или хотъ хорошіе машинисты. У Сацумы, Канги, Тозы, Идзумо и другихъ князей цѣлая толпа молодежи учатся дѣлу подъ руководствомъ всевозможныхъ европейскихъ учителей — англичанъ, голландцевъ, швейцарцевъ, французовъ. И учатся съ жаромъ, съ увлеченіемъ, какого я не встрѣчалъ въ европейскихъ училищахъ. Это какое-то упоеніе наукою, ненасытная жажда. Въ Нагасаки мнѣ случилось видѣть аудиторію, въ которой знакомый профессоръ-голландецъ началъ преподавать не дальше какъ за шесть мѣсяцевъ до моего посѣщенія. Молодые люди отъ 13 до 18 лѣтъ успѣли въ это краткое время пройти всю арифметику, геометрію и алгебру до квадратныхъ уравненій включительно. Я не хотѣлъ вѣрить, но отзывы самихъ учениковъ и лицъ постороннихъ убѣдили меня. И еще нужно замѣтить, что преподаваніе велось черезъ переводчика, потому что профессоръ не зпалъ по японски. Не безъ удивленія смотрѣлъ я, какъ вызванные ученики принимались за рѣшнѣ довольно сложныхъ задачъ. Уравненіе писалось, преобразованія и подстановки дѣлались, корень выводился въ какихъ-нибудь пять минутъ, и ученикъ не безъ торжествующаго взгляда посматривалъ на учителя и товарищей. Весело было видѣть такую аудиторію, хотя порядка въ ней мало, потому что кто сидѣлъ на полу, по-японски, кто на стулѣ, обращенномъ спинкой впередъ, кто у табурета, замѣняющаго письменный столъ. И когда, окончивъ урокъ, эти юноши съ сверкающими глазами окружали своего учителя съ добродушной голландской фізіономіей, чтобы отдать ему, по-японски, глубокій поклонъ, я припоминалъ лучшія минуты собственной юности. И математика не была единственнымъ предметомъ занятій; напротивъ, какъ школа основана для образованія медиковъ, то значительная часть времени шла на преподаваніе анатоміи и отчасти другихъ естественныхъ наукъ, насколько то было возможно безъ физики и химіи, отложенныхъ до будущаго года. Нѣкоторые изъ болѣе взрослыхъ и понятливыхъ учениковъ находили даже возможность понемногу ознакомляться и съ этими отраслями естествознанія, да притомъ съ цѣлью сейчасъ примѣнить ихъ къ жизни. Одинъ 18-ти-лѣтній юноша, узнавъ въ подробности европейскіе способы очищенія камфоры, немедленно занялся рафинировкой ея

въ большомъ объемѣ, чтобы избавиться отъ необходимости продавать инопотрапцамъ въ грубомъ видѣ, за полцѣны *). Другой познакомся съ нашей системой выварки соли, воспользовался каппулами, чтобы въ домъ родителей, соловаровъ, устроить градиры вмѣсто прежнихъ кучъ гравія. Въ Нагасаки, или правильнѣе въ сосѣдней Аконурѣ, я видѣлъ производство самыхъ сложныхъ машинъ — и въ цѣломъ заводѣ ни одного иностранца. На одномъ изъ нагасакискихъ каналовъ высится желѣзный мостъ — монументъ для потомства о «дѣтскомъ» возрастѣ японской цивилизаціи.

Но это все вліяніе европейской науки: гдѣ же туземная школа? какова ея участь и какіе плоды приноситъ она? — Что до плодовъ, то ихъ легко видѣть съ перваго дня вступленія на японскую почву. Въ цѣлой Японіи нѣтъ ни одного человѣка безграмотнаго, и правительство ничего не тратитъ на это; оно только не мѣшаетъ родителямъ исполнять по совѣсти ихъ обязанности. Въ каждой деревнѣ есть школа, иногда двѣ и болѣе. Въ Токогамѣ японскій городъ имѣетъ четыре училища, и даже въ кварталѣ публичныхъ домовъ, назначенныхъ *for the pleasure of foreigners*, нашлось мѣсто для одного. За то сами *foreigners*, миллионеры и «джентльмены», не имѣютъ у себя ни одной школы, такъ что семейные люди должны отсылать своихъ дѣтей учиться въ Европу. — Обстановка японскихъ школъ, конечно, не очень блестяща: въ нихъ циновки замѣняютъ паркетъ и учитель въ каленковомъ халатѣ, босикомъ *à la Socrate*, — мудреца въ золотыхъ очкахъ, фракѣ и лакированныхъ сапогахъ; но особой бѣды въ томъ невидно. Учатся *всѣ*, и педагоги не прибѣгаютъ ни къ розгамъ, ни къ другимъ физическимъ и нравственнымъ истязаніямъ, которыми христіанскіе наставники въ Европѣ иногда думаютъ развить умственные силы учениковъ и сообщить ихъ характеру твердость въ перенесеніи несчастій. Что до направленія первоначальнаго образованія, то о немъ уже упомянуто разъ: учать читать, писать, считать, отечественной исторіи, географіи и отчасти морали, по примѣрамъ для

*) Замѣчу здѣсь, къ стыду европейскихъ цивилизаторовъ, что голландецъ, научившій этого юношу, потомъ изъяснялъ о томъ сожалѣніе: «это, говорилъ онъ, у насъ въ Амстердамѣ важная отрасль промышленности». То же можно сказать и про всѣхъ профессоровъ иностранцевъ, которые вслѣдствіи стараются *недоучивать* японцевъ, а въ оправданіе разслагольствуютъ о небрежности и нетерпѣливости ихъ при учебныхъ занятіяхъ.

чтенія, но безъ участія жрецовъ и цензуры. Вліяніе Конфуція сказывается болѣе или менѣе вездѣ; но хотя такимъ образомъ японскіе учителя много вѣковъ преподають скептическій рационализмъ, однако мы видимъ, что государство не развалилось храмовъ въ немъ не меньше, чѣмъ въ цѣлой Европѣ, патриотизмъ не ослабъ, сердца бьются отъ самыхъ святыхъ побужденій и, на удивленіе цѣлому свѣту, потомки современнаго Навуходоносору Зинъ-му непрерывно и безпрекословно владѣютъ Японіей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Хронологія японской исторіи.

Востокъ не имѣетъ философской исторіи и, вѣроятно, долго имѣть ея не будетъ. Лѣтописи его народовъ полны разсказами о потрясающихъ событіяхъ, о движеніяхъ цѣлыхъ народовъ, о войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ, о подвигахъ знаменитыхъ полководцевъ, государственныхъ людей и ученыхъ, о бѣдствіяхъ естественныхъ и о любопытныхъ явленіяхъ въ природѣ, но лѣтописцы не умѣли восвыситься не только до осмысленія цѣлыхъ рядовъ событий, а даже до простой группировки ихъ въ какомъ либо другомъ порядкѣ, кромѣ хронологическаго. Какія цѣли преслѣдовала та или другая нація въ данное время, какой имѣла внутренній строй, каковы были ея благосостояніе вещественное и развитіе умственное,—до всего этого обыкновенно нѣтъ дѣла азиатскимъ историкамъ. Самое большое, что иногда встрѣчается у нихъ и что нѣсколько оживляетъ сухія страницы ихъ твореній, это отзвѣы о нравственныхъ качествахъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣателей и романтическія подробности ихъ біографіи. Официальное положеніе большей части лѣтописцевъ, особенно напр. въ Китаѣ, заставляетъ при томъ европейскаго изслѣдователя безпрестанно предполагать, что въ трудѣ восточнаго анналиста многое недосказано, многое освѣщено съ очень исключительной точки зрѣнія и потому способно лишь вести къ заблужденію. Японскія лѣтописи,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ извѣстны Европѣ, благодаря Кемферу, Клапроту, Тицингу, Гофману, Диксону,—не отступаютъ въ этомъ случаѣ отъ общаго правила, хотя, на-

добно имъ отдать справедливость, опѣ все же выше официальныхъ хроникъ Срединнаго царства.

Такъ какъ Японія большую часть исторической жизни своей провела уединенно, внѣ широкаго круга международныхъ сношеній, то понятно, что исторія ея небогата событіями внѣшними, то-есть войнами, нашествіями и проч. Немного можно найти въ ея лѣтописяхъ указаній и на торговыя связи японскаго народа съ чужеземцами. Но за то тѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе хронологическія отмѣтки о событіяхъ внутреннихъ, особенно, конечно, о тѣхъ, которыя относились непосредственно къ жизнеописаніямъ царственныхъ особъ. Ни одинъ народъ современной Европы не представляетъ ничего подобнаго этому непрерывающемуся, относительно времени, разсказу, который охватываетъ двадцать пять съ четвертью вѣковъ. Только прикинувъ свои бытописанія къ греко-римскимъ, то есть отказавшись отъ національности, могъ бы итальянецъ, испанецъ или французъ повести свою исторію дальше въ глубь прошедшихъ вѣковъ, чѣмъ обитатель Японіи. Образованныя же націи средней Европы, тѣ, которыя стоятъ теперь во главѣ цивилизаціи, далеко моложе японцевъ, и это, замѣтимъ, имѣетъ большое значеніе, потому что объясняетъ трудность выхода Японіи на большую дорогу всемірной гражданственности. Многовѣковыя формы жизни, какъ извѣстно, весьма неуступчивы.

Въ статьѣ, подобной настоящему очерку, не можетъ, конечно, быть и рѣчи о представленіи связнаго, живаго образа прошедшихъ судебъ Японіи. Для этого ни я лично не подготовленъ, ни сама историческая наука. Живой, связный очеркъ потребовалъ бы многолѣтнихъ трудовъ, близкаго знакомства съ жизнью народа, съ его вѣрованіями, преданіями, поэзіей, предразсудками, и глубокаго внутренняго такта, который водить обыкновенно истинными историками даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они пишутъ не многотомныя творенія, а краткіе эскизы событій. Но я далекъ отъ такихъ совершенствъ и при томъ осмѣливаюсь думать, что даже первостепенные таланты, подобные Нибуру, Тьерри, Прескоту и Маколею, не создали бы ничего художественнаго изъ того сырого матеріала, который имѣютъ въ своихъ рукахъ европейцы теперь. Официальная хроника—не исторія и можетъ оживиться подъ перомъ писателя только тогда, когда есть рядъ другихъ источниковъ, современныхъ давно прошедшему и высказывающихъ—напрямно или, еще лучше, неволью—отличительныя его

черты; для Японіи же и Китая мы ничего подобнаго не имѣемъ.

И такъ, здѣсь найдетъ себѣ мѣсто только *хронологическая таблица* японской исторіи, въ которую однако будутъ внесены не всѣ событія, казавшіяся важнымъ японскимъ лѣтописцамъ, а лишь тѣ, знаніе которыхъ полезно для пониманія прошлыхъ судебъ Японіи съ европейской точки зрѣнія. Къ ней я попытаюсь приложить нѣсколько общихъ заключеній, характеристическихъ для японской исторіи. Разумѣется, что объемъ таблицы и вообще всего очерка будетъ соображенъ съ объемомъ прочихъ главъ этого сочиненія. На русскомъ языкѣ это будетъ во всякомъ случаѣ первая попытка знакомства съ прошлымъ страны, которая въ грядущемъ, вѣроятно, будетъ связана съ нашимъ отечествомъ тѣсными узами. Лицамъ, которые пожелаютъ болѣе подробнаго и связнаго изложенія, я укажу на статью въ I томѣ «Прусской Экспедиціи»,—которая впрочемъ все же не болѣе, какъ довольно сухой эскизъ,—на книгу Диксона «Япанъ», на Кемпфера, Зибольда, Тицинга, Клапрота и проч.

Японская исторія, подобно почти всѣмъ другимъ, начинается мифами. Она щедро разсыпаетъ тысячелѣтія и даже сотни вѣковъ на царствованія боговъ на землѣ, она проводитъ передъ нами ряды героевъ полубожественныхъ, и лишь съ извѣстной эпохи принимаетъ земной характеръ. Эту то эпоху мы и должны признать дѣйствительнымъ началомъ самой исторіи, а все предшествовавшее отбросить, какъ недостойное точной науки. Зибольдъ такъ и сдѣлалъ: послѣдуемъ же его примѣру.

Японія, какъ государство, образовалась въ VII столѣтіи передъ Р. Х. Очевидно, что оно не могло возникнуть изъ ничего припадъ государственное устройство прямо послѣ эпохи дикости, въ какой мы видимъ напр. нѣкоторыя тунгузскія племена Востока, австралийцевъ и американскихъ индѣйцевъ. Несомнѣнно, что былъ періодъ родового и племеннаго быта; но мы почти ничего не знаемъ о немъ. Извѣстно только, что подъ 660 годомъ до Р. Х. лѣтописи упоминаютъ объ основаніи монархіи микадо въ южныхъ частяхъ теперешней Японской имперіи, отъ Кіусіу до залива Іеддо. Первымъ императоромъ опѣ называютъ *Зинъ-му*, котораго предки, конечно, были герои, полубоги и даже сама богиня солнца, верховное божество Японіи. Зинъ-му подобенъ Кекропсу и Кадму въ преданіяхъ древней Греціи; онъ научилъ народъ разнымъ первобытнымъ про-

мыслятъ, установили дѣленіе времени на годы, мѣсяцы и часы, дали законы, устроили правительство и проч. Кромѣ того онъ былъ и завоевателемъ, подобно нашему Олегу, потому что выйдя съ Кіусіу, семь лѣтъ занимался покореньемъ страны, образовавшей территорію его государства и до того уже занятой народомъ не дикимъ, а имѣвшимъ оружіе, предводителей и укрѣпленныя мѣстности. Былъ ли Зинъ-му китайскимъ выходцемъ, какъ полагалъ Клапротъ, трудно сказать; вѣроятнѣе, что отечествомъ его была Японія, но что свое умственное превосходство онъ отчасти заимствовалъ отъ китайцевъ. По крайней мѣрѣ лѣтописи японскія говорятъ, что уже въ его время проникали въ страну иностранные идолы, а слѣдовательно и служители ихъ, жрецы, эти хранители первобытной человѣческой мудрости. Прийти же послѣднимъ было не откуда больше, какъ изъ Небесной имперіи.

За Зинъ-му послѣдовали микадо:

2. *Сунъ-сей*, современникъ Конфуція (581—548) и третій сынъ Зинъ-му, изъ чего видно, что уже тогда право первородства не было особенно важнымъ въ Японіи.

3. *Анъ-ней*, умершій въ 510 году до Р. Х.

4. *И-току*—475.

5. *Косіо*—392. Царствованіе его ознаменовалось первой войной, которую знаютъ японскіе лѣтописцы; то было междуусобіе двухъ областей, т. е. ихъ управителей, Іецъ и Го.

6. *Коанъ*—290.

7. *Кореи*—244. Въ его время Японія была раздѣлена на 36 провинцій, хотя еще не обнимала всего Нипона.

8. *Коокинъ* или *Когенъ*—157, современникъ китайскаго императора Ванъ-ди, которому преданіе приписываетъ высылку въ Японію, подъ предводительствомъ врача Си-фу, для отысканія травы безсмертія, трехъ тысячъ китайцевъ, которые потомъ остались въ предѣлахъ японскаго государства и, вѣроятно, первые познакомили его ближе съ промышленностью и образованностью Китая.

9. *Кайкwa*—97.

10. *Сіу-зинъ*—29 до Р. Х. Этотъ микадо въ 86 г. до Р. Х. создалъ впервые должность сіогуна, то-есть главнокомандующаго войсками въ случаѣ возстаній или вѣшной войны. Должность эта была имъ отдана одному изъ сыновей. Въ это же царствованіе произведена была первая народная перепись, японцы начали заводить флотъ, торговый и даже военный.

11. *Сикинъ*—70 по Р. Х. Въ царствованіе этого современника Августа японцы начали рыть пруды и проводить каналы для обработки рисовыхъ полей. Тогда же въ Японію впервые проникъ буддизмъ.

12. *Кейко*—113.

13. *Сей-му*—192.

14. *Ціу-анъ*—201.

15. *Зинъ-гу-ква-гу*—270. Эта знаменитая императрица была первою женщиною на престолѣ микадо. Она имѣла намѣреніе завоевать Корею и сама начальствовала арміею, посланною на этотъ полуостровъ. Имя ея весьма популярно въ Японіи, и съ нимъ связаны нѣкоторыя особенности быта японцевъ. Она даже обоготовлена.

16. *О-синъ* или *Во-зинъ*—313. Микадо, по выраженію японскихъ лѣтописей, знаменитый въ войнѣ и мирѣ, и также обоготворенный подъ именемъ Хадимана или Фадмана. При немъ получила начало японская письменность, заимствованная изъ Китая, первоначально безъ всякаго измѣненія. До Во-зина въ Японіи всѣ законы и повелѣнія микадо объявлялись народу словесно и переходили въ потомство по преданію, такъ же какъ и рассказы о прошедшихъ событіяхъ.

17. *Нинъ-току*—400.

18. *Лицзіу* или *Рицзіу*—406.

19. *Фонъ-сей*—412.

20. *Икио*—424.

21. *Анко*—457.

22. *Юріаку* или *Іу-макъ*—480. Первые монеты были выбиты въ его царствованіе нѣкимъ Сякою.

23. *Сей-ней*—485.

24. *Кенъ-со*—488.

25. *Нименъ*—499.

26. *Бурецу* или *Мурецу*—506. Жестокій государь, который самъ вскрывалъ животы беременнымъ женщинамъ.

27. *Кей-таи*—534. Напротивъ, микадо весьма добродѣтельный и по смерти всѣми оплаканный.

28. *Анъ-канъ*—536.

29. *Сенъ-ква*—540.

30. *Кинъ-меи*—572. Государь весьма религіозный и большой покровитель буддизма, который съ этого времени прочно утвердился въ Японіи.

31. *Фитацу* или *Бидатъ*—586. Неменьше ревностный по-

клонникъ ученія Шакіямуні, котораго статуя, донинѣ знаменитая, принесена была тогда въ Японію и поставлена въ храмъ Кобузи. Своимъ усердіемъ къ буддизму онъ возбудилъ даже противу себя возстаніе національной партіи, во главѣ которой стоялъ нѣкто Моріа.

32. *Го-мен*—588. Побѣдитель Моріа.

33. *Сіу-зіунгъ*—593. При немъ установилось дѣленіе Японіи на семь дорогъ или большихъ районовъ, дѣленіе не административное, но географическое.

34. *Сун-ко* или *Сико*—629. Императрица, въ царствованіе которой японцы впервые узнали золото, привезенное изъ Кореи.

35. *Зіо-мен*—636.

36. *Кво-гоку*—646; женщина.

37. *Ко-току*—655. Онъ первый установилъ японскую табель о рангахъ и знаки отличій чиновниковъ. Съ его же времени стали въ хронологіи употреблять счетъ не отъ начала монархіи, но по царствованіямъ. Другимъ ничѣмъ себя не обезсмертилъ.

38. *Сам-мен*—662.

39. *Тенъ-ци*—671.

40. *Тенъ-му*—687. Этотъ микадо получилъ свое достоинство послѣ междоусобной войны съ младшимъ своимъ братомъ. Подобныя междоусобія были въ природѣ вещей, ибо, какъ уже было замѣчено, первородство не давало права на престолъ, и множество государей было изъ младшихъ братьевъ, племянниковъ и другихъ родственниковъ царствовавшего предъ тѣмъ микадо, минуя ближайшихъ ему родныхъ. При Тенъ-му открыты были на о. Цусимѣ и начали разрабатываться первые японскіе рудники серебра. Тогда же установленъ обычай праздновать дни покровителей разныхъ городовъ такъ называемыми мацури, столь любимыми японскимъ народомъ.

41. *Ци-то*—697. Женщина, въ царствованіе которой японцы впервые научились готовить свой напитокъ — саки. Отказалась отъ престола за 3 года до смерти.

42. *Монъ-му*—708. Провинціи получили гербы, что показываетъ, что бюрократическія затѣи тогда уже были въ сильномъ ходу въ Японіи. Тогда же введена точная мѣра сыпучихъ тѣлъ.

43. *Генъ-мен*—715. При этой императрицѣ сдѣлана перенесъ населеннымъ мѣстамъ государства, въ видахъ установленія для нихъ прочныхъ официальныхъ названій.

44. *Генъ-сіо*—724. Императрица. Даны правила для одежды женщинъ, то-есть регламентація доведена до такой степени, до которой она, за немногими исключеніями, не смѣла достигнуть въ Европѣ. Впервые сталъ извѣстенъ о. Іезо.

45. *Сіо-му*—750. Первые аптеки заведены въ Японіи.

46. *Ко-хенъ*—759; женщина. Впервые найдено золото въ Японіи.

47. *Фан-таи*—764. Введены серебряныя деньги.

48. *Сіо-току*—771; женщина.

49. *Коо-нинъ*—782.

50. *Кванъ-му*—806. Въ царствованіе этого государя на Японію сдѣлано было нашествіе пародомъ, который однакоже не былъ ни китайцы и ни корейцы, а, вѣроятно, сіамцы. Девять лѣтъ тянулась борьба, стоившая огромныхъ потерь людямъ, пока чужеземцы не были побѣждены. Хотя они послѣ этого еще нѣсколько времени усиливались продолжать завоеваніе Японіи, но были наконецъ совершенно изгнаны въ 806 году.

51. *Фей-цзо*—810.

52. *Са-га*—824.

53. *Зіунъ-ва*—834.

54. *Нинъ-міо*—851.

55. *Монъ-току*—859.

56. *Сейва*—877. Лѣтописи рассказываютъ, что въ царствованіе этого современника нашего Рюрика конфуціево ученіе сдѣлало большіе успѣхи въ высшихъ классахъ японскаго общества. Самъ микадо съ особымъ удовольствіемъ предавался чтенію произведеній китайскаго философа. Онъ же устроилъ буддійскую іерархію.

57. *Го-зеи*—885.

58. *Ква-но*—888.

59. *Уда*—898.

60. *Дайто*—931.

61. *Сіу-заку*—949.

62. *Мура-ками*—968.

63. *Рей-зень*—970.

64. *Генъ-во*—985.

65. *Квасанъ*—987.

66. *Ици-цзо*—1012. Цвѣтущій вѣкъ японской литературы. Многіе знаменитые писатели жили при дворѣ Ици-цзо.

67. *Санъ-цзо*—1017.

68. *Го-ици-цзо*—1037. Открытіе японцами Филиппинских острововъ.

69. *Го-зю-заку*—1046.

70. *Го-рей-зень*—1069. Возстаніе въ провинціи Осіу.

71. *Го-санъ-цзо*—1073.

72. *Сиро-кава*—1087.

73. *Хори-кава*—1108.

74. *Тоба*—1124.

75. *Синъ-току*—1442.

76. *Конъ-іе*—1155. Знаменитая внутренняя война между княжескими домами Феки и Гендзи заняла значительную часть этого царствованія и грозила совершенно опустошить Японію. Этому междоусобию и послѣдовавшимъ за нимъ обязаны своимъ новымъ возвышеніемъ при дворѣ микадо главнокомандующіе войсками, или сіогуны; ибо они являлись усмирителями возставшихъ удѣльныхъ князей. Особую извѣстность получилъ Іеритомо, которому императоръ далъ титулъ великаго сіогуна съ полномочіемъ привести къ концу междоусобіе во чтобы ни стало и мѣрами, которыя тотъ признаетъ за лучшія. Успѣвъ въ своемъ порученіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ почти лишилъ власти самихъ микадо и сдѣлалъ званіе сіогуна сходнымъ съ званіемъ султана въ халифахъ багдадскихъ. Долгая его карьера составлялась въ царствованіи:

77. *Го-сира-кава*—1159.

78. *Ни-цзо*—1166.

79. *Року-цзо*—1169.

80. *Тако-кура*—1181.

81. *Ангъ-току*—1184.

82. *Го-тоба*—1199, изъ которыхъ собственно послѣдній далъ ему титулъ сѣи-сіогуна.

83. *Цуци-микадо*—1211, въ свою очередь даровалъ тотъ же титулъ сыну Іеритомо, но не прежде, какъ пять лѣтъ спустя послѣ смерти знаменитаго отца. Въ 1206 г. введено книгопечатаніе изъ Китая.

84. *Сіонъ-току*—1221. При немъ побочный сынъ Іеритомо, Санетомо, уже силою поддерживалъ свои притязанія на должность сіогуна и для этой цѣли завелъ военный флотъ.

85. *Го-хори-кава*—1233.

86. *Си-цзо*—1243.

87. *Го-сага*—1247.

88. *Го-фука-куза*—1260.

89. *Каме-яма*—1275.

90. *Го-уда*—1288. При немъ, въ 1284 году, появился у береговъ Японіи монгольскій флотъ, съ 240.000-мъ десантомъ, имѣвшимъ цѣлю завоеваніе этой страны; но былъ разбитъ бурей.

91. *Фузими*—1299.

92. *Го-фузими*—1302.

93. *Го-ни-цзо*—1308.

94. *Фана-зоно*—1319.

95. *Го-дай-го*—1132. Послѣ смерти 96-го микадо, Кво-гена, онъ царствовалъ вторично три года.

Начало новыхъ междоусобій, которыя привелъ къ тому, что микадо отрекся отъ престола, перешедшаго тогда къ

96. *Кво-гену*—1337, который вмѣстѣ съ своими преемниками:

97. *Кво-міо*—1349.

98. *Сю-хво*—1352.

99. *Го-кво-гу*—1372.

100. *Го-іень-ю*—1383.

101. *Го-ко-мацу*—1413 считаются похитителями. Въ концѣ XIV столѣтія Японія имѣла даже двухъ микадо, сѣвернаго и южнаго, изъ коихъ послѣдній, впрочемъ, добровольно отказался въ 1392 г. отъ своихъ притязаній и пошелъ въ монахи подъ именемъ Тай-цзо-тень-о.

Примѣчаніе. Переходъ микадо въ монашество нерѣдкость въ японской исторіи. Не менѣе трехъ императоровъ прежде Тай-цзо приняли монашескую рясу. Этотъ обычай водворился въ Японіи со времени введенія буддизма.

102. *Сіо-кво*—1429.

103. *Го-фана-зоно*—1465.

104. *Го-иуци-микадо*—1501.

105. *Казива-бара*—1527.

106. *Го-нара*—1558. При немъ въ 1543 г. прибыли въ Японію португальцы.

107. *Оюки-мацуми*—1587. Въ царствованіе его, въ 1565 г., сіогуны Іозитира вскрылъ себѣ животъ, а сіогуны Нобунанга былъ убитъ, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ, во дворцѣ Міако. По смерти Нобунанги званіе сіогуна нѣкоторое время носилъ Санъ-фози, но въ 1586 году окончательно утвердился по этой должности хидейози, получившій отъ микадо титулъ скванбуку, т. е. вице-короля. Хидейози былъ сынъ крестьянни-воими дарованіями и смѣлостью выпедшій въ люди. Сдѣлава:

пись повелителемъ Японіи, опъ, по обычаю страны, переимъ-
нилъ имя и сталъ называться Тайко-сама. Возставшіе про-
тивъ него аристократы были по большей части имъ усмирены
и даже лишены владѣній; самые микадо утратили почти все
значеніе.

108. *Го-іо-зеи*—1612. Въ царствованіе его Тайко, тогда уже
почти дѣйствительный государь Японіи, чтобы отвлечь внима-
ніе аристократіи отъ внутреннихъ дѣлъ, ослабить ее расходами
и подчинить хотя на время военной диктатурѣ, рѣшился въ
1592 году идти войной на Корею, подъ предлогомъ доставленія
повыхъ удѣловъ князьямъ, лишившимся таковыхъ во время
маждоусобій. Завоеваніе почти всего полуострова было довер-
шено, не смотря на противоѣдѣйствіе китайцевъ; но въ 1598 г.,
передъ смертію, Тайко отозвалъ войска, и завоеванныя земли
отпали отъ Японіи.

109. *Го-мидзу-ново* или *Дан-зео-хва*—1630. Въ царствова-
ніе его единственный сынъ и наслѣдникъ Тайко былъ осажденъ
въ осакомъ замкѣ бывшимъ своимъ воспитателемъ Іеясомъ и
предалъ себя пламени, чтобъ не сдаться, или же, по преданію,
скрылся во владѣнія князя Сацумы. Іеясъ сталъ сіюгуномъ, и
когда аристократія возстала противъ похищенія имъ власти,
то прибѣгнувъ къ тѣмъ же мѣрамъ, какъ Тайко, т. е. усми-
рять мятежныхъ оружіемъ, отбиралъ ихъ владѣнія и отдавалъ
своимъ приверженцамъ. Въ 1614 году однако же оставшаяся
родовая знать, именно 18 дайміосовъ, дружно соединилась про-
тивъ него, и тогда Іеясъ рѣшился пойти на сдѣлку, освящен-
ную потомъ согласіемъ микадо и извѣстную подъ именемъ за-
кона Гонгенсамы. Уговоръ этотъ имѣлъ характеръ конститу-
ціонной хартіи и поддерживался въ силѣ до самыхъ послѣднихъ
событій нашего времени. Іеясъ былъ основателемъ династіи Ми-
намотоно, управлявшей Японіею два съ половиной вѣка.

110. *Ню-те*—1644. Императрица, при которой послѣдовало
истребленіе христіанъ и изгнаніе изъ Японіи всѣхъ иностран-
цевъ, исключая китайцевъ и голландцевъ.

111. *Го-кво-міо*—1655.

112. *Симинъ* или *Гао-саи*—1664.

113. *Кинъ-зенъ* или *Рей-генъ*—1687. Для убѣжденія прави-
тельства, что не осталось христіанъ въ имперіи, при немъ
произведена была перепись народа по вѣроисповѣданіямъ, и
лица, состоявшія въ подозрѣніи христіанства, посажены въ тюрь-

му на вѣки. Іезо и Линейскіе острова стали частями японскаго
государства.

114. *Химаси-яма*. 1710

115. *Накане-микадо*. . . 1736

116. *Сакура-мацц*. . . . 1747

117. *Момо-зоно*. 1736

118. *Го-сакура-мацц*,
женщина. 1771

119. *Го-мамо-зоно*. . . . 1780

120. *Ко-каку*. 1817

121. *Данъ-ку*. 1847

122. *Нори-фито*.

123. *Данъ-зео-канъ*.

Въ царствованіе всѣхъ этихъ
микадо, Японія, оставаясь зам-
кнутою иностранцамъ, продол-
жаетъ мало по малу расширять
свою территорію и на сѣверъ,
основаніемъ колоній, не только
на Мацмаѣ, южная часть кото-
раго приобрѣтена была еще въ
XVII вѣкѣ, но и на Сахалинѣ
и на островахъ Курильскихъ.
Японія открыта для иностран-
цевъ. Уничтоженъ тайкунатъ
(1868) и наслѣдственность долж-
ностей.

Замѣчательно, что со времени упроченія наслѣдственной
власти сіюгуновъ въ фамиліи Минамотоно микадо весьма ча-
сто отрекались отъ престола, едва успѣвъ до-стигнуть зрѣла-
го возраста; власть ихъ очевидно потеряла всю прелесть.

Зибольдъ, Гофманъ и фанъ-Мердервортъ даютъ еще таблицу
сіюгуновъ съ 1186 г., то-есть со времени Ёритомо. Повторить
ее мнѣ кажется лишнимъ; но какъ съ конца прошлаго вѣка
Японія стала предметомъ попытокъ иностранцевъ, стремившихся
открыть въ нее доступъ, и какъ имъ приходилось при этомъ
имѣть дѣло не съ микадо, а съ сіюгунами, то для лучшаго по-
ниманія событій *) приведу здѣсь имена тайкуновъ съ 1787 года.

Іе-норп. 1787 — 1842

Іе-оси по — 1853

Іе-зада » — 1858

Іе-коски » — 1867

Іоси-нобу (Стоцбаши) . . » — 1868

Замѣчу еще, что въ теченіе XIX столѣтія сами сіюгуны по-
теряли уже почти все значеніе, а дѣйствительная власть въ
дѣлахъ государственныхъ перешла къ первымъ министрамъ,
предсѣдателямъ тайкунова совѣта, которые въ свою очередь
были наслѣдственны въ фамиліи Ии-камонъ-по-ками до самаго
1861 года. Съ марта 1868 года званіе сіюгуновъ упразднено.

*) Исторія коихъ отчасти изложена въ главѣ о сношеніяхъ
Японіи съ иностранцами.

Сколь ни скуденъ содержаніемъ этотъ очеркъ или, правильнѣе, эта таблица японскихъ властелиновъ, все же изъ нея, въ совокупности съ нѣкоторыми историческими фактами, изложенными въ другихъ главахъ сочиненія, могутъ быть сдѣланы нѣкоторые выводы, не лишеныя значенія. И какъ исторія безъ выводовъ, по моему мнѣнію, есть лишь напрасное обремененіе памяти, то я приведу здѣсь нѣкоторые изъ самыхъ простыхъ заключеній:

1. Японская государственная область никогда невыходила изъ предѣловъ Японскаго архипелага. Исключеніе составляютъ два кратко-временныя завоеванія Кореи.

2. Въ свою очередь Японія не была завоевана иностранцами или даже доступна имъ на всемъ протяженіи, а только отчасти, что продолжается и понынѣ. Это обстоятельство и система политическаго устройства сдѣлали японскій народъ совершенно однороднымъ этнографически.

3. Японія искони составляла одно государство и притомъ монархическое. Республиканскія формы правленія ей не были никогда извѣстны.

4. Однако уже съ давняго времени она стала монархіею конституціонною, гдѣ монархъ царствовалъ, но не управлялъ.

5. Какъ во всякой монархіи не деспотической, въ Японіи было искони дворянство, владѣвшее поземельною собственностью, пользовавшееся большими политическими правами и часто боровшееся за нихъ, когда самовластіе хотѣло нарушить ихъ.

6. Но то же дворянство иногда причиняло междоусобія.

7. Централизующая власть въ борьбѣ своей съ федерализмомъ аристократіи прибѣгала то къ оружію, причемъ возвысилась власть военачальниковъ, то къ противопоставленію наслѣдственному дворянству чиновничества (часто въ формѣ шпіонства), что повело къ крайней регламентаціи бытовыхъ отношеній, иногда доходившей до смѣшнаго и жалкаго.

8. Конституція Японіи и ея общественный строй однако не измѣнялись существенно во все продолженіе ея исторіи до послѣдняго времени. Важнѣйшая перемѣна произошла при окончаніи борьбы сіюгуновъ съ князьями въ XVII вѣкѣ; но и тутъ общество осталось аристократическимъ, а народныя массы — политически ничтожными.

9. Экономическая, т. е. промышленная исторія Японіи намъ почти неизвѣстна, за исключеніемъ отрывочныхъ фактовъ и

эпизода коммерческихъ сношеній съ европейцами и китайцами.

10. На развитіе промышленности и образованности имѣла вліяніе китайская цивилизація. Уже 1000 лѣтъ назадъ конфуціевскій рационализмъ былъ популяренъ въ Японіи.

11. Вліяніе другихъ странъ выразилось введеніемъ буддизма и, одно время, христіанства; но послѣднее, сдѣлавъ успѣхи въ народѣ, было однако искоренено, и не нравственными мѣрами, а полицейскими.

Полагаю, что эти немногіе выводы не обременятъ собою читателя; а между тѣмъ твердое знаніе ихъ будетъ полезно всякій разъ, когда встрѣтится надобность обсуждать историческія событія, совершающіяся нынѣ на Японскомъ архипелагѣ или уже давно прошедшія.

КОНЕЦЪ.